

ИЗУЧЕНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА И РЕЧИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

СЛОВЕСНЫЕ АССОЦИАЦИИ КАК ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫ. АССОЦИАТИВНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

И.О. Прохорова

Кафедра русского языка медицинского факультета
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Макляя, 6, Москва, Россия, 117198

Целью статьи является анализ словесных ассоциаций как феномена культуры и описание ассоциативного эксперимента как наиболее эффективного способа изучения языкового сознания человека. Анализ базируется на данных Русского ассоциативного словаря и ассоциативного эксперимента со студентами РУДН.

Ассоциация — это связь между предметами и явлениями действительности, основанная на личном опыте человека.

Конечно, этот опыт в большой степени субъективен. Так почему же отечественная психолингвистика столь активно занимается исследованием вербальных ассоциаций и составлением ассоциативных словарей?

Дело в том, что в нашем сознании слова не существуют изолированно друг от друга. Они образуют разного рода устойчивые связи, ассоциативные блоки. Поэтому ассоциативный словарь, в отличие от традиционных толковых словарей, представляет попарно соединенные слова. «Владение языком, — пишет Р.М. Фрумкина, — в том и состоит, что в психике носителя не записана отдельно лексика и отдельно грамматика» [4. С. 192]. Еще раньше то же самое мнение высказал и И.А. Мельчук, описывая русский язык в модели «Смысл ↔ Текст» (см. [3]). Это и понятно, ведь лексико-грамматическая система функционирует в речевой деятельности совокупно. Последнее хорошо согласуется с идеей Б.М. Гаспарова о коммуникативных фрагментах как первичных единицах владения языком, хранящихся в памяти говорящего в виде стационарных частиц его языкового опыта. Изучение ассоциативных связей позволяет понять, какова структура этих коммуникативных фрагментов и, в конечном счете, — структура вербальной памяти человека. Ассоциативный словарь, по Караулову, «являет язык в предречевой готовности, обнажая сокровенный, скрытый от прямого наблюдения способ „держания“ языка в памяти его носителя» [1. С. 751]. Сло-

блюдения способ „держания“ языка в памяти его носителя» [1. С. 751]. Словарь помогает понять, как устроена языковая способность человека.

На основе устойчивых связей, образующих типовые ассоциации, можно судить о содержании и функционировании лексикона коллективной языковой личности, который можно использовать при составлении толково-комбинаторных словарей для иностранцев, изучающих русский язык.

Наконец, исследование ассоциативных связей позволяет представить себе образ мира, запечатленный в языковом сознании носителей языка. Даже самые простые слова различаются в разных культурах по кругу вызываемых ими ассоциаций. В «Психолингвистике» Р.М. Фрумкина приводит три самых частых ассоциации на слово *сыр*. Для русских наиболее частыми оказываются ассоциации: *голландский, вкусный, желтый*. Английское *cheese* ассоциируется с *крекером, мышами и хлебом*. Ответы французов показывают, что для них существует не вообще *сыр*, а сорта сыра: *blanc, gruyère и camember*. Носители немецкого языка ассоциируют *сыр* с *маслом, хлебом и молоком*. А у болгар речь вообще идет не о *сыре*, а о *брынзе*.

В психолингвистике принимаются во внимание массовые ответы — ассоциаты. Ведь «ассоциативные нормы» и составляются как раз на основе типичных для данной культуры ответов. «Феномен „ассоциативная связь“ определен именно культурой во всем ее многообразии — всеми знаниями, опытом, в том числе чувственным опытом, в котором мы не отдаем себе отчета» [4. С. 192].

В 1986 г. сотрудники Института русского языка им В.В. Виноградова и Института языкознания приступили под руководством члена-корреспондента РАН Ю.Н. Караулова к созданию Русского ассоциативного словаря. Программа словаря содержала почти 7000 слов. В ассоциативном эксперименте участвовали студенты разнопрофильных российских вузов (более 10 000 человек).

Начиная со второй половины 90-х годов словарь публиковался поэтапно. В 2002 г. вышел в свет Русский ассоциативный словарь в двух томах: т. 1. От стимула к реакции и т. 2. От реакции к стимулу. Этот уникальный научный труд, отражающий состояние массового сознания российской молодежи, по замыслу его создателей, должен дать ответ на вопрос «Как мыслят русские в современной России?»

Ассоциативный словарь отражает культурно-языковую ситуацию на момент обследования. Со времени первого издания «Ассоциативного тезауруса современного русского языка» (так тогда назывался будущий РАС) прошло более десяти лет. Есть ли изменения в языковом сознании носителей языка? Становится ли историей то, что зафиксировано в нем в конце перестроечных восьмидесятых? Как отражаются на ассоциативных связях знания, зависящие от актуального состояния общества? Меняется ли в связи с этим тип ассоциаций?

Эти вопросы мы попытались рассмотреть в ходе ассоциативного эксперимента, проводившегося с 2005 по 2007 г. со студентами I курса фармацевтического отделения медицинского факультета РУДН (120 человек). Возрастной состав информантов РАС и участников нашего ассоциативного опроса — один и тот же. Родной язык всех респондентов — русский.

Была разработана программа эксперимента, содержащая 200 слов-стимулов, распределенных по четырем анкетам в произвольном (не алфавитном) порядке. Каждая анкета включала по 50 слов.

Слова-стимулы предъявлялись в устной форме. Информантам предлагалось записать стимул и первый пришедший на ум ассоциат. Участник эксперимента не должен перебирать в памяти наиболее яркий и выигрышный ответ, подыскивая что-то оригинальное. Ответ должен быть дан незамедлительно. Об этом, главным, условии эксперимента все его участники были извещены до начала записи. Такое условие определило и форму подачи слов-стимулов (не письменное, а устное предъявление), исключаящую возможность всякого обдумывания ответа.

Время реакции человека — важный показатель чистоты эксперимента и его воспроизводимости. Важно помнить: чем меньше латентный период (время между стимулом и реакцией), тем типичнее ассоциация. А это имеет большое значение при составлении речемыслительного портрета среднего носителя языка.

Ассоциативно-вербальная сеть, полученная в результате эксперимента, воспроизводит определенные фрагменты картины мира среднестатистического носителя языка. Эту картину образуют знания, связанные с актуальной социально-политической ситуацией, историей страны, экономикой, культурой, искусством, наукой. Ответы-ассоциаты содержат эмоциональную и ментальную оценку ситуации, заключенную в фразеологии, фреймах, речевых шаблонах, например: *возвращаться: плохая примета; курить: здоровью вредить; земля: в иллюминаторе; глаза: зеркало души.*

Обобщив ответы информантов, можно воссоздать картину наиболее типичных смысловых отношений, очертить пространство ассоциативных связей:

1. Смысловая близость: лекарство: препарат; болезнь: недуг.
2. Смысловая противоположность: жизнь: смерть; болезнь: здоровье.
3. Отношения, основанные на гипонимии: врач: терапевт, хирург, стоматолог; лекарство: таблетки, микстура.
4. Отношения, основанные на оценке: экзамен: ужас; укол: больно; каникулы: здорово.
5. Отношения, основанные на рифме: чай: не скучай; врач: бородач.

На основании ответов можно судить о типах ассоциаций. У наших респондентов преобладали (61%) синтагматические ассоциации типа: *шут: гороховый; чай: с сахаром; девять: лет; русский: язык; корка: хлеба; если бы: да кабы; мастер: и Маргарита; здоровье: дороже всего.*

На долю парадигматических ассоциаций приходится 39% ответов: врач: больной; врач: терапевт; врач: педиатр; врач: пациент; врач: белый халат; лекарство: таблетки; лекарство: аптека; девять: десять.

Ассоциативные словари детей указывают на определенную закономерность: в более раннем возрасте у детей преобладают синтагматические ассоциации [4. С. 194]. Данные нашего эксперимента обнаруживают то же соотношение синтагматического и парадигматического типа ассоциативных связей. Вполне возможно, что действие выявленной закономерности не ограничивается строго одной и той же возрастной категорией.

Выделение двух типов ассоциативных связей в определенном смысле довольно условно. Какой тип ассоциаций являются собой прецедентные тексты? Иногда их относят к фразовым ассоциациям, что не совсем верно. Логичнее было бы все-таки включать прецедентные тексты в разряд синтагматических ассоциаций. Кстати, эти ассоциации могут быть как очень устойчивыми (*ворона: и лисица, мужчина: и женщина*), так и кратковременными, преходящими (*себе: не дай себе засохнуть*). Кроме того, нельзя не учитывать того простого факта, что не всегда с точностью можно определить, что перед нами: прецедентный текст или нет (как в случае с коммуникативным фрагментом *мужчина: и женщина* — то ли это связано с парадигматикой, то ли отсылает нас к известному фильму Клода Лелюша, и тогда это синтагматическая ассоциативная связь). В подобных случаях для чистоты эксперимента требуется беседа с информантом.

Наш ассоциативный эксперимент показал, что, сопоставительно с РАС существенных изменений в характере и структуре ассоциатов не наблюдается. В то же время имеются небольшие расхождения, которые нельзя оставить без внимания. Для сравнения приводим некоторые данные Русского ассоциативного словаря и данные нашего ассоциативного эксперимента (см. таблицу). Ответы-ассоциаты расположены в порядке убывания их частоты.

**Сопоставление данных РАС
и ассоциативного эксперимента в РУДН**

Слово-стимул	Русский ассоциативный словарь	Ассоциативный эксперимент в РУДН
чай	индийский, крепкий, кофе, грузинский, горячий	зеленый, Ахмат, Липтон, с жасмином, кофе
болезнь	тяжелая, века, здоровье, неизлечимая, Боткина	здоровье, не опасная, врач, лекарство, вылечить
здоровье	крепкое, хорошее, болезнь, отличное, плохое	жизнь, счастье, хорошее, дороже всего, необходимо
лекарство	горькое, яд, аптека, от СПИДа, пить, больница	аптека, врач, провизор (фармацевт), таблетки, микстура, от простуды

Сопоставительный анализ слов-ассоциатов показывает следующее.

1. Слово *чай*: одинаково важными оказались сорта чая, хотя изменившиеся социальные условия определили разный ассортимент этих сортов.

2. Слово *болезнь*: для студентов медицинского факультета важным оказывается лечение болезни, функции в этом процессе врача, а главным словом — *здоровье*. Студенты разных вузов предпочли указать на опасность патологического состояния.

3. Слово *здоровье*: более оптимистичные ответы у студентов РУДН (не включено в состав наиболее частых ассоциатов слово *болезнь*).

4. Ассоциаты слова *лекарство* (РУДН) явно обнаруживают зависимость ответов от профессиональной характеристики информантов.

Конечно, мы понимаем, что сравнивать результаты столь массового обследования, проведенного в рамках подготовки Русского ассоциативного словаря,

и ассоциативный опрос студентов РУДН нужно с большой долей осторожности. Но все-таки нельзя не заметить, что при общности возрастных, образовательных и культурных характеристик информантов в новых социальных условиях появляются и новые реакции-ответы. В ассоциативный портрет усредненной языковой личности время вносит свои коррективы. Кроме того, нельзя не учитывать профессиональную ориентацию участников опроса.

Слова-ассоциаты вместе со стимулом образуют ассоциативное поле. Внутри этого поля очевидным образом выделяются *центр* и *периферия*. В центре расположены те ассоциаты, которые и составляют *языковую картину мира*. Они достаточно стабильны, устойчивы и не слишком зависимы от смены поколений носителей языка. На самом краю периферии, в ее, так сказать, «внешнем круге», находятся *моментальные* ассоциаты с очень непродолжительным сроком жизни («моментальный снимок», по Караулову). Большое влияние на синхронный состав ассоциативного поля оказывает тот конкретный отрезок времени (иногда совсем непродолжительный), в который проводится ассоциативный эксперимент. В этой связи очень характерно, что студенты-фармацевты на стимул «зеленка» дали лишь два «фармацевтических» ассоциата из одиннадцати («йод», «аптека»); остальные девять пришлось на совсем иное семантическое поле: «Чечня», «маскировка», «спасение», «в горах», «скрыться», «защита», «спецназ», «армия», «боевики». Совершенно очевидно, что, скажем, пятнадцать лет назад такого рода ассоциатов возникнуть не могло.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасов, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. Русский ассоциативный словарь. — М.: ООО «Издательство Астрель»; ООО «Издательство АСТ», 2002.
- [2] Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация. — М.: Языки славянской культуры, 2003.
- [3] Мельчук И.А. Русский язык в модели «Смысл ↔ Текст». — М.-Вена: Языки русской культуры; Венский славистический альманах, 1995.
- [4] Фрумкина Р.М. Психоллингвистика. — М.: Издательский центр «Академия», 2003.

VERBAL ASSOCIATIONS AS THE CULTURAL PHENOMENON. ASSOCIATIVE EXPERIMENT

I.O. Prokhorova

Russian Language Department of Medical Faculty
Peoples' Friendship University of Russia
6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russia, 117198

The aim of the article is to analyze verbal associations as the cultural phenomenon and to show, that an associative experiment is one of the most reliable and objective means to study the language conscience of an individual and ethnic nation as a whole. The analysis is based on the data from the Dictionary of the associative norms and my own associative experiment.

СИСТЕМНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД К ОПИСАНИЮ РУССКИХ ПАДЕЖЕЙ: ТОЧКА ОТСЧЕТА И ТОЧКА ОТТАЛКИВАНИЯ

С.А. Лутин

Кафедра русского языка
Московский авиационный институт
Волоколамское шоссе, 4, Москва, Россия, 125993

В статье делается попытка критического рассмотрения некоторых ключевых положений падежной теории Мельникова-Дрёмова.

Судьба новых научных идей и их авторов во многом схожа. Как правило, значительно опережая современную им научную мысль, они на первых порах сталкиваются, с одной стороны, с яростным сопротивлением наиболее компетентных ученых своего времени, а с другой — «обрастают» большим числом фанатично преданных поклонников, чаще всего юных и безоглядно следующих за своим кумиром, автором той или иной революционной идеи. Если сделанное открытие или сформулированная гипотеза действительно оказываются значимыми для науки, то они постепенно занимают достойное место в научной парадигме; когда-то авторитетные антагонисты остаются в истории как догматики-консерваторы; некоторые из юных поклонников становятся творческими последователями своего кумира, развивая, обогащая, а часто и трансформируя исходное учение, основываясь при этом на его наиболее фундаментальных принципах. Может быть, именно сама возможность творческого развития исходной идеи, способной служить источником вдохновения и новых открытий, в первую очередь свидетельствует о ее жизнеспособности и значимости для науки.

В качестве примера достаточно будет, наверное, привести хорошо известную судьбу психоанализа Зигмунда Фрейда: представление об эдиповом комплексе, о том, что сексуальное влечение является важным побудительным импульсом человеческого поведения, и тот факт, что людьми управляет не разум, а инстинкты, — все это оскорбляло «викторианские» взгляды европейцев. При этом революционные для того времени взгляды Фрейда почти сразу же приобрели огромное число сторонников, наиболее талантливые из которых вначале стали его учениками и пропагандистами идей, а затем и самостоятельными учеными, не только развивавшими теорию своего учителя, но зачастую и вступавшими в открытый спор со многими ее положениями. Достаточно вспомнить Карла Густава Юнга, разработавшего собственную «аналитическую психологию» с ее понятиями коллективного бессознательного и архетипа, пересмотром трактовки понятия «либидо», рассматриваемую не как сексуальное влечение, а как психическая энергия и т.д. При этом именно Юнг был первым президентом Международного психоаналитического общества и редактором психоаналитического журнала, навсегда оставшись в науке учеником Фрейда и психоаналитиком. То же самое можно сказать и Вильгельме Райхе, который, с одной

стороны, был первым клиническим ассистентом З. Фрейда, а затем и вице-директором психоаналитической клиники в Вене, а с другой — автором так называемой телесно ориентированной психотерапии, из-за которой одни считают его самым страшным отступником от учения Фрейда, а другие — первооткрывателем новой эпохи психоанализа.

Подобные примеры без труда можно найти в любой области знания, поскольку они, по-видимому, отражают естественный ход развития научной мысли.

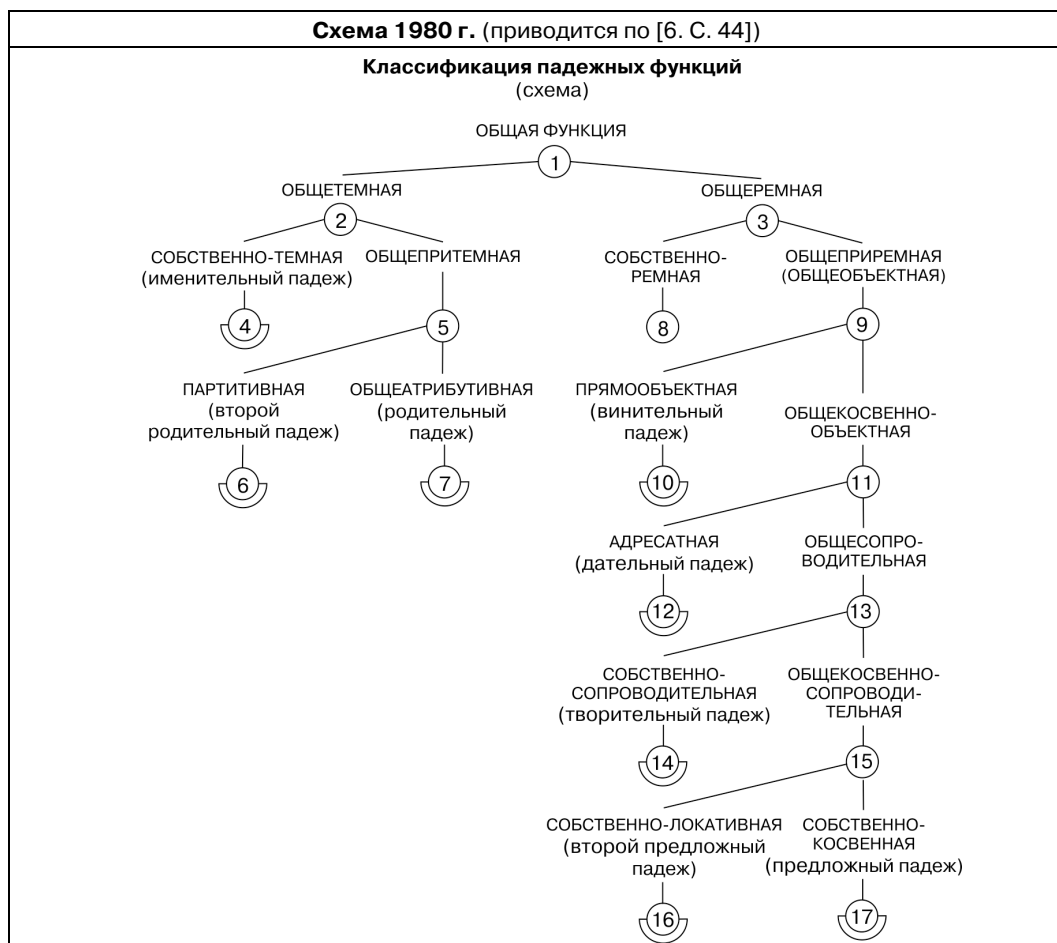
Сделанные замечания общего характера имеют непосредственное отношение к конкретной теме нашей статьи. Дело в том, что в 80-е годы мне посчастливилось стать учеником выдающегося русского лингвиста Геннадия Прокопьевича Мельникова (1928—2000 гг.), основоположника системной лингвистики и системной типологии языков. Попытка Г.П. Мельникова еще в конце 60-х — начале 70-х годов прошлого столетия поставить вопрос о **причинах** возникновения и существования тех или иных языковых явлений, привлечь в лингвистику достижения таких смежных наук, как психология, физиология, этнография и т.п., была воспринята как антинаучная подавляющим большинством лингвистов того времени — времени, когда «доминировал взгляд, что содержание лингвистического исследования должно обеспечить непротиворечивую классификацию соответствующих языковых элементов и предоставлять процедуру приписывания нужных классифицирующих характеристик языковым элементам» [3. С. 97]. Во многом только сейчас, когда в нашей науке заговорили о новом облике современной лингвистики — «функциональной», «объяснительной», «антропоцентричной» и «панхронической» [9. С. 325], — становится понятно, насколько опередили свое время идеи Г.П. Мельникова, который еще в конце 60-х годов писал, что такие «самонастраивающиеся системы», как язык, «возникают или создаются для выполнения определенной функции» [4. С. 98] и что «объяснения при системном подходе основаны на демонстрации причинной взаимообусловленности всех явлений в рамках рассматриваемого целого» [5. С. 105].

Что касается наших собственных исследований, то в последние годы, уже после ухода из жизни нашего Учителя, они в основном были посвящены системно-функциональному исследованию русской падежной системы и сначала велись полностью в русле падежной теории Г.П. Мельникова. Вместе с тем, по мере накопления фактов, в особенности из истории языка, у нас стало складываться впечатление, что общетеоретические взгляды Г.П. Мельникова на причины возникновения падежей в языках находятся в определенном противоречии с его интерпретацией конкретных путей и способов их развития, а также и с некоторыми принципами, положенными в основу их классификации. В результате взгляд на русские падежи сквозь призму диахронии привел нас к результатам, во многом отличающимся от падежной теории Г.П. Мельникова как в ее первоначальном виде, изложенном в [6], так и от ее более позднего состояния, явившегося результатом совместной работы с его учеником А.Ф. Дрёмовым [1]. В данной статье мы хотели бы кратко изложить те положения теории падежей Мельникова-Дрёмова, несогласие с которыми во многом и привело нас к исследованию, казалось бы, столь хорошо изученного вопроса, как падежная семантика. Подчеркнем при этом еще раз, что все полученные нами

результаты основаны на базовых положениях системной лингвистики, рассмотренных сквозь призму диахронии, и никоим образом, на наш взгляд, не отрицают самих принципов языковой концепции Г.П. Мельникова, лишь уточняя некоторые частные ее положения. Другими словами, концепция Г.П. Мельникова стала для нас одновременно и точкой отсчета, и точкой отталкивания.

Г.П. Мельников, исходя из положения о том, что «развитие языковых форм обусловлено наличием специализированных коммуникативных функций» [6. С. 42], ввел понятие «коммуникативного амплуа» падежей, понимая под ним специализацию «форм слов к выражению темы и ремы в рамках сообщения» [Там же]. По Мельникову, все падежи делятся на «темные» и «ремные», т.е. преимущественно используемые в функции темы или в функции ремы. «Для типичной ремы в языке формируется специальная форма слов — глаголы, для простейшей типичной темы — имена» [Там же. С. 43]. Поскольку и в теме, и в реме может использоваться по несколько слов, то дальнейшее деление идет по линии собственно темные и притемные падежи, с одной стороны, и собственно ремные и приремные — с другой. Приведем схему классификации падежных функций Г.П. Мельникова в двух известных нам вариантах (см. таблицы 1 и 2).

Таблица 1

Нетрудно заметить, что более поздний вариант схемы лишь внешне похож на первоначальный, а на самом деле представляет собой результат весьма серьезной переработки; и это неслучайно, поскольку в исходном виде данная схема вызывает слишком много вопросов: во-первых, остается неясным, **что же все-таки классифицируется** — «коммуникативные амплуа» падежей, т.е. типы их преимущественного употребления (видимо, дело обстоит именно так), или, как следует из названия схемы, — падежные функции, понимаемые как любые возможные употребления падежей в речи и, как пишет сам Г.П. Мельников, отнюдь не всегда совпадающие с «коммуникативными амплуа» (ср.: «в сообщениях („коммуникациях“) типа: „сегодня — мороз“, „брат — студент“ имена „мороз“ и „студент“ являются собственно ремой, следовательно, здесь функции падежей расходятся с их амплуа» [6. С. 43]).

Во-вторых, неясным остается «наполнение» кружочка с цифрой 1: замечание ученого о том, что он «обозначает факт существования функций слов (без дифференциации их функций на темные и ремные)» [Там же. С. 43] не проясняет ситуацию, т.к. схема посвящена классификации падежей, а не слов вообще. Отсюда же вытекает и следующая неясность: почему в эту классификацию попал глагол с его «собственно ремной» функцией (8).

По-видимому, эти и, наверное, другие неясности привели к тому, что в 1984 году приведенная схема была значительно видоизменена и уточнена. В своем новом, значительно менее известном виде она появилась в диссертации А.Ф. Дрёмова, написанной под руководством Г.П. Мельникова [1. С. 108].

Очевидно, что новая схема лишена отмеченных выше недостатков, а также дополнена критериями дифференциации падежей. К сожалению, данная схема никак не комментируется в указанной диссертации и остается по существу

«брошенной»): понятия контактности, фоновости и направленности практически никак не используются автором диссертационного исследования. Не вдаваясь в детали, выделим лишь те моменты падежной теории Мельникова-Дрёмова и приведенных классификаций, которые подтвердились нашими исследованиями, и те, которые, напротив, кажутся нам недостаточно убедительными.

1. Мы полностью согласны с исходной посылкой Г.П. Мельникова, что именно исследование коммуникативных функций языковых знаков может привести к пониманию их природы и принципов функционирования в языке. При этом мы сомневаемся, что коммуникативные функции падежей связаны с их специализацией «к выражению темы или ремы в рамках сообщения», т.е. с актуальным членением высказывания. Мы полагаем, что функции падежей коммуникативны в том смысле, что они являются средством оформления *представлений говорящего о ролях участников* ситуации в описываемом событии с целью максимально надежной передачи информации слушающему.

2. Принципиально важным мы считаем отделение родительного падежа (в нашем понимании — только родительного приименного) от всех остальных косвенных падежей и определение его функции как «актуализатора», только не темы, как считает Г.П. Мельников, а любого предшествующего слова, если оно «с недостаточной очевидностью напоминает слушающему некоторое известное ему знание» [6. С. 43]. При этом мы полагаем, что функциональная «особость» родительного приименного связана не с его «притемной» функцией, а с особыми свойствами референта, имя которого оформляется этим падежом: в отличие от референтов остальных имен, падежная маркировка которых передает представление говорящего об их роли в данном событии, референт слова в РП вообще не принимает в нем участия. Так, если говорящему представляется недостаточной информация об одном из участников события, описываемого предложением *Карандаш лежит на столе*, то он, независимо от темной или ремной позиции слова, может актуализировать его смысл, соположив этому слову имя **заранее известного** референта: *Карандаш **Ивана** лежит на столе* (имя в РП актуализирует смысл ядра темы). — *На столе лежит карандаш **Ивана*** (имя в РП актуализирует смысл ядра ремы). Аналогично: *Карандаш лежит на столе **Петра***. — *На столе **Петра** лежит карандаш*.

3. Изложенный выше подход к «информационной сущности» РП восходит к пониманию этого падежа А.Ф. Дрёмовым, который указывал, что «... имена, стоящие в форме РП, <...> сами должны иметь понятный для воспринимающего актуальный смысл», вытекающий «из фоновых знаний реципиента, ситуации общения или из предшествующего контекста...» [1. С. 132]. Однако, в отличие от А.Ф. Дрёмова, мы не считаем, что «в основе родительного лежат предикативные отношения» и что «исходной семантической функцией этого падежа является субъектная функция» [2. С. 50]. Так, актуализация слова *карандаш* в предыдущем примере с помощью словоформы *Ивана* становится, на наш взгляд, возможной не потому, что из предыдущего контекста нам известно, что *Иван имеет карандаш* или *У Ивана есть карандаш*, как полагает А.Ф. Дрёмов вслед

вслед за Ж. Веренком [2. С. 49], а благодаря тому, что «из ... ситуации общения или из предшествующего контекста...» нам известно, что Иван существует и, главное, кто он такой. Особенно наглядно непредикативная сущность отношений в именных словосочетаниях с РП видна в названиях-вывесках: отношения между именами в названиях таких магазинов, как *Дом мебели* или *Магазин технической книги*, никаким образом не возводятся к предшествующим предикативным отношениям; речь идет лишь об актуализации текущего смысла первого слова с помощью известного, по предположению автора вывески, смысла второго слова, вытекающего «из фоновых знаний реципиента».

4. никоим образом не можем мы согласиться и с утверждением А.Ф. Дрёмова о том, что исходной семантической функцией РП является субъектная функция. Мы полагаем, что из словосочетания *фотография сына* в предложении *Фотография сына висит на стене* никак нельзя узнать об исходных семантических отношениях референтов слов *фотография* и *сын*: речь может идти как о фотографии, которую сделал сын, т.е. о действии, в котором сын действительно участвовал в роли субъекта, так и о фотографии, на которой изображен сын как объект действия фотографа. А может быть, сын купил эту фотографию и является ее субъектом-посессором? Ничего этого узнать из словосочетания *фотография сына* нельзя! РП ничего не говорит нам об исходной субъектно-объектной сущности соответствующего референта. Его единственная функция, повторим, — актуализировать смысл предшествующего слова за счет установления ассоциации по смежности с заранее известным референтом.

Таким образом, мы полностью разделяем выдвинутую Г.П. Мельниковым и развитую А.Ф. Дрёмовым идею об особом положении РП (для нас — только приименного РП) в русской падежной системе и о том, что основной функцией этого падежа является функция актуализатора; при этом мы полагаем, что этот падеж не является ни притемным, ни приремым; не выражает ни субъектных, ни объектных отношений и не имеет отношения к предшествующим предикациям.

5. По поводу второго варианта схемы (1984 г.). Принципиально важным для нас является критерий «контактный — неконтактный», однако с тем уточнением, что эта оппозиция является не контрарной, а привативной: одни падежи указывают на субстанцию, с которой в том или ином виде осуществляется контакт (винительный и предложный), а другие безразличны к этому признаку, т.е. контакт может состояться, а может и нет (родительный и дательный: если *Я посылаю бандероль маме*, значит, я предполагаю, что *Мама получит бандероль*, т.е. контакт возможен; но если она ее не получит, то контакт может и не состояться — ДП никак на это не указывает. То же самое и РП: если *Мама получила бандероль*, значит, теперь *Бандероль у мамы*, но при этом она может держать ее в руках и быть «в контакте», а может и не быть в непосредственном контакте — из РП это никак не следует).

6. Признак «фондовый — нефондовый» не представляется нам системообразующим, т.к. со знаком плюс относится только к двум падежам, один из кото-

рых (родительный) оказывается вообще противопоставленным всем остальным, и речь по отношению к нему должна идти не о фоновости, а полной непричастности к развитию описываемого события соответствующего референта (из предложения *Карандаш Ивана лежит на столе Петра* мы ничего не можем узнать об участии упомянутых лиц в событии, заключающемся в «лежании карандаша на столе», присутствуют они при этом или нет — неизвестно из данного сообщения и несущественно для развития описываемого события). В этом смысле фоновым, скорее, можно было бы считать дательный падеж, с помощью которого оформляется имя того референта, который тоже непосредственно в событии не участвует (*Я посылаю бандероль маме* — мама непосредственно в событии по «посылке бандероли» не участвует), но его упоминание как цели осуществления описываемого события существенно для данного сообщения, т.е. можно сказать, что данное событие происходит на фоне имени в ДП. Но, повторим, этот признак не кажется нам достаточно четким, и поэтому мы не включаем его в число существенных для падежной системы в целом.

7. Признак «направленный — ненаправленный», безусловно, и нам представляется существенным для дательного и винительного падежей; согласны мы и с тем, что по этому признаку могут быть противопоставлены винительный и предложный падежи. Однако мы полагаем, что именительный и творительный падежи не просто «ненаправленные», а вообще не имеют к этой характеристике никакого отношения, что вызывает сомнения в системообразующем характере данного признака.

Вторым краеугольным камнем падежной теории Г.П. Мельникова является гипотеза о том, что падежи возникли в языке как средство компрессии текста. Именно эта идея легла в основу работ ученика Г.П. Мельникова — А.Ф. Дрёмова и была творчески развита последним. К сожалению, в рамках данной статьи мы не успеем рассмотреть эту красивую гипотезу. Мы надеемся, что в ближайшее время нам представится возможность высказаться по этому вопросу на страницах одного из научных изданий.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Дрёмов А.Ф. Роль падежей русского языка в обеспечении связности и компрессии текста: Дисс. ... канд. филол. наук. — М., 1984.
- [2] Дрёмов А.Ф. Системная теория падежа и предлога в практике преподавания русского языка как иностранного // Мир русского слова. — 2001. — № 4.
- [3] Кибрик А.Е. Современная лингвистика: откуда и куда? // Вестник московского университета. — Серия: Филология. — 1995. — № 5.
- [4] Мельников Г.П. Системная лингвистика и ее отношение к структурной // Проблемы языкознания: Доклады и сообщения советских ученых на X Международном конгрессе лингвистов. — М., 1967.
- [5] Мельников Г.П. Синтаксический строй тюркских языков с позиций системной лингвистики // Народы Азии и Африки. — 1969. — № 6.
- [6] Мельников Г.П. Природа падежных значений и классификация падежей // Исследования в области грамматики и типологии языков. — М., 1980.

**FUNCTIONAL SYSTEMS APPROACH
TO THE RUSSIAN CASES:
REFERENCE POINT AND POINT OF REPULSION**

S.A. Lutin

Russian Language Chair
Moscow Aviation Institute
4, Volokolamskoye shosse, Moscow, Russia, 125993

This article is an attempt of a critical analysis of some key thesis of the Melnikov-Dremov' case theory.

ГАРМОНИЗАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ТЕЗАУРУСОВ КАК УСЛОВИЕ ГАРМОНИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Е.К. Павлова

Кафедра английского языка для гуманитарных факультетов
Факультет иностранных языков и регионоведения
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Ломоносовский просп., д. 31/1, Москва, Россия, 119192

В статье рассматриваются пути и средства гармонизации глобального политического дискурса, выявляются основные факторы, оказывающие влияние на этот процесс, предлагается прогноз языкового общения в политическом дискурсе будущего единого мира.

Большинство современных экономистов, социологов и политологов рассматривают глобализацию как закономерный и неизбежный процесс объединения человечества в новое глобальное экономическое и политическое сообщество. В свою очередь, глобализация политической жизни человечества требует создания адекватных средств глобальной языковой коммуникации в сфере политики. Если в таких областях, как наука, техника или экономика, языковые средства в большей или меньшей степени соответствуют современным потребностям в глобальной коммуникации, то в сфере публичной политики ситуация оставляет желать много лучшего. Современный глобальный политический дискурс дисгармоничен, для него характерны: отсутствие или недостаток взаимопонимания, конфликтность и конфронтационность.

Таким образом, существует серьезная проблема, заключающаяся в противоречии между потребностью современной мировой политики в языковых средствах, обеспечивающих эффективную политическую коммуникацию в глобальном масштабе, и неспособностью современных национальных языков такую коммуникацию обеспечить. На первый взгляд, единственно возможным способом обеспечения эффективной глобальной речевой коммуникации является выбор единого языка глобального общения, на роль которого претендует английский язык. Но, поскольку язык и мышление связаны неразрывно, глобальное доминирование английского языка угрожает доминированием западного, и особенно американского, образа мыслей, американской системы ценностей, американской идеологии. Такой вариант глобализации, фактически эквивалентный американизации всего мира, неприемлем для большей части населения Земли. Недаром президент Российской Федерации В.В. Путин в своей Мюнхенской речи счел необходимым особо подчеркнуть: «Считаю, что для современного мира однополярная модель не только неприемлема, но и вообще невозможна» [6]. С лингвистической точки зрения, вестернизация поставила бы мир перед угрозой вытеснения английским языком других языков, что привело бы к невозможной утрате лингвокультурного богатства человечества.

В то же время **выбор любого языка в качестве всемирного лингва франка не решает проблемы повышения качества политической коммуникации**. Политическая лексика, в особенности эмоционально-оценочная и идеологически окрашенная, тесно связана с конкретной лингвокультурной средой, с системой понятий (концептосферой), присущей данному конкретному этносу, конкретной социальной группе, конкретной политической партии. Эти концептосферы могут существенно различаться даже в рамках одного языка и одной страны — тем более велики различия в разных языках, у разных этносов. Препятствием для взаимопонимания в политическом дискурсе является во все не языковой барьер. Республиканцы и демократы США говорят на одном языке — английском, но не могут добиться взаимопонимания. В подтверждение можно привести, например, работы известного американского лингвиста Джорджа Лакоффа, который показал как глубокие противоречия политических концептосфер между республиканцами и демократами в США, так и огромное несоответствие обеих этих концептосфер реалиям и тенденциям современной глобальной мировой политики [4]. Второй причиной недостатка взаимопонимания в политическом дискурсе являются различия в оценке политических реалий, различия в политических интересах.

Нам представляется, что есть способ обеспечить свободу глобального языкового общения без угрозы для национальных языков, для лингвокультурного наследия нашей цивилизации. Это — **гармонизация политических картин мира**. Что мы под этим понимаем?

1. **Предлагается гармонизация концептосфер (понятийных систем)**. Под гармонизацией мы подразумеваем знание и понимание объективных лингвокультурных различий, поиск компромиссов, поиск областей совпадения в системах понятий, расширение этих областей вплоть до создания в перспективе единой всемирной системы понятий, объединяющей и обобщающей в себе все лингвокультурное богатство цивилизации Земли.

2. В данной модели **нет необходимости в едином всемирном языке**, поскольку даже использование единого языка не гарантирует взаимного понимания. Очевидно, что при несовместимости понятийных систем взаимопонимание невозможно ни на каком языке. В случае же гармонизации понятий проблема легко решается в процессе перевода.

3. Предложенная **модель гармонизации политических картин мира не предполагает укладывания всего человечества в прокрустово ложе западной культуры**, но оставляет человеку возможность выбора языка, культуры и образа жизни в соответствии с его желанием, местом обитания, вероисповеданием, его приверженностью традициям и т.п.

История знает примеры успешной политической языковой коммуникации в субглобальных масштабах, вовлекших в сферу языкового общения десятки государств и сотни миллионов людей с различными языками, существенно разными лингвокультурными традициями и вероисповеданием. Первый пример — так называемая «мировая система социализма», охватывавшая 3 части света,

включавшая в себя десятки языков и широчайший спектр культур — хоть и уменьшенная, но вполне адекватная модель человечества.

В противовес «мировой системе социализма» западный мир сплотился вокруг США. Фактически мир разделился на две субглобальные системы, противостоявшие друг другу идеологически и экономически, долгие годы находившиеся в состоянии «холодной войны».

Особенно важно отметить, что ни в одной, ни в другой из этих двух субглобальных систем не было единого для системы общего языка — и в этом их принципиальное отличие от модели политической речевой коммуникации, существовавшей в традиционных империях. Русский язык не стал официальным языком «мировой системы социализма» точно так же, как английский язык не стал общим для стран НАТО. Но в каждой из субглобальных систем сформировалась своя общая система понятий, было достигнуто единое понимание и единая оценка политических реалий, сложились правила выбора средств вербального выражения основных политических понятий, единая стилистика политической речи. Таким образом, сложились две субглобальные языковые системы.

Глобальная гармонизация политических картин мира — длительный и сложный процесс. Однако тот факт, что история XX века продемонстрировала примеры успешной гармонизации политических тезаурусов в субглобальном масштабе, показывает, что задача эта разрешима. Каковы же эти условия и что нужно сделать, чтобы такая гармонизация стала реальностью? Для ответа на этот вопрос выделим основные факторы, определяющие гармоничность политического дискурса.

Идеологические факторы. Любая политическая сила выражает некоторую идеологию, и эта идеология, как правило, оказывает определяющее влияние на политическую речь и сам политический тезаурус той или иной социальной группы, выражает ее идеологию. В нем, во-первых, присутствуют идеологемы — языковые единицы, выражающие понятия, специфические для данной идеологии. Во-вторых, коннотативные значения политических лексем часто определяются именно идеологическими установками. Идеология определяет систему ценностей и ценностную шкалу, в рамках которых и оцениваются конкретные факты политической действительности. В зависимости от идеологических установок коннотативные значения, сопутствующие одному и тому же номинату, указывающему на один и тот же денотат, могут быть диаметрально противоположными.

Политические интересы определяют прагматику политической речи, выбор лексических и стилистических средств речевой коммуникации. Именно политические интересы, наряду с идеологией, определяют, насколько возможно взаимопонимание в политическом дискурсе и, главное, насколько оно желательно для участников дискурса. Например, демократическая и республиканская партии США стоят на одной идеологической платформе, их политические программы различаются в мелочах, их представители говорят на одном языке, они принадлежат к одной культуре, их речи обращены к одному и тому же на-

роду. Тем не менее, борьба за власть постоянно сталкивает их, антагонизм интересов проявляется в их речи. Это тот случай, когда политики вполне могут достичь взаимопонимания, но не хотят.

Еще сложнее достичь взаимопонимания между недавними врагами — например, США и Россией. Тем не менее, процессы глобализации экономики и политики заставляют бывших противников искать общий язык.

Несовместимость политических картин мира. Этот фактор часто недооценивается политиками. За примерами далеко ходить не надо, мы все видим, с какими проблемами столкнулись США, пытаясь внедрить в Ираке демократию западного типа. Идея такого государственного устройства не встретила поддержки народа Ирака. Ирак не имеет опыта демократии, его внутривнутриполитическая жизнь всегда строилась по модели сословной автократии. Речи о преимуществах демократии чужды политической картине мира, характерной для массового сознания Ирака.

Исходя из перечисленных выше факторов, можно предположить, что при сближении идеологий (а к этому понуждает глобальная экономическая интеграция современного мира) и при условии преодоления конфликта политических интересов (а искать компромиссы в глобальной политике придется — иначе человечеству просто не выжить), можно ставить вопрос о глобальной гармонизации политических картин мира.

При решении задачи гармонизации политических тезаурусов разумно будет опереться на методiku гармонизации терминосистем, разработанную российскими учеными и утвержденную Комитетом Российской Федерации по стандартизации, метрологии и сертификации [5]. Терминологи стран ЕС предпринимают целенаправленные усилия по региональной гармонизации терминосистем и созданию единой базы данных терминов в рамках Европейского Союза [1]. Однако специфика языка политики как средства не только коммуникации между специалистами (политиками), но и общения с широкими народными массами требует распространения процессов гармонизации на все пласты политической лексики — в том числе и на лексику эмоционально-оценочную.

Эта задача намного более сложна и объемна, чем гармонизация специальной терминологии, но, как бы она ни была трудна, ее придется решать, и чем скорее, тем лучше. И лингвисты следующим образом могут внести в эту работу весьма существенный вклад.

Выявление концептов для первоочередной гармонизации. Для решения задачи гармонизации политической лексики в первую очередь нужно понять, какая именно лексика нуждается в гармонизации. В политическом дискурсе используются самые разные лексические пласты — от политической терминологии до жаргонизмов и сленга. Гармонизация всей этой лексики — задача абсолютно нереальная. Следовательно, придется ограничить процесс гармонизации рамками некоторого относительно узкого лексического поля. С прагматической точки зрения наиболее важна гармонизация лексики, используемой в политическом дискурсе по проблемам, имеющим жизненно важное значение для человечества:

проблемы глобальной экологии, ядерной безопасности, нераспространения оружия массового уничтожения, борьбы с глобальным терроризмом и т.п.

Для решения данной задачи весьма полезны результаты контент-анализа письменной и устной политической речи, представленной в СМИ; толковые словари и тезаурусы по соответствующим областям знаний; экспертиза специалистов (политологов, социологов, юристов, журналистов, социолингвистов, психолингвистов и др.); результаты опросов, которые позволяют выявить концепты массового политического сознания.

Составление описания концептосфер в виде тезаурусов. Систематизированное описание концептосфер обычно дается в форме тезаурусов. В качестве примера современного тезауруса можно привести Русский ассоциативный словарь (РАС) [2]. Современные тезаурусы представляют собой компьютерные базы знаний, в которых кроме дефиниций концептов и их классификации по сферам мыслительной деятельности вводятся иерархические и ассоциативные связи между понятиями. В качестве примера такого тезауруса можно привести The Edinburgh Associative Thesaurus (EAT), составленный Киссом, Армстронгом, Милроем и Пайпером [3], который существует сейчас также в виде компьютерной базы данных и доступен в сети Интернет [7].

Выявление денотативных и коннотативных значений концептов. Для политического дискурса важны не только дефиниции концептов, но также и оценка этих концептов в рамках того или иного языка, той или иной культуры, той или иной идеологии, эмоциональная реакция на упоминание концепта в дискурсе. Соответственно, дефиниции нужно дополнить соответствующими оценками, для начала хотя бы грубыми: положительная, отрицательная, нейтральная.

При восприятии адресатом лексемы, номинирующей некий концепт, в сознании адресата, как правило, возникают ассоциации с другими концептами, денотативно, возможно, никак не связанными с основным концептом и даже выходящими за рамки концептосферы политического дискурса. Эти дополнительные, «посторонние» ассоциации, как правило, несут дополнительную эмоциональную окраску, которая может существенно повлиять на эмоционально-оценочное восприятие адресатом как лексемы, так и сообщения в целом. В таких случаях эти «побочные» концепты придется включить в концептосферу политического дискурса в виде ее «ассоциативного окружения».

Сравнение концептосфер. Для выявления гармонии и дисгармонии концептосфер нужно провести:

— сравнение содержания концептосфер. Часть концептов, присутствующих в политическом дискурсе одной страны, отсутствуют в дискурсе другой. Более того, некоторые концепты могут оказаться совершенно неизвестны и непонятны носителям иного языка;

— сравнение дефиниций концептов. Сопоставительный анализ дефиниций позволит выявить те концепты, упоминание которых в политическом дискурсе влечет его дисгармонию по причине денотативной несовместимости;

— сравнение коннотативных значений концептов с учетом коннотаций ассоциативного фона.

Выявление лексических единиц для номинации выделенных концептов.

Мало сопоставить понятия — необходимо также выявить те лексемы, которыми эти понятия номинируются в рамках политического дискурса в настоящий момент. Это значит, что в описание каждого внесённого в тезаурус концепта должны быть включены все значимые для политической коммуникации номинаты данного концепта.

Сопоставление денотативных и коннотативных значений лексем. После составления тезаурусов можно приступать к сопоставлению денотативных и коннотативных значений лексем в разных языках. В первую очередь следует выявить дисгармонию: денотативную и коннотативную.

Выявление причин дисгармонии политической лексики. Определение условий преодоления дисгармонии. Как отмечалось выше, дисгармония дискурса может возникать вследствие либо дисгармонии понятийных систем, либо сознательного стремления политиков к конфронтации. В первом случае сравнительный анализ тезаурусов поможет определить, какие именно семантические элементы и стереотипы вызывают дисгармонию дискурса. Во втором случае сопоставление тезаурусов не выявит лингвокультурных причин для дисгармонии — и это послужит разоблачению языковых манипуляций.

Выработка рекомендаций по преодолению дисгармонии политической лексики. По результатам сравнительного анализа тезаурусов будет возможно сформировать рекомендации по преодолению дисгармонии, такие как:

— по возможности либо вообще избегать в дискурсе упоминания дисгармоничных концептов, либо подбирать эвфемистические замены дисгармоничных лексем;

— если сравнительный анализ выявил отсутствие в национальном тезаурусе какого-либо концепта, необходимого в глобальном политическом дискурсе, можно порекомендовать заимствование этого концепта и его номинатов, включение их в толковые словари, в учебные программы, разъяснение этого понятия через СМИ;

— в случае выявления денотативной дисгармонии можно порекомендовать взаимную коррекцию концептов. Эта коррекция должна быть внедрена в массовое сознание — через словари, учебные курсы, СМИ;

— если выявлена коннотативная дисгармония, то необходимо принять меры к ее преодолению: разоблачать отжившие стереотипы, корректировать идеологические установки. Эти меры, разумеется, подразумевают наличие политической воли, сознательного стремления к сотрудничеству;

— в случае выявления в качестве источника дисгармонии дискурса сознательной языковой манипуляции сопоставление тезаурусов может помочь эту манипуляцию разоблачить, уменьшить ее манипулятивный эффект и даже помочь прийти к власти более конструктивным политическим силам.

Предполагаемые результаты гармонизации политической лексики. Как же может выглядеть техника языкового общения в политическом дискурсе будущего единого мира? Рискнем сделать прогноз.

Внутри одной лингвокультурной среды языковое общение, видимо, не будет существенно изменено, по крайней мере, внешне. Общение будет осуществляться на национальном языке, семантика будет строиться на базе национальной концептосферы и национального тезауруса, гармонизированного с другими национальными тезаурусами, что поможет и во внутринациональном политическом дискурсе избежать употребления таких лексических единиц, которые могут быть неправильно поняты представителями иных языков и культур.

В региональном масштабе с небольшим лингвокультурным разнообразием, видимо, сохранится и будет развиваться билингвизм, при котором кроме родного языка большинство населения региона будет практически свободно владеть еще и общим языком регионального общения. Гармонизация тезаурусов позволит без проблем использовать в политическом дискурсе как национальные языки, так и язык регионального общения.

В глобальном политическом дискурсе, скорее всего, будут использоваться как национальные, так и общие региональные языки. На основе гармонизированных тезаурусов синхронный перевод живой речи будет осуществляться системами автоматического перевода.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Borzovs J., Ilzina I.I., Skujina V., Vasiljevs A.* Terminology standards in the aspect of harmonization for international term database // Сборник трудов международной конференции «Терминология национальных языков и глобализация». — Вильнюс, 2003.
- [2] *Караулов Ю.Н., Черкасова Г.А., Уфимцева Н.В., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф.* Русский ассоциативный словарь (РАС). — М.: ООО «Издательство Астрель»; «Издательство АСТ», 2002. — Т. 1, Т. 2.
- [3] *Kiss, G.R., Armstrong, C., Milroy, R., and Piper, J.* An Associative Thesaurus of English and its Computer Analysis. In Aitken, A.J., Bailey, R.W. and Hamilton-Smith, N. (Eds.), *The Computer and Literary Studies*. — Edinburgh: University Press, 1973.
- [4] *Lakoff G.* Metaphorical Thought in Foreign Policy. Why Strategic Framing Matters. <http://www.frameworksinstitute.org/products/metaphoricalthought.pdf> — December 1999.
- [5] Методические рекомендации по гармонизации терминологии на национальном и международном уровне Р 50-603-2-93. — М.: ВНИИКИ, 1993.
- [6] *Путин В.В.* Хватит с нас однополярного мира // АИФ. — 2007. — № 7.
- [7] <http://www.eat.rl.ac.uk/>

**HARMONIZATION OF NATIONAL THESAURI
AS A NECESSARY CONDITION OF HARMONIZATION
OF POLITICAL DISCOURSE**

E.K. Pavlova

English Language Department for Humanitarian Faculties
Faculty of Foreign Languages and Area Studies
Moscow State University by name of M.V. Lomonosov
31/1, Lomonosovsky prosp., Moscow, Russia, 119192

In the XXI century mankind faced the problem of disharmony of global political discourse. The disharmony is mainly caused by incompatibility of concepts in mentality of different nations, political parties, confessions, etc. Consequently this problem could be successfully solved if national thesauri are harmonized.

СЦЕНАРИИ, СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ РУССКОГО РЕЧЕВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

В.И. Шляхов

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина
ул. Волгина, 6, Москва, Россия, 117485

В статье рассматриваются сценарии, стратегии и тактики речевого взаимодействия в контексте последних исследований в когнитивистике и прагмалингвистике. Репертуар коммуникативных компетенций иностранных учащихся может быть расширен, если они научатся сознательно опознавать, интерпретировать и применять сценарии русского речевого взаимодействия.

О сценариях, стратегиях и тактиках речевого взаимодействия нужно говорить, поместив их в контекст современной теории коммуникации и когнитивистики. Когнитивность, воспроизводимость, дискурс, косвенная коммуникация — краткий перечень вопросов современного языкознания, которые характеризуются повышенной сложностью и от решения которых зависит движение методики к новой модели обучения, где центральное место, с одной стороны, занимает методист (преподаватель), переложивший лингвистические знания на язык упражнений и заданий, а с другой — учащийся с его способностью воспринимать и интерпретировать информацию об устройстве русского языка и речевом общении на русском языке. Если посмотреть внимательно на исследования в когнитивистике и прагмалингвистике последнего десятилетия, то можно обнаружить, что самой интересной проблемой сегодняшней лингвистики и методики является вопрос: *Как извлекается смысл из не сказанного?* Например, в иронии заключается часть информации, которая не высказана в словах. Эту информацию можно вербализовать, перевести в план сознания. Основным когнитивным механизмом интерпретации иронических высказываний является сравнение того, что имел в виду партнер общения, с базовым значением слов, то есть выявление расхождения между буквальным значением слов и их косвенной семантикой.

Стратегии, тактики, сценарии речевого взаимодействия, как правило, используются и интерпретируются собеседниками интуитивно, без участия сознания, поэтому они традиционно изучались в таких науках, как психология и психолингвистика. Как только лингвистика начала заниматься проблемами функционирования предложения в речи, в дискурсе, стало понятно, что без привлечения данных смежных наук нельзя ответить на важнейший вопрос: *Как собеседники понимают друг друга, если в словах передается далеко не полная информация.* Намеки, скрытая угроза, ирония, умолчания, насмешки, обернутые в комплиментарные слова, — все эти фигуры речи не поддаются дешифровке, если ограничиться только лингвистическим кодом, то есть пользоваться лишь знаниями словарных значений слов и грамматического устройства языка. Это относится к стратегиям и сценариям русского речевого поведения. Слуша-

тель — такой же важный участник общения, что и говорящий. Слушатель и говорящий вместе участвуют в созидании взаимопонимания. Передавая словами некие мысли, говорящий пользуется особыми правилами, кодами передачи смыслов. Этими же правилами пользуется слушатель, чтобы понять собеседника. Если бы этого не было, то о взаимопонимании не могло быть и речи. Существует понятие **множественности кодов**, ими пользуется человек Говорящий, вкладывая тот или иной смысл в слова [2]. Например, слова приобретают личностный смысл, если сопровождаются информацией о психологическом состоянии говорящего, об избранных им стратегиях речевого поведения и т.п. В свою очередь, слушатель применяет для декодирования код конвенций, код лингвистики, код психологии, код предшествующих знаний о человеке и пр. Сначала сообщение непрозрачно, смысл проясняется, когда применяются «осветляющие» процедуры — гипотезы и проверяющие действия. Для каждого источника информации в дискурсе существует своя система декодирования, прояснения смысла. Для понимания эмоционального состояния собеседника нужны приемы опознания эмоциональных состояний и связанных с ними ожиданий — например, можно ожидать обидные слова в ответ на словесный выпад, а можно в ответ встретить холодность, высокомерие и т.п.

Основным инструментом, переводящим интуитивные операции идентификации и интерпретации скрытой информации высказываний в план сознания, является способность человека думать и говорить о том, как происходит общение. Речь идет о языковой рефлексии. Надо обратиться к рефлексии, чтобы осознать автоматические интуитивные операции речепроизводства [1]. Последние достижения когнитивистики открывают новые возможности для методики преподавания русского языка в части создания учебных материалов, призванных резко расширить сознательную область обучения, где берут начало компетенции узнавания и понимания косвенной коммуникации, и в частности стратегий и тактик речевого воздействия на собеседника. Другими словами, процесс осознания неосознанного набирает силу в языкознании и методике преподавания русского языка как иностранного.

Определившись в лингвистическом контексте наших исследований, приступим к краткому изложению того, чем являются такие макроединицы дискурса, как сценарии речевого взаимодействия и сопутствующие им стратегии и тактики словесного воздействия.

Сценарии русского речевого взаимодействия. Представления о сценарной организации общения восходит к учению о фреймах, рекуррентности и воспроизводимости в коммуникации. Для нас важна мысль о том, что если бы некоторые феномены речи не повторялись (например, идиомы, метафоры, лого-эпистемы, этикетное поведение), то общение лишалось бы привычного автоматизма, вызывало бы излишнее интеллектуальное напряжение у собеседников. Феномен воспроизводимости нетрудно увидеть в макроединицах дискурса — сценариях речевого взаимодействия собеседников.

С неизбежным упрощением можно дать следующее определение сценарию речевого взаимодействия: сценарии — это, с одной стороны, свернутые когни-

тивные модели (схемы) речевого поведения, хранящиеся в долговременной памяти, с другой стороны — это словесная материализация этих моделей собеседниками. Если человек определяет, что ничего нового не происходит в пространстве общения, он ведет себя привычным образом. Например, опытный лектор знает, как начинать лекцию, как взаимодействовать с аудиторией, как представлять информацию в зависимости от подготовленности слушателей и пр. Эти сценарии (фреймы, схемы, структуры) в основном конвенциональны, они экономят интеллектуальные ресурсы человека, ему не нужно «изобретать велосипед» всякий раз, когда он попадает в социальную среду общающихся людей, где приходится вести себя определенным образом. Конвенции, правила правильного и неправильного речевого поведения позволяют слушателю прогнозировать речевые события в рамках того или иного сценария. Важным компонентом сценария является сюжет, объединяющий речевые действия в сценарное целое. Сюжетные линии выбираются собеседниками, они также помогают им прогнозировать развитие речевых событий. Всем нам памятна встреча Печорина с Максимом Максимычем в «Герое нашего времени» Лермонтова. Типичный сценарий «встреча друзей после многолетней разлуки» всем известен. Сюжет, согласно конвенциональным правилам, должен развиваться примерно так: вначале люди удивляются встрече, приветствуют и расспрашивают друг друга, предлагают встретиться и поговорить, вспомнить прошлое и пр. Но у Лермонтова этот сценарий иной: Печорин отказался от продолжения разговора, произошел коммуникативный сбой. Сценариев великое множество, человек Говорящий знает и умеет уговаривать несговорчивого или упрямого собеседника, ссориться и мириться, расспрашивать, сплетничать, объяснять непонятное, сомневаться, обсуждать новости и т.п. Человек разыгрывает множество ролей в бесконечных сценариях речевого общения.

Сценарий — это статико-динамическая структура, включающая в себя несколько речевых действий, связанных между собой отношениями зависимости и подчинения. Их конфигурацию определяют цели общающихся людей, их коммуникативные роли, статус и т.п. Поскольку сценарии существуют в коммуникативном пространстве дискурса, им свойственны протяженность во времени, начало и конец. Движущей когнитивной силой, «доставляющей» людей к результатам речевого взаимодействия, являются стратегии и тактики общения. С одной стороны, сценарии воспроизводятся без видимых усилий человеком Говорящим, а значит, имеют жесткий каркас, способность к регулярному воспроизведению, с другой — в их структуре предусмотрена свобода выбора речевого поведения в зависимости от условий, обстоятельств, контекста общения.

Стратегии и тактики речевого воздействия. В структуру сценариев, как понятно из вышесказанного, входят роли говорящих, эмоциональный фон общения, сюжетные линии, когнитивные действия прогнозирования речевых поступков собеседников, опознания и декодирования не прямой информации и пр. Важное место в сценариях занимают тактики и стратегии речевого воздействия. Нередко в научной литературе между сценариями и стратегиями устанавливают отношения равенства. Однако мы считаем, что сценарии и стратегии — разные

дискурсно-когнитивные феномены. Стратегии верховенствуют над другими составными частями сценария по ряду причин. Такие важнейшие элементы рече-производства, как планирование, целеполагание, связность, неразрывно связаны со стратегиями и тактиками речевого взаимодействия. Реализованные в речи стратегии и тактики поддаются анализу, их можно выявить, интерпретировать и представить в виде общих схем. Многие характеристики стратегий и тактик сближают их со сценариями. И все же стратегии и тактики «меньше» сценария, они, являясь механизмом реализации замыслов высказываний говорящих, входят составной частью в сложное целое, каким является сценарий. Сценарии обладают отличительными признаками, которые нельзя отнести к стратегиям. Роли говорящих, их психологическое состояние, история взаимоотношений, социальный статус — эти переменные величины сценария влияют на тактики и стратегии данного сценария, но не являются самими тактиками и стратегиями. Добавим, что стратегий мало, в научной литературе описаны две стратегии — доминирования (персуасивности) и сотрудничества (кооперации). Промежуточную стратегию можно назвать стратегией неуверенного, колеблющегося человека. В результате речевого взаимодействия колеблющийся человек рано или поздно перейдет к стратегии противодействия или сотрудничества.

Многочисленные тактики обслуживают персуасивные и кооперативные стратегии. Например, стратегию сотрудничества обслуживают тактики ведения унисонного разговора. К ним относятся, например, слова одобрения, совместный поиск формулировок, подсказки, добровольное сообщение нужных для партнера сведений, сигналы внимательного и заинтересованного собеседника и т.п. К стратегии доминирования относятся тактики демонстрации морального, физического, интеллектуального превосходства, речевого давления, принуждения собеседника изменить точку зрения или модус поведения, подчиниться политическому или рекламному воздействию. Итак, стратегий немного, они очерчивают основной маршрут дискурса — от замысла общения к его реализации. Тактик множество, они обеспечивают гибкость в общении. Стратегия речевого поведения, избранная говорящими, считается ошибочной, если она не приводит к нужному результату общения. Таким образом, речевые поступки связываются в цепи тактиками, а тактики подчиняются стратегии. Стратегии не только выстраивают маршрут в коммуникативном пространстве, они делят дискурсный поток речи на части. Стратегические ресурсы исчерпываются, если в дискурсе достигается или не достигается цель общения.

Вместо заключения. В методике преподавания появилась возможность выявлять и ранжировать сценарии в соответствии с целями обучения, то есть вносить в содержание обучения репертуар сценариев, соответствующий его конечным целям. Руководствуясь представлениями об основных, базовых сценариях, авторы учебных курсов составляют их список и подбирают соответствующий текстовый материал. В этот список необходимо включить сценарии, где участники объясняют что-либо, добиваются понимания, расспрашивают, обмениваются мнениями, аргументируют свою точку зрения, возражают, критикуют, уговаривают, разубеждают. Сценарии словесных поединков, дискуссии, науч-

ного спора, защиты своих взглядов с применением персуасивных и кооперативных речевых тактик и стратегий составят основу развития сложных коммуникативных умений на продвинутом и завершающем этапах изучения языка. Сценарный подход к обучению иностранных учащихся позволит научить иностранных студентов идентифицировать и интерпретировать сценарии русского речевого взаимодействия в реальной речи, в литературных текстах, обучить их планировать речевое поведение в зависимости от того, как развиваются коммуникативные события в рамках того или иного сценария.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Рябцева Н.К.* Язык и естественный интеллект. — М.: Academia, 2005.
[2] *Эко У.* Отсутствующая структура. Введение в семиологию. — СПб.: Symposium, 2004.

SCENARIOS, STRATEGIES AND TACTICS OF RUSSIAN SPEECH INTERACTION

V.I. Shlyakhov

Pushkin State Institute of Russian Language
6, Volgin str., Moscow, Russia, 117485

Scenarios, strategies and tactics of Russian speech interaction are considered in the article within the framework of recent studies in cognitive linguistics and pragmatics. The assortment of communicative competencies of foreign learners of Russian will be enlarged if they learn to identify, interpret and use scenarios of Russian speech interaction.

ОККАЗИОНАЛИЗМ КАК ЭЛЕМЕНТ «ЭПАТАЖНОЙ» ЛЕКСИКИ В ПОЭЗИИ РУССКИХ ФУТУРИСТОВ

А.В. Завадская

Кафедра русской филологии и методики преподавания русского языка
Оренбургский государственный университет
Пр. Победы, 13, Оренбург, Россия, 460000

В данной статье, исследуя поэтические тексты, автор анализирует окказионализмы как элемент «эпатажной» лексики и рассматривает различные способы их использования в целях достижения эпатирующего эффекта.

Появление в России футуризма встретило бурную реакцию со стороны общественности. Представители этого литературного течения своей главной задачей считали поразить публику. Именно на эту черту футуристического творчества указывает К.И. Чуковский, считая его «единственной целью ошарашить, ошеломить обывателя» [14. С. 240]. Современные исследователи основной характеристики творчества этого поэтического направления также называют эпатаж — ‘скандальная выходка; поведение, нарушающее общепринятые нормы и правила’ [15]. Характеризуя языковое творчество футуристов, М.Ю. Маркасов отмечает, что «слово является не средством создания текста, а, по фразеологии самих футуристов, самоцелью, объектом художественных экспериментов. Глобальный проект пересмотра традиционной поэтики предполагал расширение семантического горизонта слова за счет привлечения этимологического и морфемного потенциалов, использование приема «словосдвигов», создание псевдоэтимологий и интерес к начертательности слова, к его фонической стороне, а также к проблеме делимитации — определению границ слова в контексте — и вопросу «фактуры». Последний подход иллюстрирует слово как предмет, как материально выраженное, как вещь. Если слово — вещь, то им удобнее воздействовать на человека, в буквальном смысле — физически» [5. С. 77].

По мнению Е.В. Тырышкиной, типично футуристическими произведениями являются те, где либо словесная форма сведена к нулю, к молчанию, автор передает свое состояние средствами собственного тела, либо слово творится каждый раз заново, согласно законам авторского самовыражения (заумь) [11. С. 74]. Наиболее ярким примером произведений первого типа является «Поэма конца» В. Гнедова, она ориентирована «не столько на книжную, сколько на исполнительскую, жестовую интерпретацию: так, С. Сигей приводит ряд свидетельств о ее исполнении автором при помощи „ритмодвижения руки“» [7. С. 272]. Второй тип произведений обнаруживает себя в творчестве практически всех футуристов.

Однако, на наш взгляд, следует выделить и третью группу футуристических произведений. От текстов первой группы они отличаются тем, что имеют звуковую оболочку, и для того, чтобы понять содержание текста, вовсе не нуж-

но видеть его исполнителя. Сравнивая данный корпус текстов с тем, который отнесен ко второй группе, мы увидим, что слова здесь не творятся каждый раз заново. Лексическая организация текстов данной группы представлена различными единицами, основными из которых являются: эмоционально-экспрессивная, сниженная лексика, окказионализмы. Именно эта лексика, по нашему мнению, способствует созданию эпатирующего эффекта при чтении или слушании футуристического произведения. Эти лексические единицы мы объединили в одну большую группу, назвав ее «эпатажной» лексикой. Итак, под «эпатажной» лексикой мы понимаем группу лексических единиц, выделяемых в структуре футуристического текста, использование которых способствует созданию эпатирующего эффекта.

В данной статье мы хотели бы более подробно рассмотреть одну группу лексических единиц, входящих в состав «эпатажной» лексики, — окказионализмы. Окказиональная лексика является неотъемлемым элементом творчества любого писателя. Однако только в поэзии футуристов ее использование приводит к созданию эпатирующего эффекта.

Следует отметить, что далеко не все ученые принимают термин «окказионализм» для обозначения индивидуально-авторских новообразований. В современном языкознании сложились различные точки зрения на данную проблему: некоторые исследователи противопоставляют узуальной лексике лексику неuzuальную, одним из элементов которой и являются окказионализмы; другие высказывают мысль о том, что к неuzuальной лексике следует относить только неологизмы и потенциальные слова, а окказионализмы вообще не существуют.

Проанализировав научную литературу по данной проблематике последней трети XX века, мы выделили следующие термины, которые используются для обозначения анализируемого нами понятия: «окказиональная лексика», «индивидуальные новообразования» (Русская грамматика, 1980), «художественные окказионализмы» (Э.И. Ханпира), «эгологизмы» (А. Аржанов), «оценочные слова-временки» (В.В. Тимофеева), «окказионализмы художественной речи» (Б.А. Белова), «авторские неологизмы» (Р.Ю. Намитокова); «неологизмы контекста», «одноразовые неологизмы», «слова-самodelки», «слова-экспромты», «неологизмы поэта», «изречения *ex nihilo*» (О.С. Ахманова); слова-однодневки (Г.Н. Плотникова), «авторские новообразования» (Е.А. Жигарева), «индивидуально-авторские новообразования» (Н.М. Шанский), «слова-метеоры» (М.Д. Степанова).

Обращаясь к футуристическим окказионализмам, следует назвать основные функции, которые они выполняют в тексте:

— обогащают литературный и индивидуальный язык синонимами, антонимами, омонимами;

— способствуют возникновению полисемии, т.к. одна и та же лексема в литературном языке и в индивидуальном языке получает приращение в семье за счет новых сем;

— являясь периферийными единицами языка, активизируют узуальный пассивный запас: в качестве производящих слов для них используются архаизмы, историзмы, диалектизмы, профессионализмы, экзотизмы, варваризмы [6. С. 207].

Данные функции были выделены В.В. Никульцевой. Однако мы считаем, что необходимо выделить еще одну функцию, которая может быть отнесена только к окказиональной лексике футуристов — это функция создания эпатирующего эффекта. Именно она позволяет нам включить футуристические окказионализмы в число элементов «эпатажной» лексики.

Окказионализмы, создающие эпатирующий эффект, встречаются чаще всего в творчестве В. Маяковского и В. Хлебникова. Характеризуя язык В. Маяковского, Г. Агасов отмечал: «Маяковский, создавая новые слова, не имел претензии делать их универсально-годными... Он прежде всего имел в виду служебную пригодность найденного нового слова для данного частного случая» [1. С. 18]. На это же значение неологизмов указывал З. Паперный. Он писал: «... ясно, что поэтический неологизм создается не для обихода, но для данного случая. Закономерно, что новые слова у Маяковского почти никогда не повторяются, рождаются заново, неразрывно связаны с совершенно определенным образно-смысловым контекстом» [8. С. 232]. Эту же точку зрения поддерживал Г.О. Винокур, говоря, что «отдельные явления языка Маяковского, отмеченные печатью творческого новаторства, предстают в его поэзии мотивированными, они оправданы соответствующим художественным заданием» [2. С. 322].

Сами футуристы придавали большое значение использованию окказионализмов. Так, в статье «Без белых флагов» (1914 г.) Маяковский писал: «Если старые слова кажутся нам неубедительными, мы создаем свои. Ненужные сотрутся жизнью, нужные войдут в речь. Например, Хлебников, пользуясь соответствующими выражениями в других глаголах, дал около 500 производных от глагола «любить» — совершенно правильные по своей русской конструкции, правильные и необходимые. Это-то творчество языка для завтрашних людей — наше новое, нас оправдывающее» [Цит. по: 13. С. 72].

В этом высказывании В. Маяковского верно указание на то, что хлебниковские окказионализмы — даже самые сложные — всегда соответствуют законам словообразования русского языка и можно найти в них живые аналогии. Однако Н.И. Харджиев считает неправильным утверждение о том, что «эти словообразования должны быть применены в языке практическом. В действительности их цель — обогащение поэтического языка новыми смысловыми и эмоциональными оттенками» [13. С. 72].

Наиболее часто употребляемыми способами образования неологизмов у футуристов являются суффиксация и создание «концентрированных слов». К суффиксальному способу они прибегают для «создания новых смысловых и эмоциональных оттенков посредством присоединения к основе слова различных суффиксов» [13. С. 74]. Одним из первых этот способ стал использовать В. Хлебников. Образцы данного типа словотворчества мы находим в стихотворении «Заключение смехом», в поэме «Немотичей и немичей...» и в словотворческих заготовках, опубликованных в 1912—1915 гг. Эти словотворческие опыты Хлебникова заимствует Маяковский. Самые ранние примеры — «Шумики, шумы и шумищи» (1913 г.), «Облако в штанах», «Чудовищные похороны» (1915 г.). «Концентрированные слова» можно обнаружить в творчестве Д. Бурлюка,

И. Северянина, В. Маяковского и других футуристов (*грязеосеннее царство, сугробы североотчизны; лилиесердный герцог, в аловстречном устремленьи, крылолет буеров; небомехий зверь, утроликая девушка*).

Отмечая принципиально различный характер новообразований Маяковского и Хлебникова, Г.О. Винокур пишет: «Именно к такому типу новаторства в языке, состоящему не в изобретении небывалых звукосочетаний как носителей значений, а только в употреблении того, что дано в наличной традиции как скрытая возможность и намек, относятся языковые новообразования Маяковского» [2. С. 329].

Е.А. Земская отмечает, что «специфику словотворчества В. Хлебникова составляют ... неологизмы, использующие мертвые аффиксы и псевдоаффиксы. В особенности же специфично для Хлебникова явление, которое сам поэт назвал скорнением» [4. С. 183]. В.П. Григорьев, исследователь творчества В. Хлебникова, дает следующее определение данному явлению: «Скорнение — особое объединение смыслов корней в одном слове: смыслов «названия» и «образа», т.е. прообраза и неологизма» [3. С. 19]. Примерами «скорнения» могут быть слова *звучей* (*звук и ручей*), *улетавль* (*улетать и журавль*), *младуга* (*молодой и радуга*) и др. Данные новообразования, равно как и окказионализмы В. Маяковского, привносят в текст дополнительный эмоциональный оттенок. Рассмотрим это на следующем примере:

*Немь лукает луком немным
В закричальности зари.*

В этом отрывке четыре окказионализма, что является характерной чертой творчества только одного футуриста — В. Хлебникова. Эпатаж в данном случае создается за счет того, что читателю трудно сразу понять семантику слов, однозначно определяются здесь только грамматические формы.

Использует данный прием в целях создания эпатирующего эффекта и другой поэт — В. Каменский. В этом ему также помогает прием «скорнения». Например, в следующем отрывке эпатаж создается путем использования окказионализмов с корнем *лет*:

*В разлетинности летайно
Над Грустинией летан
Я летайность совершаю
В залетайный стан.*

Итак, подводя итог, отметим, что язык русских футуристов отличается богатством и разнообразием. Весьма необычна лексическая система этого языка. Она включает различные единицы, использование которых приводит к созданию эпатирующего эффекта. Эти лексические единицы были названы нами «эпатажной» лексикой. Одним из ее элементов являются окказионализмы. Большая часть футуристических окказионализмов отличается тем, что их образование идет по словообразовательным моделям, не существующим в языке, например, с помощью приема «скорнения».

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Агасов Г.* Языковое новаторство Вл. Маяковского // Литературная учеба. — 1939. — № 2.
- [2] *Винокур Г.О.* О языке художественной литературы. — М.: Высш. шк., 1991.
- [3] *Григорьев В.П.* Словотворчество и смежные проблемы языка поэта. — М., 1986.
- [4] *Земская Е.А.* Словообразование как деятельность. — М.: Наука, 1992.
- [5] *Маркасов М.Ю.* Поэтическая рефлексия Владимира Маяковского в контексте русского авангарда: Дисс. ... канд. филол. наук. — М., 2003.
- [6] *Никульцева В.В.* Лексические неологизмы Игоря Северянина: Деривация, значение, употребление: Дисс. ... канд. филол. наук. — Тамбов, 2005.
- [7] *Орлицкий А.А.* MINIMUM MINIMORUM: Отсутствие текста как тип текста // НЛЮ. — 1997. — № 23. — С. 270—278.
- [8] *Паперный З.* Маяковский сегодня // Новый мир. — 1957. — № 4.
- [9] *Полонский В.* Литература и жизнь // Новая жизнь. — 1914. — № 1.
- [10] Русский футуризм: Теория. Практика. Критика. Воспоминания / Сост. В.Н. Терехина, А.П. Зименков. — М.: Наследие, 1999.
- [11] *Тыршикина Е.В.* Русская литература 1890-х — начала 1920-х годов: от декаданса к авангарду. — Новосибирск: Изд. НГПУ, 2002.
- [12] *Хантура Э.И.* Смысловая структура окказионального слова в языке Маяковского // Русский язык в школе. — 1966. — № 6.
- [13] *Харджиев Н.И.* Маяковский и Хлебников // Статьи об авангарде. Т. 2 / Сост. Р. Дуганов, Ю. Арпишкин, А. Сарабьянов. — М.: Изд-во «РА», 1997.
- [14] *Чуковский К.И.* Собрание сочинений: В 6 т. — М., 1969. Т. 6.
- [15] Большой словарь иноязычных слов / А.Н. Булыко. — М.: Мартин, 2004.

OCCASIONAL WORDS AS AN ELEMENT OF «OUTRAGEOUS» VOCABULARY IN THE POETRY OF RUSSIAN FUTURISTS

A.V. Zavadskaya

Department of Russian Philology and Methods of Teaching Russian Language
Philological Faculty
Orenburg State University
13, Prospect Pobedy, Orenburg, Russia, 460000

The article introduces a notion of «outrageous» vocabulary. Investigating a futurist text, the author points out occasional words as an element of «outrageous» vocabulary and studies various ways of its usage to achieve an outrageous effect.

ЭНИГМОПОРОЖДАЮЩАЯ ФУНКЦИЯ СИНТАГМАТИЧЕСКОГО АССОЦИАТА

Е.А. Денисова

Кафедра русского языка филологического факультета
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Ломоносовский просп., 31/1, Москва, Россия, 119192

В статье анализируется принцип мотивационной связи предметов в русских загадках. В центре внимания автора — синтагматическая общность двух субстантивов и причины их контаминации.

Загадка представляет собой намеренно трансформированное описание реальности. Но у этой трансформации всегда есть мотивировка. Принцип существования загадки — сознательная зашифрованность отношения означающего загадки (текста загадки, или энigmatора) к означаемому загадки (отгадке, или энigmatу).

Для моделирования мира загадки, помимо выявления энigmatов и энigmatоров, важно выделение «семантических мотивационных моделей» (термин С.М. Толстой), т.е. того семантического фактора, который определяет мотивационные отношения энigmatора и энigmatата. Мотивационные связи, существующие в языке и направляющие категоризацию внешнего и внутреннего миров человека, характеризуют структуру ментального мира социума [8. С. 119]. Человек подмечает подобие между предметами и явлениями, и это подобие становится в загадке базой связи энigmatата и энigmatора.

Информация о мире, извлекаемая из внутренней формы слова, отвечает на вопрос, *какой* мотивационный признак положен в основу номинации стоящего за ним фрагмента действительности. Этот мотивационный признак может быть сопряжен и с реальным свойством обозначенного явления, и с приписанным ему творческим сознанием носителей языка. При этом реальное свойство может отображаться как в режиме констатации (*колючка, продыривить*), так и в режиме проекции (*ежевика, изрешетить*) [10]. Творческий подход сознания к действительности основан на установлении подобия (сходства) ее разных и различных фрагментов. В соответствии с этим имена явлений объединяются в нашем сознании на том основании, что объединяются воспринимаемые вещи, стоящие за этими именами.

Мотивационные семантические модели в загадках могут быть представлены именем существительным (*Не кузнец, а с клещами — рак*), числительным (*Пять чуланов, одна дверь — перчатки*), глаголом (*Сидит на ложке, свесив ножки — лапша*) и именем прилагательным (*Сам алый, сахарный, кафтан зеленый, бархатный — арбуз*). Некоторые загадки имеют несколько мотиваторов, например: *Серое сукно тянется в окно* (дым). Сравнение сукна с дымом мотивируется прилагательным *серое* и глаголом *тянется*.

Согласно концепции Ф. де Соссюра, слово как знак (субститут фрагментов действительности) является двусторонней сущностью, единством означающего (акустического образа) и означаемого (понятия, т.е. ментального образа). В одних знаках мотивационные отношения между означаемым и означающим отсутствуют, в других, мотивированных, они наличествуют. При этом означающее может быть как полностью мотивированным (*дворняга* — ‘собака, живущая во дворе’), так и частично, если речь идет о переносном значении слова (*шелковые волосы*) или о производном слове с так называемой «периферийной мотивацией» (*госпитализировать, кашевар*).

Наиболее распространенный способ кодирования предмета в загадке — метафора, при котором имя одного предмета заменяется именем другого, сопряженного с первым по определенным ассоциативным признакам. В метафорической загадке сосуществуют два денотата (референта): это основной субъект метафоры, соотносимый с денотатом имени отгадки, т.е. с энигматом, и вспомогательный субъект метафоры, соотносимый с денотатом энигматора. За именем-отгадкой стоит загаданный объект (энигмат), за энигматором — объект, с которым энигмат связан ассоциативно, на который он спроецирован (т.е. его ассоциат).

Энигмат может быть соединен с ассоциатом слабой ассоциативной связью, когда общие свойства (модусы) двух объектов неочевидны по причине либо их периферийности для самих объектов, либо невозможности: *Сивая свинья на дубу гнездо свила, детки — по веткам, а сама — коренёк* (горох), *Зеленая река, двадцать два рыбака, на реке две сетки, а уловы редки* (футбол), и сильной ассоциативной связью, когда общность объектов очевидна и не требует особого ментального напряжения: *Белоснежный парашют волны к берегу несут* (медуза); *Слоненок на колесиках ковер почистит носиком* (пылесос); *Не огонь, а жжется* (крапива).

Изучение ассоциативных связей слов имеет давнюю традицию (Н.В. Крушевский, Ф. де Соссюр, Л. Ельмслев, Ю.Н. Караулов). Н.В. Крушевский связывал систему языка с процессами типизации — способностью человеческого мышления классифицировать и обобщать предметы и явления. Рассматривая проблему усвоения лексического запаса языка, автор отмечал, что обычно человек не запоминает и не припоминает слово само по себе и что «каждое слово связано с другими словами узами ассоциации по сходству; это сходство будет не только внешнее, т.е. звуковое или структурное, морфологическое, но и внутреннее, семасиологическое» [1. С. 144]. Благодаря этому закону слова укладываются в нашем уме в определенные системы и гнезда. Привычку употреблять какое-либо слово чаще в сочетании с одним, нежели с другими словами, Н.Д. Крушевский определяет как «ассоциацию по смежности», вследствие которой слова выстраиваются в синтагматические ряды. Например, слово *снимать* возбуждает в памяти слова *одежду, обувь, стресс, на камеру* и т.д.

Закономерности нормативной сочетаемости слов в речи являются основой синтагматики. Синтагматические отношения определяют связи слов, одновременно существующих в линейном ряду, т.е. в пределах одного и того же рече-

вого отрезка (отношения «и-и»). Им противопоставлены парадигматические отношения — взаимоисключающие отношения между единицами языка, определяющие выбор одного из них в конкретном акте речи (отношение «или-или»). Главной операцией, которую предполагает парадигматическая группировка слов, следует считать операцию выбора соответствующей определенному речевому заданию лексико-семантической единицы. Взаимоотношение базовых типов связей единиц языка Ф. де Соссюра сформулировал так: «С одной стороны, слова в речи, образуя цепь, вступают между собой в отношения, основанные на линейном характере языка, исключающем возможность произнесения двух элементов сразу... Такие сочетания, опирающиеся на протяженность, могут быть названы синтагмами... С другой стороны, вне процесса речи слова, имеющие между собой что-либо общее, ассоциируются в памяти так, что из них образуются группы, внутри которых обнаруживаются весьма разнообразные отношения» [7. С. 121].

Проводящиеся в последнее время интенсивные исследования в области ассоциативного эксперимента, активно вводят понятия парадигматического и синтагматического типов ассоциаций. Синтагматическая близость (ассоциация по смежности в терминах Крушевского) отображает частотность совместной встречаемости слов. Данный тип ассоциации объединяет слова, грамматический класс которых отличен от грамматического класса слова-стимула: *Небо — голубое, машина — едет, музыка — звучит, одежда — снимать*. Парадигматическая ассоциация (ассоциация по сходству) связывает внеязыковые элементы в силу общности их формы, содержания или на основе того и другого одновременно и определяет принадлежность слова к одному грамматическому классу: *стол — стул, отец — мать, голубое — синее, вода — жидкость*. Если сравнить загадку с ассоциативным экспериментом, то можно сказать, что энigmatор загадки отображает ассоциаты, а энigmat — то, что в ассоциативном эксперименте выступает как стимул. С этой точки зрения, загадка может быть интерпретирована как обращенный, перевернутый ассоциативный эксперимент: стимул задан по возможным ассоциативным реакциям на него. Поэтому загадка актуальна для изучения в свете ассоциативного эксперимента, уже проведенного народной культурой.

Л.О. Чернейко ввела понятие «синтагматический ассоциат» для определения глагола (а также прилагательного), входящего в зону сочетаемости двух субстантивов и обеспечивающего их контаминацию в речи [11]. Для загадок, в основе которых лежит синтагматический ассоциат, обязательны: 1) внутренняя форма (мотивация) энigmatора и 2) разграничение двух планов мотивации — ономасиологического (т.е. общности смысла при различии лексического воплощения: *Не кузнец, а с клещами — рак; Зубасты, а не кусаются — грабли*) и семасиологического (общности конкретного глагола, с которым сочетаются два имени, даже если глагол реализует в этих сочетаниях различные значения). Например, в загадке *Горбатый кот бабе плечи трет* (коромысло) соединены разные ситуации. Кот может быть на плечах у бабы (это ситуация 1), а может тереться около ее ног (ситуация 2), но кот, трущий бабе плечи, — это контаминация (от лат. conta-

minatio — смешение, объединение языковых единиц на базе их структурного подобия или тождества, функциональной или семантической близости [2. С. 238]) двух прототипических ситуаций, создающая ситуацию либо уникальную, либо просто невозможную, абсурдную.

Исследуя современную загадку, можно отметить преобладание семасиологической мотивации сближения предметов. «Обозначая признаки (свойства) предмета, глагол и имя прилагательное отделяют признак от его носителя, что создает предпосылку мышления об объекте, которое воплощается в предикативных структурах. При этом предикаты создают иллюзию существования признака отдельно от его носителя — фрагмента физического мира, обозначенного субстантивом. Общий предикат, соответствующий наивной, а не научной логике освоения мира, является основанием для самых отдаленных ассоциаций, границы которых не очерчены ничем, кроме ресурсов языка» [9. С. 451].

Е.Д. Поливанов выделил два типа загадок. В первом типе искомым оказывается предмет, способный удовлетворить загаданному признаку, при этом ассоциативная нить (мотивировка) заключена в задании. Во втором типе оба связываемых предмета уже даны и искомым является сама ассоциативная связь — мотив сравнения. В загадках этого типа вопрос и ответ формально объединены в одно целое [5]. Загадки первого типа включают такие способы кодирования предмета (подтипы), как метафора (*Маленький погребец, два ряда ящ — зубы, Ни окошек, ни дверей, полна горница людей — огурец*), метонимия (*В маленьком амбаре держат сто пожаров — спичка, По лесу жаркое в шубе бежит — заяц*), сравнение (в отличие от второго типа, в энигматоре представлен только один объект: *Не кузнец, а с клещами — рак, Кругла, а не девка, желта, а не масло, с хвостом, а не мышь — репа*) и описание. В последнем подтипе кодирующая часть может быть построена только на констатации качественных характеристик объекта (цвет, форма, размер и т.д.), а используемые имена прилагательные в большинстве случаев являются словами мотивированными, несущими реальную информацию о скрытом предмете: *Сам алый сахарный, кафтан зеленый, бархатный — арбуз, Маленько, кругленько, из тюрьмы в тюрьму скачет, весь мир обскачет, ни к чему сама не годна, а всем нужна* (копеечка — деньги).

Ко второму типу загадок можно отнести «загадки-сравнения», которые подразделяются на два подтипа:

1) в основе сближения отдаленных вещей лежит общность предиката имени загаданного и того, которое подлежит отгадке: *С чем можно сравнить бездельника?* Ответ: *С бумажным фонарем* — аргумент: *Оба без толку болтаются; С чем можно сравнить водяное колесо (для орошения полей)?* Ответ: *С полицейским* — аргумент: *Это потому что оба мокрые и вертятся* [5. С. 371—374];

2) в основе сближения вещей может лежать принцип семантической валентности обозначающих их слов. В современном языкознании валентность понимается как общая сочетательная способность слов [2. С. 80]. В связи с загадкой можно говорить о лексической валентности, которая связана с семанти-

кой слова. Образую определенное семантическое единство, значения многозначного слова связаны на основании сходства реалий (по форме, внешнему виду, цвету, ценности, положению, также по общности функции) или смежности, в соответствии с чем различают метафорические и метонимические связи значений [2. С. 382]. В качестве примера можно привести загадку из работы Поливанова: *С чем можно сравнить невесту из аристократии?* Ответ: *С бумажкой в 100 йен* — аргумент: *Потому, что (ни то, ни другое) не достанется бедняку* [5. С. 372]. Судя по загадке, аристократ в культуре японцев ассоциируется с богатством, а большая сумма денег — с купюрой в 100 йен. Составляя одно целое по параметру недостижимости, они противопоставлены бедному человеку.

Особый интерес представляют именно те загадки, где различительную или объединяющую роль играет предикат. При этом разные значения одного глагола (прямое и переносное) выявляют сложившуюся в культуре аналогию между различными вещами, базирующуюся на общности сочетаемости их имен.

Способность одного слова служить для обозначения разных предметов и явлений действительности представляет собой лексическую полисемию. Например, глагол *говорить* входит в парадигматическую цепочку, общим семантическим признаком которой является архисема 'сообщать информацию'. Стандартное представление о языке как инструменте говорения снято, в результате чего любой источник информации мыслится как говорящий. На этом основании значение предиката в загадке *Без языка говорю (часы)* дает возможность, приписав неживому предмету антропологические функции, сравнить его с человеком.

В загадке *Маленькая собачка весь дом стережет (замок) собака* послужила именем для замка, потому что она также сторожит хозяйское добро, как и запертая на замок дверь. База синтагматической общности имен *собака* и *замок* на поверхностном уровне реализована сочетаемостью с глаголами-синонимами *охранять* и *сторожить* (это идеографические синонимы). Глаголом *сторожить* вряд ли обозначается функция замка. Он запирает (закрывает), чтобы охранять дом (имущество). Собака же действительно сторожит дом. Таким образом, ассоциация объектов действительности по их функциям на языковом уровне (в данном случае — в тексте загадки) выражается глаголом *сторожить* (мотивационной базой энигмата).

Рассмотрим загадку *Не живые, а пищат (ворота)*. В стандартном представлении человека пищать могут только живые существа. Слово *пищать* в [4] определяется через слово *писк* («очень тонкий крик, звук») и лексикографически приравнивается к слову *скрипеть (скрип* — «резкий звук, возникающий при трении»). Их общая сема — 'характер звука, определяющийся источником звука', причем оба эти звука «жалостные» для слуха, хотя эта негативная интерпретация слов никак не отражается в загадке.

В сознании носителя языка оказываются семантически связанными те реалии внешнего мира, между которыми устанавливается некоторое содержательное сходство по тому или иному признаку (свойству, функции). В загадке *Не огонь, а жжется (крапива)* семантическое единство представлено глаголом

жечь, который мотивирует сравнение крапивы с огнем, подчеркивая их общее свойство — производить ожог или ощущение ожога. Сходство предметов по их свойствам и функциям обнаруживается в следующих загадках: *Не драгоценный камень, а светит* (Лед); *Ума нет, а хитрее зверя* (Капкан); *Горбатый кот бабе плечи трет* (Коромысло) и т.д. *Пустое стоит, полное ходит* (Обувь).

Загадки, созданные в новое время и представленные в виде вопроса, ориентированы не на предмет, а на его признак или на определенное условие его реализации в конкретной ситуации. Значительно большая часть вопросов имеет развлекательный (и отчасти социализирующий) характер и относится к игровым загадкам.

Современные загадки представляют собой второй тип (по Поливанову), где предикат объединяет два уже данных в вопросе объекта:

1. *Что общего между деньгами и гробом? (И то и другое сначала заколачивают, а потом спускают.)* Первичные и вторичные значения глаголов *заколачивать* (много и активно зарабатывать) и *спускать* (полностью растратить) объединяют совершенно разные предметы, имена которых сочетаются с этими глаголами.

В данной группе загадок встречаются предикаты, которые отличаются лексическим планом выражения их значения. В них можно встретить и собственно омонимы, и омофоны, и омоформы, например: *Чем отличается рыба-пила от русского мужика? (Рыба пила, а русский мужик пил, пьет и будет пить)* — омоформ существительного *пила* (стальная зубчатая пластинка для разрезания дерева) и прошедшего времени глагола *пить*; *Что общего между пьяницей и углом? (Чем больше градусов, тем тупее)* — омонимия прилагательного *тупой* в значениях (два значения: свидетельствующий об умственном ограничении и угол, больше прямого угла) и существительного *градус*.

2. Существуют загадки-сравнения, где предикат имеет одно значение (прямое), а комический эффект создается изменением последовательности действий: *Чем лошадь отличается от иголки? (На иголку сначала сядешь, потом подпрыгнешь, а на лошадь сначала подпрыгнешь, потом сядешь)*.

3. Сближение объекта на основе семантической валентности (т.е. потенциалов сочетаемости языковых элементов) представлено в следующих загадках: *Какая разница между прекрасной музыкой и прекрасной женщиной? (Первую можно слушать часами)*. Ассоциат «музыка-женщина», возникший на синтагматической основе (на базе общности прилагательного *прекрасная*), укрепляется общностью глагола *слушать*, который входит в сочетаемость ассоциированных имен. Таким образом, синтагматический ассоциат эксплицирован и в вопросе-загадке, и в ответе-отгадке.

Таким образом, синтагматическая ассоциация позволяет сближать денотаты отгадки (энигмата) и собственно текста загадки (энигматора) посредством общих признаков (предикатов). В основе сближения отдаленных вещей, закодированных в загадке, может лежать как общность глагола, входящего в сочетаемость имен энигмата и энигматора, так и их семантическая валентность (способность вступать в комбинации с другими элементами).

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Крушевский Н.В.* Избранные работы по языкознанию. — М., 1998.
- [2] Лингвистический энциклопедический словарь. — М., 1990.
- [3] *Белянин В.П.* Введение в психолингвистику. — М., 1999.
- [4] *Ожегов С.И.* Толковый словарь русского языка. — М., 1998.
- [5] *Поливанов Е.Д.* Формальные типы японских загадок. — Петроград, 1918.
- [6] Русское культурное пространство. — М., 2004.
- [7] *Фердинанд де Соссюр.* Курс общей лингвистики. — М., 1933.
- [8] *Толстая С.М.* Мотивационные семантические модели и картина мира // Русский язык в научном освещении. — 2002. — № 1(3).
- [9] *Чернейко Л.О.* Гипертекст как лингвистическая модель художественного текста // Структура и семантика художественного текста: Доклады VII-й международной конференции. — М., 1999.
- [10] *Чернейко Л.О.* Изучение лексической системы русского языка с позиции когнитивной семантики. — М., 2005.
- [11] *Чернейко Л.О.* Синтагматический ассоциат как текстопорождающий фактор детской речи // Проблемы онтолингвистики — 2007. — СПб., 2007.

ENIGMA GENERATING FUNCTION OF SYNTAGMATIC ASSOCIATION

E.A. Denisova

Russian Language Department of Philological Faculty
Moscow State University by name of M.V. Lomonosov
31/1, *Lomonosovsky prosp.*, Moscow, Russia, 119192

In the article the principle of motivating bounds of objects in Russian riddles is under analyses. Syntagmatic similarity of two substantives and reasons for their contaminations are also studied.

РЕЛИГИОЗНЫЙ ДИСКУРС В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

У.С. Баймуратова

Кафедра русской филологии и методики преподавания русского языка

Оренбургский государственный университет

Пр. Победы, 13, Оренбург, Россия, 460000

В центре внимания исследователя находятся такие понятия, как *дискурс* и *религиозный дискурс*. В статье религиозный дискурс анализируется на материале романов И.С. Шмелева и В.А. Бахревского, рассматривается концепт «Бог» — один из ключевых концептов данного типа дискурса.

В современной лингвистике активно разрабатываются проблемы, связанные с когнитивным аспектом исследования языка. Одним из дискуссионных вопросов является определение дискурса, который понимается многими учеными по-разному. «Две стороны речи — процессуальная и материальная — послужили основанием для современных трактовок дискурса и создания для определения его содержания частных оппозиций *дискурс — текст* и *дискурс — речевая деятельность*» [5. С. 6]. Некоторые исследователи строят свои концепции на основе одного из этих понятий, упуская из вида второе, столь же существенное для понимания дискурса. Поэтому в качестве рабочего определения анализируемого нами понятия возьмем формулировку, предложенную Г.Н. Манаенко: «дискурс — это общепринятый тип речевого поведения субъекта в какой-либо сфере человеческой деятельности, детерминированный социально-историческими условиями, а также утвердившимися стереотипами организации и интерпретации текстов как компонентов, составляющих и отображающих его специфику» [5. С. 11—12].

Социолингвистический анализ дискурса (текста в ситуации реального общения, по В.И. Карасику) учитывает сложившиеся в обществе институты, такие, например, как образование, медицинская помощь, армия, судопроизводство, политическая деятельность, коммерция, спорт. Этот ряд будет неполным без упоминания церкви — «религиозной организации духовенства и верующих, объединенной общностью верований и обрядности» [3. С. 266].

Если термин «дискурс» начал широко употребляться с начала 70-х годов прошлого столетия, то «религиозный дискурс» становится предметом исследований филологов со второй половины 90-х годов. Лингвистическому описанию данного типа дискурса посвящены работы Л.П. Крысина (1996), В.И. Карасика (1999), Н.Д. Арутюновой (2004), Е.Б. Казниной (2004). Однако отсутствие в современном языкознании классического определения дискурса, которое не вызывало бы в среде ученых споров, сказалось и на понятии «религиозный дискурс». Исследователи подходят к рассмотрению этого вопроса с двух сторон, трактуя

его либо как религиозный христианский текст, либо как совокупность актов религиозной коммуникации.

Религия, являясь одной из базовых составляющих социальной духовной культуры, концентрирует в себе глобальные понятия человечества, определяющие бытие как верующих, так и неверующих людей. Эти глобальные понятия хранятся в сакральных текстах (в первую очередь, в текстах Священного Писания) и постоянно реализуются в речи участников религиозного дискурса.

Текстовым центром христианского дискурса, отмечает в своем исследовании Е.Б. Казнина, являются дискурсы Нового и Ветхого Заветов, а также святоотеческий дискурс. Однако ученый не ограничивает христианский дискурс только собственно религиозными текстами. С позиции исследователя, данный тип дискурса «включает в себя всю совокупность идей, представленных как в тексте Библии, святоотеческой традиции и сочинениях христианских философов, так и в произведениях художественной литературы (вне зависимости от того, какова мировоззренческая позиция автора: атеистическая или религиозная), в фольклоре, отражающем наивную картину мира носителя определенной христианской конфессии, иными словами, всю человеческую жизнь, запечатленную в текстах» [2. С. 40].

Анализ жанрового состава религиозного дискурса с позиции особенностей функционирования текстов теодискурса в коммуникативном пространстве составляет цель одного из исследований А.С. Жулинской, в котором она, так же, как и Е.Б. Казнина, отмечает, что все религиозные тексты обладают двойственной природой: это голос Бога, который должен восприниматься душой, но это и человеческие книги, имеющие все текстовые характеристики и подчиняющиеся законам литературных жанров [1. С. 198—203].

Религиозный дискурс отражает религиозную картину мира, которая, в свою очередь, является частью общей картины мира. Художественная картина мира также использует элементы религиозного дискурса, формируя при этом духовный облик произведения. Поиск ключевого концепта религиозного дискурса, отраженного в лексической структуре художественных текстов, составляет цель настоящей статьи.

Актуальность такого поиска обусловлена необходимостью анализа специфики религиозного дискурса конца XIX — начала XX веков, особенностей словоупотребления и концептосферы.

Исследование лексических экспликаций макроконцепта «Бог», являющегося основополагающим не только в религиозном дискурсе, но и в произведениях авторов разных эпох, определяет научную новизну статьи.

Материалом исследования стали романы В.А. Бахревского «Святейший патриарх Тихон» и И.С. Шмелева «Лето Господне».

Один из центральных концептов в концептосфере православной культуры — «Бог». В связи с направленностью религиозного дискурса именно на этот объект последний постоянно развивается и не прекращает свое существование. При этом большим изменениям подвергается фоновая часть и ценностная со-

ставляющая концепта, тогда как ядерная часть остается, как правило, неизменной. Проследим, каково же содержание макроконцепта (термин Е.В. Сергеевой) «Бог» в произведениях Ивана Шмелева и Владислава Бахревского. При анализе семной структуры слов и семантического варьирования в текстах нельзя пользоваться только дефинициями современных толковых и специальных словарей: поскольку их авторы часто субъективно интерпретируют языковое значение, то семантика слова в полной мере проясняется только в контексте произведения (в пределах словосочетания, предложения или текстового фрагмента). Необходимо учитывать также, что в произведениях есть точки соприкосновения временных рамок, однако тексты создавались в разные эпохи.

Концепт «Бог» — наиболее значимый макроконцепт рассматриваемого дискурса, поэтому основная лексема, эксплицирующая этот концепт, — *Бог* — широко представлена в текстах И.С. Шмелева и В.А. Бахревского. В отличие от современного, во многом обедненного восприятия этого концепта, в религиозном дискурсе перед нами предстает сложная, иерархически построенная система значений, вербализованная большим количеством конкретных экспликаторов (прежде всего — лексемами *Бог*, *Господь*, *Создатель*, *Творец*, а также *Всевышний*, *Царь Небесный*).

Бог воспринимается писателями как источник жизни и создатель бытия; он промыслитель, воплощающий свой замысел о мире и одновременно всевидящий владыка этого мира:

— *У Господа все живет. Мертвый камень — и тот живой. А уж верба-то и подавно живая, ишь — цветет. Как же не радоваться-то, голубок!..* (Шмелев)(1);

— *Понятно, все воскреснет... у Бога-то! От Него все, и к Нему — все. Все и подымутся. Помнишь, летось у Троицы видали с тобой, на стене красками расписано... и рыбы страшные, и львы-тигры несут руки-ноги, кого поели-разорвали... все к Нему несут, к Господу, в одно место. Это мы не можем, оттяпал палец там — уж не приставишь. А Господь... Го-споди, да все может! Как земля кончится, небо тогда начнется, жизнь вечная. У Господа ничего не пропадает, обиды никому нет* (Шмелев);

— *Путешествия по-русски исстари так и назывались — хождения. Ты погляди вокруг! У Господа ни одного человека нет одинакового, ни дерева, ни травинки... На Божий мир наглядеться досыта человеку не дано* (Бахревский).

Лексическая экспликация концепта «Бог» представляет его в качестве начала и конца эволюции мира, ее смысла и основного содержания, надбытийного, но могущего воплощаться в созданном им бытии.

Бог — абсолютное, надбытийное, вечное, не познанное до конца человеком, источник истины и любви:

— *Слезы мне жгут глаза: радостно мне, что это наши, с нашего двора, служат святому делу, могут и жизнь свою положить, как извозчик Семен, который упал в Кремле за ночным Крестным ходом, — сердце оборвалось. Для Господа ничего не жалко. Что-то я постигаю в этот чудесный миг... — есть у людей такое... выше всего на свете... — Святое, Бог!* (Шмелев);

— Церковное учение, будет ли то краткое наставление **веры** или целая богословская система, есть самое важнейшее выражение **истинной жизни и истинных потребностей** нашего **духа**, стремящегося к **Богу** как **источнику истины и любви**. Богословские положения заключают в себе ответ на те великие вопросы **жизни и духа**, от решения которых мы не можем уклониться, не отказавшись предварительно от своей природы (Бахревский).

С одной стороны, Бог недоступен разуму как предмет познания, с другой стороны, Бог — предмет поиска и поклонения, который может быть воспринят индивидуально, объект религиозного познания с диалектически противоречивой сущностью, хотя является тайной и находится вне рациональных определений.

— *Пост, не смей! погоди, вот сломаешь ногу.*

*Мне делается страшно. Я смотрю на Распятые. Мучается, **Сын Божий!** А **Бог-то** как же... как же **Он** допустил?..*

*Чувствуется мне в этом великая тайна — **Бог** (Шмелев);*

*Усталый от строгих дней, от ярких огней и звонов, я вглядываюсь за стеклышко. Мрет в моих глазах, — и чудится мне, в цветах, — живое, неизъяснимо-радостное, святое... — **Бог?**.. Не передать словами (Шмелев).*

Важной составляющей содержания концепта «Бог» является то, что он объект любви человека и сам источник любви и всего положительного в бытии, воплощение истины и света столь полное, что эти лексемы сами могут служить экспликаторами концепта «Бог»:

— *Нет!* — сказал Василию Ивановичу Иосиф, благословляя в обратную дорогу. — *Нет!* Будь бодрым. Будь радостным. Помнишь, что говорил святитель Тихон: «Корень и начало **любви** к ближнему есть **любовь Божия**: кто **истинно** любит **Бога**, неизменно любит и ближнего». **Любовь** радостна. А у тебя в сердце так много любви, что ее на всех хватит (Бахревский).

В религиозном дискурсе прежде всего ощутима «сила слова», то, что в науке принято называть прагматической функцией речи, или функцией воздействия: подобно поэзии и музыке, язык религии призван воздействовать на эмоциональную сферу человека, в том числе «словами и выражениями, принадлежащими высокому стилю, нередко архаичными» [4. С. 136].

Интересно проследить в рассматриваемых текстах И. Шмелева и В. Бахревского, что есть *Слово Господне* и как оно выражается:

— *Таинственные слова, священны. Что-то в них...**Бог** будто? Нравится мне и «яко кадило пред **Тобою**», и «непщевати вины о **гресех**», — это я выучил в молитвах. И еще — «жертва вечерняя», будто мы ужинаем в **церкви**, и с нами **Бог**. И еще — радостные слова: «чаю Воскресения мертвых»!.. И еще нравится новое слово «целомудрие», — будто звон слышится? Другие это слова, не наши: **Божьи** слова (Шмелев);*

— *Сокровение **Господне** совершается, однако, волею людей, ибо одарены изначальным правом великого и страшного выбора — быть **Словом** и **Светом** или уклониться в прелесть и погибнуть для святого действия (Бахревский);*

— Сладко говорить со **Всевышним** сердцем, сладко слышать само слово «**Господи**». Маменька Анна Гавриловна говорит: «**Боженьку надо любить**»;

Васе хочется растопырить свое сердечко, обнимая землю, небо, батюшку, матушку, братьев, няню Пелагею, весь погост Клин, где они живут, — избы, **церковь**, людей.

— **Господи**, я люблю **Тебя!** (Бахревский);

— **Один грех с тобой**. Ну, какие филимоны... Их-фимоны! **Господне слово** от древних век. Стояние — покаяние со слезьми. Ско-рбе-ние... Стой и шопчи: **Боже**, очисти мя, грешного! **Господь** тебя и очистит. И в землю кланяйся. Потому, их-фимоны (Шмелев).

Таким образом, для религиозного дискурса слово сакрально, оно является воплощением божественного разума в человеке, воплощением идеи вселенной, мыслящей, сознающей самое себя [7. С. 15].

Органичность, «домашний» характер веры, привычность многих слов и выражений богослужбных книг приводили к их широкому распространению в речи и частичной десакрализации, то есть утрате первичного религиозного (сакрального) смысла. Сакральные по своему происхождению слова приобретали вполне мирские значения.

Особенно легко десакрализировались устойчивые сочетания, превращаясь в расхожие формулы русской обыденной речи. Например:

— **Слава Богу! Слава Богу!** Не расшиб, не опрокинул... — Иоанн Тимофеевич, все еще сидя в тарантасе, широко улыбнулся вышедшей из дому Анне Гавриловне: — Матушка! Блаженнейшая! Ты уж нас с Харитоном не ругай! По поводу угостились. Уж по такому поводу, что ты бы и сама нам поднесла по стопочке (Бахревский).

— А Батый? Батый сюда приходил? — спросил Павел.

— **Бог миловал**. Литва набегала, да и не только Литва. Торопец с 1115 года вошел в Смоленское княжество, а потом вместе со Смоленском в 1404 году был в рабстве у Литвы. Почти сто лет (Бахревский).

Вдруг сильно плеснуло. Лодка колыхнулась.

— **Господи!** Что это? — испугалась Анна Гавриловна.

— Будьте покойны, матушка! — улыбнулся отец Алексей. — Рыба гуляет (Бахревский).

— ... Вон, руки нет, а... сыт, обут, одет, **дай Бог каждому**. Тут плакать не годится, как же так?.. **Господь** на землю пришел, не годится (Шмелев).

Как видим, в устойчивых выражениях религиозное значение слова **Бог** часто не осознается или совсем утрачено: **Слава Богу** — 1) вводное слово, выражает удовлетворение, 2) благополучно, хорошо; **дай Бог каждому** — о чем-нибудь хорошем, желательном, **Господи!** — *межд.* Выражает удивление, восторг, негодование и другие чувства [6]. Это противоречило правилу «не поминать имени (имя) Господа (Бога) всуе» и, несомненно, способствовало затемнению или упрощению собственно сакрального смысла слова **Бог**.

Следует отметить, что с прописной буквы пишется не только концепт «Бог», но и его прямые номинанты, все лексемы, эксплицирующие этот концепт (*Творец, Всевышний, Господь*).

Бог бестелесен, нематериален. Но вместе с тем Он — Творец материального мира. Бог пребывает в духовном мире, но Он вездесущ, Он незримо присутствует и в материальном мире. Духовное и материальное в мире сосуществуют. В микроконтекстах, включающих лексемы, эксплицирующие концепт «Бог», часто используются слова, характеризующие *Господа* с разных сторон: *посетит, благословит, дожджок пошлет, простит, пожалел, награждает и наказывает, все сотворивший, из бездны света смотрел Всевышний*. Особенно показательным употреблением глаголов чувства, мысли, действия и речи, поскольку для самих авторов текстов Бог — активное и мыслящее существо.

Помимо существительных и глаголов, концепт «Бог» в трудах И. Шмелева и В. Бахревского эксплицируют прилагательные-дериваты лексемы Бог — *Божий* и *Божественный*: *божья благодать, для Божьего дела-с, Божья милость, Божественная истина, Сын Божий, Божий мир*.

Но наиболее важным для нас является рассмотрение оппозиции «земное» — «небесное». С одной стороны, «...*благодатная сила Божья сочетается с подвигом человеческого духа*» (Бахревский), а также «... *Христос неопишем, ибо неизобразимо одно из двух естеств Его, а эти два естества, божественное и человеческое, составляют одну неразделимую ипостась*» (Бахревский), однако, помимо стремления увидеть одно неделимое целое в этих понятиях, происходит и их разграничение: «... Я бы предложил юным слушателям диспут о любви, — деловым тоном сказал инспектор Антоний. — О любви Господней и о любви человеческой» (Бахревский); с другой стороны, «*видели в Божественном одно человеческое, но в человеческом достигали совершенства*» (Бахревский), таким образом, одновременно человек осознает и свою природную основу.

Чрезвычайно важным в тексте В. Бахревского является лексема *Богочеловек*, поскольку это однословное наименование (хотя и сложной структуры) называет также одну из основных проблем религии — взаимосвязь Бога и человека:

— ...*Для Иоанна Грамматика и прочих изображение Сына Божьего — идол заблуждения. Этот вывод вытекает будто бы из признания Богочеловека за одну ипостась в двух нераздельных и неслиянных естествах... Для Иоанна Грамматика единение в Иисусе Христе естеств превышает человеческую мысль и недоступно для понимания. Как Господь Бог — Христос абсолютен, а как человек — относителен. Он — вечен и одновременно тленен, бестелесен и обладает телесностью, несотворен и в то же время Его тварность бесспорна* (Бахревский).

Таким образом, одним из определяющих для религиозного дискурса является макроконцепт «Бог», ассоциативно-семантическое поле которого соотнесено и взаимопересекается с другим макроконцептом религиозного дискурса «Человек». Специфика лексической экспликации концепта «Бог» состоит, прежде все-

го, в том, что он вербализован не только лексемами, характерными для номинации концепта в русском литературном языке, но и лексемами, эксплицирующими его в собственно религиозном дискурсе.

ПРИМЕЧАНИЕ

- (1) Текст здесь и далее цитируется по: *Шмелев И.С.* *Лето Господне: Автобиограф. Повесть.* — М.: Олимп; ООО «Издательство АСТ-ЛТД», 1997; *Бахревский В.А.* *Святейший патриарх Тихон: Роман.* — М.: ЗАО Изд-во Центрополиграф, 2001.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Жулинская А.С.* Жанровое пространство религиозных текстов // Ученые записки ТНУ им. В.И. Вернадского. — Серия «Филология». — 2005. — Т. 18 (57).
- [2] *Казнина Е.Б.* Концепт «вера» в диалогическом христианском дискурсе: Дисс. ... канд. филол. наук. — М., 2004.
- [3] *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — Волгоград: Перемена, 2004.
- [4] *Крысин Л.П.* Религиозно-проповеднический стиль и его место в функционально-стилистической парадигме современного русского языка // *Поэтика. Стилистика. Язык и культура: Памяти Т.Г. Винокур.* — М., 1996.
- [5] *Манаенко Г.Н.* Текст, речевая деятельность, дискурс // *Языковая система — текст — дискурс: Категории и аспекты исследования: Материалы Всероссийской научной конференции, 18—19 сентября 2003 г.* — Самара: Изд-во «Самарский университет», 2003.
- [6] *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. — М., 1997.
- [7] *Сергеева Е.В.* Русский религиозно-философский дискурс «школы всеединства»: лексический аспект: Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. — СПб., 2002.

RELIGIOUS DISCOURSE IN THE LITERARY TEXT AS A LINGUISTIC PROBLEM

U. S. Baymuratova

Department of Russian Philology and Methods of Teaching Russian
Philological Faculty
Orenburg State University
13, Prospect Pobedy, Orenburg, Russia, 460000

In the center of attention of the researcher there are such concepts, as a discourse and a religious discourse. The article searches a religious discourse in the literary text, concept «The God» — one of the main concept of the given type of a discourse is defined and analyzed on wurks of I.S. Shmelev and V.A. Bakhrevskiy.

К СЕМАНТИКЕ ЛЕКСЕМЫ ПОКРОВ

И.Е. Юсов

Кафедра русского языка медицинского факультета
Российский университет дружбы народов
Ул. Миклухо-Макля, 6, Москва, Россия, 117198

Статья посвящена анализу развития семантики славянской лексемы **покровъ** и ее греческих соответствий, а также того культурно-исторического фона, на котором оно происходило.

В преподавании языка особое место принадлежит лингвокультурологическому аспекту. Изучение жизни слова, понимание выражаемого им смысла невозможно без понимания того культурно-исторического фона, на котором оно развивается, с которым связано самым непосредственным образом. В противном случае мы рискуем допустить более или менее серьезную ошибку при интерпретации конкретного семантического явления, особенно если речь идет о понятии, являющемся для данной культуры базисным.

Большой Академический словарь рассматривает *покров* — ‘верхний слой, покрывающий что-либо’ и *Покров* — ‘церковный праздник’ как омонимы [6. С. 911—912]. С формальной точки зрения, это, конечно, правильно; однако если мы попытаемся внимательно и осторожно распутать сложный клубок скрытых здесь смыслов, то вряд ли увидим непреодолимую пропасть между двумя очень схожими фактами языка.

Для начала отметим, что в истории Покрова — одного из самых любимых и почитаемых на Руси праздников — до сих пор много неясного. Несмотря на то, что празднуемое событие (видение блж. Андрея Юродивого) имеет греческое происхождение, в Византии оно не получило широкого распространения и, более того, не было внесено в число календарных торжеств. Греческий протограф Покрова (если таковой существовал) неизвестен науке. В южнославянских землях праздник возник под русским влиянием. Хотя древнерусские следы покровского культа мы встречаем уже в иконографии и прологах XII—XIII веков (при этом традиционно признаваемое авторство князя Андрея Боголюбского как учредителя праздника серьезно оспаривается [4. С. 52]), древнейший список богослужебного чина относится к середине XIV в. Возникает вопрос, почему он возник лишь на русской почве? Возможно, как предполагает И.А. Шалина, знаменитый эпизод жития блж. Андрея Юродивого (ставшее привычным для посетителей Влахернского храма еженедельное «пятничное чудо» — поднятие завесы над чудотворной иконой Божьей Матери) так поразил воображение наших паломников, что они, не обладая драгоценной реликвией, попытались воссоздать подобие этого действия на своей родине [9. С. 354].

Необычно и само название праздника. В тех пассажах службы, где упоминается простертая Богородицей киноварная пелена или снятый с Ее головы плат, славянский текст оставляет без перевода греч. *μαφόριον* ‘платок или

длинный плащ'. **Ποκρόβω**, как правило, употребляется в ряду синонимов: **ζαστῶπλένιε**, **στῆβνά**, **δερχάβα**, — именуя тем самым абстрактное понятие *защиты*, а не обозначая конкретный предмет. Есть ли греческий аналог этого слова?

Тематическая близость и текстуальное сходство служб Покрова и службы Положения ризы Богородицы во Влахернах (2 июля), широко известной древней греческой Церкви, позволили ряду ученых (впервые это было обнаружено Lathoud [12. С. 303]) предположить, что последняя, возможно, послужила образцом для составления чинопоследования первой. Сопоставляя их, мы увидим: **ποκρόβω** в большинстве случаев является переводом греч. σκέπη 'защита, прикрытие'. Той же метафорой воспользовался автор Акафиста Божьей Матери, обращаясь к чудотворной Влахернской иконе: σκέπη τοῦ κοσμοῦ, πλατυτέρα τῶν οὐρανῶν (в славянском тексте — **покрѡвъ мѣрѡ, шѣршии ѡблака**, икос б). Необычность славянского перевода (мы говорим о грамматическом несоответствии род. ед. **ѡблака** gen. plur. τῶν οὐρανῶν, а также нетрадиционности лексической: греческое οὐρανός обычно передавалось словом **нѣбо**) отчасти может быть прояснена с помощью методики, предложенной М.А. Моминой. По замечанию исследователя, «силлаботонический размер византийской гимнографии позволяет восстанавливать с большой достоверностью греческие разночтения по славянским спискам...» [3. С. 134]. Вполне вероятно, что в одном из греческих списков Акафиста Богородица названа покровом, более широким, чем облако: πλατυτέρα τῶν νεφελῶν. При таком предположении будет сохранена семантическая точность церковно-славянского текста, так как νεφέλη является регулярным соответствием ст.-сл. **облакъ**, см. [14. С. 467]). Неясным здесь остается, однако, единственное число существительного **ѡблако**.

Предание связывает авторство Акафиста с именем прп. Романа Сладкопевца, который нередко изображается на иконах Покрова со стороны, противоположной той, что занимает блаженный Андрей со своим учеником Епифанием. По словам И.А. Шалиной, «двух визионеров — Андрея Юродивого и Романа Сладкопевца — объединяет не только близкие дни памяти (1 и 2 октября), но и факт «посещения» их Богородицею, а также место этого чуда — Влахернская капелла 'Αγία Σορός» [9. С. 355].

Этимологический анализ связывает σκέπη с рус. *чепец*, польск. *czepiek* 'колпак', лит. *kepùrė* 'шляпа', лтш. *zėpure* 'фуражка' и возводит его к и.-е. корню *(s)qer- со значением чего-то обволакивающего, накрывающего [11. С. 873]. Уже древнегреческому языку известны, помимо прямых значений оболочки, чехла, волосяного и плотяного покрывала, значения переносные — 'защита', 'укрытие' [13. С. 1606]. Безусловно, слова песнопений имеют именно этот смысл.

Семантическая «карта» этимологического гнезда славянской лексемы несколько шире. Родство с лит. *kráuti* 'накладывать, наваливать кучей, нагружать', на наш взгляд, позволяет объяснить, что общего между такими разными его значениями, как 'жилище', 'ткань' и 'случка скота' [10. С. 71—72]. Вероят-

но, создание навеса или любого иного заграждения считалось славянами достаточным препятствием для проникновения злых сил (ср. представления о небе как «крыше мира» [1. С. 104]); этим обусловлено развитие комплекса значений 'тайное, укромное место' > 'укрытие' (*покров ночи, от-кровение, сокровище*; сюда же можно отнести и *крышу* воровского жаргона). Значения 'ткань, покрывало', а также 'верхний слой чего-либо' стали возможны благодаря конкретизации первоначального указания на средство, предохраняющее от внешних воздействий. Достаточно вспомнить, к примеру, что «покровами» на Руси называли верхнюю часть убора икон; обычай брать сакральные предметы покровенными руками восходит к глубокой древности [7. С. 47—48].

В бытовой трактовке названия праздника, с одной стороны, мы имеем дело с типичным случаем «народной этимологии»: Покров *покрывает* землю «где листом, где снежком». Но значительно важнее здесь брачно-эротическая символика свадебного обряда, в котором фата (покрывало) невесты играет далеко не последнюю роль. В прямой связи находятся явления природы и переход из безбрачного в замужнее состояние: «Батюшка Покров, покрой землю снежком, а меня, молодую, женишком!» [2. С. 247]. Свадебная шапочка становится у белорусов Понеманья метафорой брака: «Святая Пакрова, уже я сусим гатова: прыкрыла землю листочкам, прыкрой мне шапочкам» [5. С. 507].

Можно предположить, что на употреблении слова *покров* в значении 'защита' сказалась книжно-славянская традиция, противопоставленная фольклорным контекстам. Об этом свидетельствует и характер приводимых в словаре цитат [8. С. 1116]. Едва ли имело место влияние греческого оригинала — скорее, развитие семантики просто шло сходными путями. В самом же праздновании Покрова тесно переплелись традиции церковно-религиозная и народно-бытовая, объединенные идеей милосердного заступничества и помощи.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Байбурин А.К.* Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. — 2-е изд., испр. — М.: Языки русской культуры, 2005. — (Studia philologica. Series minor).
- [2] *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. т. III. П. — М.: Русский язык, 1980.
- [3] *Момина М.А.* Греческие разночтения в славянских гимнографических текстах // Византийский временник. — М.: Наука, 1983.
- [4] *Плюханова М.Б.* Сюжеты и символы московского царства. — СПб.: Акрополь, 1995.
- [5] Славянские древности. Этнолингвистический словарь в 5-ти томах / Под ред. Н.И. Толстого. — т. 1. — М.: Международные отношения, 1995. — (Институт славяноведения и балканистики РАН).
- [6] Словарь современного русского литературного языка. т. 10: По-Поясочек. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1960.
- [7] *Стерлигова И.А.* Драгоценный убор древнерусских икон XI—XIV веков: Происхождение, символика, художественный образ. Государственный институт искусствознания Министерства культуры Российской Федерации. — М.: Прогресс-Традиция, 2000.
- [8] *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка. В 3 т. Т. 2: Л-П. — М.: Знак, 2003.

- [9] Шалина И.А. Реликвии в восточнохристианской иконографии. — М.: Индрик, 2005.
- [10] Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 13 (*kroměžigъ — *kyžiti) / Под ред. чл.-корр. АН СССР О.Н. Трубачёва. — М.: Наука, 1987.
- [11] Boisacq E. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. — Heidelberg-Paris, 1923.
- [12] Lathoud R.P.D. Le thème iconographique du «Pokrov» de la Vierge // L'art byzantin chez les slaves. L'ancienne Russie, les slaves catholiques. Deuxième recueil. Dédié à la mémoire de Théodore Uspenskij. Deuxième partie. — Paris, Librairie orientaliste Paul Geuthner, 1932.
- [13] Liddell H.G., Scott R.A. Greek-English Lexicon. Vol. II: λ — ὠδης. Oxford, At the Clarendon Press, 1937.
14. Miklosich F. Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum. Emendatum auctum. — Vindobonae. Guilelmus Braumueller, 1862.

SEMANTIC OF WORD **POKROV**

I.E. Yussov

Russian Language Department of Medical Faculty
People's Friendship University of Russia
6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russia, 117198

The article is devoted to the analysis of development of semantic of Slavonic word **POKROV** 'cover, protection' and its Greek correspondence. Cultural and historical aspects are also under analysis.

ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ В МЕТОДИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

КОНЦЕПТ В ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА ДЛЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ (LSP)

А.А. Атабекова, И.А. Сысоева

Кафедра иностранных языков юридического факультета
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В статье рассматриваются лингвокогнитивные характеристики концепта, релевантные для методики преподавания иностранного языка как языка специальности, в дидактическом аспекте обсуждается вопрос о соотношении концепта, понятия и значения, необходимость формирования навыков интерпретации специальных концептов обосновывается с позиций компетентного подхода.

Конец XX — начало XXI века отличают интенсивное расширение международных контактов, возрастающая роль научного общения, углубление отраслевой специализации знаний, развитие межкультурного взаимодействия между представителями аналогичных профессиональных групп.

В связи с этим закономерен интерес лингвистов к особенностям функционирования разных типов профессиональных дискурсов, специфику которых определяют жанры, способы концептуализации специальных знаний, способы их вербализации и т.д.

Современный лингвистический анализ опирается на принципы антропоцентризма, осуществляется в русле когнитивно-дискурсивной парадигмы исследований.

Когнитивный подход к анализу составляющих профессионального дискурса предполагает изучение способов концептуальной организации знаний в речевой ситуации, поскольку структуры знания отражаются в знаковых формах, выводимых из основных типов содержания [11].

В репертуар лингвистического метаязыка вошли понятия «лингвокультура», «логоэпистема» и др., однако до настоящего времени отсутствует единое

толкование сущности концепта, соотношения понятий «концепт», «понятие», «значение» (см. об этом, например, [9]), остаются дискуссионными вопросы архитектоники, типологии концептов, методов их изучения [2].

Релевантность концепта для изучения особенностей вербализации специальных знаний определяется тем, что в современных философских и лингвистических исследованиях концепт трактуется как «квант структурированного знания» (по определению З.Д. Поповой и И.А. Стернина) о мире, которое находит свое выражение в определенной системе знаков.

Понятие концепта представляется релевантным и для современной лингводидактики, в которой укрепляются позиции компетентностного подхода к обучению иностранным языкам [3].

Актуальность оперирования понятием «концепт» в лингводидактической практике, на наш взгляд, обусловлена тремя составляющими в его определении, на которые обращают внимание лингвисты:

- научный конструкт, принадлежащий области сознания,
- детерминированность концепта культурой,
- его опредмеченность в языке, речи [5].

Для преподавателя LSP очень важен постулат современной когнитивной лингвистики о том, что концепты разнотипны по своей природе. Специалисты по-разному развивают данный тезис, подчеркивая следующее:

- многообразие действительности предопределяет ее отражение в конкретно-чувственных образах, мыслительных картинках, схемах, понятиях, прототипах, фреймах, сценариях и т.д.;
- по типу структуры различаются одноуровневые, многоуровневые и сегментные концепты [10];
- по типу носителей разграничиваются общенациональные, групповые, индивидуальные концепты [4];
- различная степень абстракции концептов ведет к их представлению в речи посредством разноуровневых языковых единиц (слово, словосочетание, предложение, текст) [2].

Изучение профессионально ориентированного общения предполагает особый акцент анализа на групповые концепты, отражающие специфику профессиональной культуры и специальных знаний, составляющие основу корпоративной профессиональной деятельности (Ср. замечание Кларка о том, что концепты, существующие в национальном сознании, безусловно, интересны для исследователя, т.к. они формируют общие знания, необходимые для совместной деятельности [13]).

Не случайно в современных лингвокогнитивных исследованиях теоретического плана по терминологии предметом анализа являются концепты, отражающие специальное знание (работы Л.М. Алексеевой, Е.С. Кубряковой, Л.А. Манерко, Т.А. Фесенко, И.В. Кичевой и др.).

Актуальность включения понятия концепта (по крайней мере, наряду с традиционным понятием термина) в лингводидактическую практику препода-

вателя LSP обусловлена многослойным характером структуры концепта в целом, которую образуют смысловое содержание, понятийная основа, оценка, универсальный, национально-культурный, социальный, возрастной, гендерный, индивидуально-личностный компоненты.

Подобное понимание структуры концепта позволяет с общелингвистических позиций объяснить национально-культурную, узкоотраслевую специфику значения языковых единиц, вербально отражающих концепты в среде профессионального взаимодействия специалистов, обосновать закономерность использования прецедентных текстов в вербализации специальных знаний.

Включение концепта в метаязык лингводидактической практики преподавателя LSP представляется перспективным с учетом тех функций, которые соответствуют многоплановой гибкой структуре концепта. Так, специалисты определяют для него следующие функции: логическую, гносеологическую, коммуникативную, этнокультурную, информационную, регулятивно-координирующую, уплотняющую, экспрессивную, конструктивную, смыслообразующую, оценочную, эвристическую и др. [7].

Подобный репертуар функций концепта предопределяет необходимость его использования в качестве оперативной единицы лингводидактического анализа специальных текстов профессионального дискурса в учебной аудитории.

В лингводидактической практике необходимо учитывать существующее в современной когнитологии разграничение понятия и концепта. Обобщение точек зрения по данному вопросу можно найти в работе Е.В. Бекишевой. Автор отмечает, что научный концепт шире понятия; если понятие является рациональной схемой объекта, то концепт содержит сенсорный, эмотивный и оценочный компоненты, может включать наивный аналог понятий (предопределяющий появления терминов-метафор). Иначе говоря, концепт более многомерен, вариативен [1], что, на наш взгляд, закономерно в связи с его развитым функциональным репертуаром. Подобная трактовка соотношения понятия и концепта позволяет преподавателю поставить перед студентами вопрос о прагматике термина как языкового выражения концепта в конкретном контексте, дает возможность обсуждать социокультурный потенциал термина, что принципиально важно для специалиста, работающего в условиях межкультурного профессионально ориентированного общения.

Одной из самых сложных проблем современной лингвистики является проблема соотношения языковых и неязыковых знаний, вопрос о соотношении концепта и значения и т.д. Общность значения и концепта заключается в том, что они представляют собой результаты отражения и познания действительности сознанием человека. Основанием для определения природы различия между значением и концептом является разграничение видов сознания, ментального пространства индивида и семантического пространства языка. Концепт — продукт когнитивного сознания человека, значение — продукт языкового сознания. Концепт — единица ментального пространства, концептуальной картины мира, значение — единица семантического пространства языка.

Для практики преподавания LSP очень актуален тезис о том, что лексические значения (терминов как языковых единиц) соотносимы с когнитивными контекстами (Langacker), но при этом значение языковых средств передает лишь часть концепта, который, как правило, включает в себя понятие, представление, предметное содержание, ассоциации, эмоции, оценку. Данные составляющие концепта определяют семантику языковых средств его выражения.

Многомерная организация концепта и многоплановость его функций обуславливают сложность восприятия и интерпретации концептов [8]. В условиях интенсивного развития специального научного знания все большую актуальность приобретает интегральный подход к изучению специальных концептов (отражающих результаты научного знания в конкретной профессиональной сфере), который предполагает единство концептуального и компонентного (семантического) видов анализа, процедур когнитивного моделирования.

В лингвокогнитивных исследованиях теоретического плана отмечается, что «совокупность когнитивных моделей образует каркас концепта, формирует его глубинный строй, обеспечивая при этом упорядоченность его строения и связность составляющих элементов. Когнитивное моделирование обеспечивает комплексный подход к описанию и интерпретации концепта» [12].

В связи с тем, что концепт многомерен, для процедуры моделирования могут использоваться фрейм, сценарий, скрипт и т.д., обладающие более четкой структурой [5. С. 78]. Соответственно, для лингвокогнитивного исследования современного терминологического пространства актуальным является метод фреймового анализа.

Интегральный подход к изучению специальных концептов сохраняет свою актуальность для практики преподавания иностранного языка как языка специальности.

Студентам как будущим специалистам в конкретной области профессиональной деятельности в условиях межкультурного взаимодействия необходимы навыки адекватной интерпретации иноязычных специальных концептов. Будущие специалисты должны иметь представление о концептуальном, компонентном (семантическом) видах анализа, должны владеть навыками когнитивного моделирования в условиях межкультурного профессионального взаимодействия.

Соответственно, одной из задач преподавателей иностранного языка как языка специальности является разработка методики формирования навыков интерпретации специальных концептов.

Наличие подобных навыков отвечает требованиям к современным специалистам обладать не просто квалификацией, а компетентностью в соответствующей сфере.

Навыки интерпретации специальных иноязычных концептов являются составляющими не только собственно коммуникативной иноязычной компетенции (включающей языковые, социокультурные, дискурсивные и т.д.). Подобные навыки входят в круг общих компетенций, которые включают инструментальные компетенции (в том числе когнитивные способности, способность пони-

мать и использовать идеи и соображения; лингвистические умения, коммуникативные компетенции) и межличностные компетенции (связанные с процессами социального взаимодействия, предполагающие способность работать в междисциплинарной команде, способность воспринимать разнообразие и межкультурные различия и т.д.).

Навыки интерпретации иноязычных специальных концептов содействуют и развитию системных компетенций (сочетание понимания, отношения и знания, позволяющее воспринимать, каким образом части целого соотносятся друг с другом, и оценивать место каждого из компонентов в системе, способность планировать изменения с целью совершенствования системы и конструировать новые системы).

Навыки интерпретации специальных иноязычных концептов являются и условием специальных (профессиональных) компетенций, которые, в том числе, предполагают умения ясно и логично излагать полученные базовые знания; оценивать новые сведения и интерпретации в контексте этих знаний и т.д. (трактовка компетенций вслед за [6]).

Изложенное выше позволяет говорить об актуальности оперирования понятием «концепт» в лингводидактической практике преподавателя LSP.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Бекшиева Е.В.* Категориальные основы номинации болезней и причин, связанных со здоровьем: Монография. — Самара: Содружество, 2007.
- [2] *Болдырев Н.Н.* Концепт и значение слова // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. — Воронеж, 2001.
- [3] Доклад международной комиссии по образованию, представленный ЮНЕСКО «Образование: сокрытое сокровище». — М.: ЮНЕСКО, 1997.
- [4] *Залевская А.А.* Психолингвистический подход к проблеме концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. — Воронеж, 2001.
- [5] *Карасик В.И., Слышкин Г.Г.* Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. — Воронеж, 2001.
- [6] Компетентностный подход. Реферативный бюллетень. — М.: РГГУ, 2005.
- [7] *Масалова С.И.* Философские концепты как регулятивы гибкой рациональности: трансформация от античности до Нового времени: Монография / Отв. ред. Е.Е. Несмеянов. — Ростов-н/Д: РГПУ, 2006.
- [8] *Палашевская И. В.* Концепт «закон» в английской и русской лингвокультурах: Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. — Волгоград, 2001.
- [9] *Слышкин Г.Г.* От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. — М.: Academia, 2000.
- [10] *Стернин И.А.* Методика исследования структуры концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. — Воронеж, 2001.
- [11] *Щедровицкий Г.П.* Принцип «параллелизма форм и содержания мышления» и его значение для традиционных логических и психологических исследований. Избранные труды. — М.: Школа культурной политики, 1995.
- [12] *Юлтимирова С.А.* Когнитивная организация и языковая репрезентация концепта *BRAVE* в английском языке: Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. — Уфа, 2007.
- [13] *Clark H.H.* *Using Language*. — Cambridge: Cambridge University Press, 1996.

CONCEPT IN LINGUODIDACTIC ACTIVITIES OF LSP TEACHER

A.A. Atabekova, I.A. Sysoeva

Chair of Foreign Languages

Faculty of Law

Peoples' Friendship University of Russia

6, Miklucho-Maklaya Str., Moscow, Russia, 117198

The article focuses on linguocognitive characteristics of the concept that are relevant to teach LSP. Functional repertoires of the concept are evaluated from the Didactics angle. The core of correlation between the concept, notion, and meaning is revealed. The Competence Approach is used to ground an urgent need to develop and train skills of interpreting specialized professional knowledge concepts.

К ВОПРОСУ О РАЗГРАНИЧЕНИИ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СМЫСЛОВЫХ ТИПОВ РЕЧИ

М.А. Булавина

Кафедра русского языка медицинского факультета
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Статья посвящена выявлению некоторых лингводидактических аспектов разграничения функционально-смысловых типов речи. Анализируются различные точки зрения на предмет исследования, выявляются проблемные зоны. Предлагается алгоритм определения функционально-смыслового типа речи текстов, которым может воспользоваться обучающийся в процессе речевой деятельности.

Понятие «функционально-смысловой тип речи» (для обозначения данного понятия в лингвистических трудах используются и другие термины) давно, по существу со времен возникновения классической риторики, введено в научный и учебный оборот, оно не раз становилось предметом специальных исследований. Однако до сих пор, по мнению Н.С. Валгиной, «не найден наиболее надежный критерий выделения и разграничения разных типов» [2. С. 79].

Эта проблема имеет как теоретический, лингвистический, так и практический, дидактический, аспекты.

Проблема теоретического характера заключается в том, что на сегодняшний день в лингвистике не создано единой классификации функционально-смысловых типов речи (ФСТР), не разработаны единые основания для такой классификации. С одной стороны, традиция использования известной еще с античных времен трехчастной системы — описание, повествование, рассуждение — столь сильна, что в большинстве научных, методических и учебных изданий ученые, педагоги ориентируются именно на эту классификацию. С другой стороны, указанная типология ФСТР кажется большинству исследователей слишком обобщенной и условной. Поэтому предлагается либо дифференцировать разновидности каждого типа, например, в рамках рассуждения выделить такие подтипы, как доказательство, определение, выводное сообщение, и выделить дополнительные, самостоятельные, типы речи, например, объяснение [8], инструктирование [2], либо создать иную классификацию на функционально-семантическом основании, например, выделить изобразительный и информативный регистры речи, внутри которых представить их разновидности [3].

Следует отметить, что этап создания классификаций ФСТР на основании какой-то одного параметра текста (смыслового, логического, грамматического) уже пройден. В последние годы в трудах лингвистов преобладает комплексный подход, при котором учитываются коммуникативные, смысловые и структурные характеристики текстов. Так, О.А. Крылова полагает, что коммуникативно-смысловые типы речи отличаются друг от друга коммуникативной целью автора, особенностями композиции и организации языковых средств [7. С. 241].

Н.С. Валгина считает, что функционально-смысловые типы речи — это модель коммуникации, поэтому основанием для их разграничения должны служить логико-смысловые и функционально-синтаксические характеристики текста.

С последней точкой зрения трудно не согласиться. Автор, опираясь на позиции Э. Верлиха (соотнесение мыслительной формы, а также позиции говорящего с типом текстовой формы), В.В. Одинцова (интеграция содержательно-логических и формально-грамматических элементов), Г.А. Золотовой (анализ формы и функции рематических компонентов текста), полно, всесторонне характеризует выделенные ФСТР [2. С. 77—95]. Однако приводимые примеры, на наш взгляд, не всегда могут быть оценены однозначно и демонстрируют, что проблема разграничения ФСТР в практическом плане до конца еще не решена. Так, фрагмент текста М.И. Пыляева «Старая Москва» [2. С. 86] квалифицируется как повествование:

*В его (графа Шереметьева) домах, петербургском, московском и кусковском, до конца его жизни ежедневно накрывались столы для бедных дворян, часто до ста приборов, из десятка и более блюд — сам же Шереметев **никогда не ел более трех блюд.** <...>*

Между тем, на наш взгляд, выделенные исследователем глаголы позволяют с высокой степенью точности отнести этот фрагмент к типу «описание». Именно глагол как важнейшее средство выражения предикации в русском языке является главным «аргументом» в споре между текстом-описанием и текстом-повествованием. Глагол совершенного вида, обозначающий, что действие было активным и в настоящее время уже завершено, актуализирует в тексте временные отношения, что позволяет отнести такой текст к типу «повествование». Глагол несовершенного вида обозначает действие или состояние незавершенное, продолжающееся (в момент речи или до момента речи — не важно) и предполагает некоего зрителя, наблюдающего / наблюдавшего это действие со стороны, из «наблюдательного пункта», по образному выражению Г.А. Золотовой, то есть воспринимающего его в пространстве.

Что касается рассуждения как функционально-смыслового типа речи, то его можно отнести к текстам аргументирующего типа. В них информация передается в виде определения понятия, объяснения, доказательства и т.д. Рассуждение представлено в работах лингвистов наибольшим количеством подтипов и видов: доказательство, обобщение-формулировка, определение, сообщение-вывод, констатация и т.д. Наличие разнообразных классификаций связывается с соотнесением типа речи со стилем, подстилем, тематикой текста, его функциональной направленностью. Однако все многообразие разновидностей восходит к типу «рассуждение» на основании композиционно-структурной характеристики текста, выбор которой обусловлен информативно-аргументирующим типом изложения. Рассуждение, к какому бы подтипу оно ни относилось, как аргументирующий тип речи всегда будет построено по законам трехчастной композиции: тезис — аргументы — вывод. Первая или третья части такого текста могут быть факультативны, центральная — аргументы — обязательна. Например, в текстах-объяснениях в качестве тезиса будет выступать

определение понятия, в качестве аргументов — пояснение сущности каждого указанного признака. В собственно рассуждении (или доказательстве) тезис может быть представлен в форме вопросов или гипотез, а аргументы — в форме ответов, включающих анализ примеров, ссылки на авторитетное мнение специалистов и т.д.

Таким образом, текст типа рассуждения отличается от текстов-описаний и повествований прежде всего композиционно-содержательными, а не собственно языковыми (хотя и ими, без сомнения, тоже) характеристиками.

Кроме указанных типов речи в исследованиях последних лет предлагается выделять инструкцию [2. С. 7]. В своей работе будем придерживаться данной точки зрения.

Проблема разграничения функционально-смысловых типов речи имеет и лингводидактический аспект.

Одной из актуальнейших методологических идей в современной системе образования на разных ступенях обучения (от начального общего до высшего профессионального) является текстоцентричность в изучении русского языка и культуры речи. Комплексный анализ текста, принципы и методика проведения которого сформулированы в работах Т.М. Пахновой, стал одним из важнейших интегративных видов деятельности обучающихся на занятиях по русскому языку.

В государственных образовательных стандартах общего среднего и высшего профессионального образования текст обозначен в качестве важнейшей дидактической единицы. В содержании стандартов, в требованиях к уровню подготовки обучающихся указывается на необходимость умения анализировать текст с точки зрения его темы, основной мысли, принадлежности к функционально-смысловому типу.

Стандарт профильного уровня средней школы обязывает обучающихся совершенствовать навыки и умения «создания текстов разных функционально-смысловых типов, стилей и жанров; создавать устные и письменные монологические и диалогические высказывания различных типов и жанров в социально-культурной, учебно-научной (на материале изучаемых учебных дисциплин), деловой сферах общения; редактировать собственный текст» [9].

Текстоцентрический подход закрепился и в методике преподавания русского языка и культуры речи в неспециальных вузах и на филологических факультетах. Он позволяет развивать и совершенствовать различные виды компетенций студентов — коммуникативную, языковую, лингвистическую и культуроведческую.

Таким образом, обучающиеся на разных ступенях образования должны овладеть умением анализировать тексты с точки зрения их принадлежности к функционально-смысловому типу речи и создавать первичные и вторичные тексты с опорой на их функциональную характеристику, т.е. использовать знания о тексте во всех видах речевой деятельности. Однако практика показывает, что существует противоречие между потребностью общества в высококвалифицированных, социально и профессионально мобильных, способных обучаться в течение всей жизни, то есть коммуникативно развитых специалистах, и не-

коммуникативным, формально-правописным подходом к изучению русского языка в средней школе.

Теоретически сформулированная и нормативно-документально зафиксированная идея развития коммуникативной компетентности учащихся средней школы реализуется в настоящее время не вполне последовательно. Международные исследования PISA в области грамотности чтения фиксируют низкий уровень владения русским языком как первоэлементом общеучебных умений и навыков российскими учащимися [5]. Анализ результатов ЕГЭ подтверждает существование у школьников (а значит, и у студентов-первокурсников) проблем в области работы с текстом: обучающиеся не способны понимать содержание прочитанного текста (тему, основную мысль, существенные детали), а также воспринимать элементы оформления текста — стиль, функционально-смысловые типы речи, жанр, языковые средства и т.д.

Думается, что изучение текста по принципу механического суммирования его отдельных признаков, отсутствие четких инструкций — рекомендаций типа «Что нужно знать о тексте, чтобы определить его функционально-смысловой тип?» затрудняет действия говорящего / слушающего в условиях конкретной речевой ситуации. Обучающиеся нередко не понимают, что стилистический анализ текста «должен направляться не только и даже не столько на языковые факты, сколько на способы их организации, их связи и соотношенности, он не может ограничиваться поиском, описанием отдельных (пусть очень многих и очень явных, характерных) языковых черт» [6. С. 135]. Так, на вопрос «Почему этот текст можно отнести к описанию?» старшеклассники и студенты-первокурсники в большинстве своем отвечают: «Потому что в нем много прилагательных». При ответах на подобный вопрос в текстах-повествованиях идет поиск глаголов, в текстах-рассуждениях — особых лексических и синтаксических средств. Парадокс заключается в том, что правильная по существу характеристика наиболее частотного языкового средства — в тексте-описании действительно частотны будут прилагательные, в текстах-повествованиях ключевой частью речи является глагол, в текстах-рассуждениях нередко могут встретиться вводные, модальные слова, сложноподчиненные предложения со значением уступки, причины или следствия — не позволяет **однозначно** и **быстро** определить тип речи. В частности, при таком подходе весьма проблематично разграничить динамическое описание и повествование.

Указание на скорость выполнения данной процедуры считаем принципиально важным. Как известно, осуществление перцептивных видов речевой деятельности (чтения, аудирования) предполагает несколько этапов, первым из которых следует считать восприятие информации в целях ее полного и глубокого понимания. Установлено, что устно звучащий или записанный текст человек воспринимает не отдельными словами или даже предложениями, а целостными функционально-смысловыми блоками [4. С. 47]. Следует учесть также, что в процессе чтения или слушания активизируется антиципация, т.е. прогнозирование дальнейшего развертывания информации в тексте. Таким образом, чем быстрее коммуникант определит тему и форму высказывания, в том числе ведущий функционально-смысловой тип речи, тем эффективнее будет осуществляться процесс

восприятия информации, ее запоминание и в случае необходимости дальнейшее воспроизведение и использование. Следовательно, в процессе обучения необходимо предложить студенту быстрый и достаточно легкий способ разграничения функционально-смысловых типов речи, выработать алгоритм деятельности. Однако обучающийся должен понимать, что полный, глубокий анализ текста с точки зрения его функционально-смыслового типа может быть осуществлен в два этапа: первый этап — предположение о ФСТР, гипотеза, основанная на принципиально важных характеристиках текста; второй этап — доказательство истинности сделанного предположения, т.е. приведение всех или максимально большого количества аргументов экстра- и интралингвистического характера, установление функциональной разновидности текста в рамках функционально-смыслового типа речи. Заметим, что для студента-медика в его практической учебно-профессиональной сфере (в слушании звучащей лекции, в чтении учебников и научных трудов, в подготовке ответов на практических занятиях, в беседах с будущими коллегами и пациентами на практике и т.д.) особенно важна работа с текстом на первом этапе. Полный анализ текста (второй этап работы) будет факультативен.

На занятиях по дисциплине «Русский язык и культура речи» предлагаем использовать алгоритмы разграничения типов речи. Для этого необходимо сформулировать вопросы, ответы на которые позволят однозначно и быстро определить тип речи текста. На первом этапе работы с текстом принципиально важно, на наш взгляд, ответить на три вопроса: Какова коммуникативная целеустановка автора? Есть ли в тексте действие и какое оно?

Алгоритм действий пошагово можно представить в следующей вопросно-ответной форме.

1. Какова коммуникативная целеустановка автора?

Возможные ответы:

А. Предъявить информацию (высказать гипотезу, точку зрения, дать определение и т.д.) и *аргументировать* ее (привести дополнительные свидетельства, сослаться на авторитеты и т.д.). Реализуется в трехчастной модели: тезис — аргументы — вывод. **Это рассуждение.**

Б. Рассказать о событиях, охарактеризовать явление, *констатировать* факт. Это повествование или описание.

При получении ответа Б необходимо задать следующий вопрос.

2. Имеется ли в тексте действие?

Возможные ответы:

А. Нет и не предполагается или предполагается, но оно не названо. Текст (фрагмент текста) состоит из безглагольных предложений. **Это описание.**

Б. Имеется. Выражено глаголами.

При получении ответа Б необходимо задать следующий вопрос.

3. Какое это действие?

Возможные ответы:

А. Активное, завершённое. В тексте ключевые слова — глаголы сов. в. Автор, герой (субъект действия) и читатель являются как бы соучастниками действия. **Это повествование.**

Б. Пассивное, наблюдаемое со стороны. Герой действует, а автор и читатель находятся «в наблюдательном пункте». В тексте ключевые слова глаголы несов. в. и прилаг. **Это описание.**

В. Побуждение к действию. Используются побудительные формы предикатов или лексемы со значением долженствования, желательности, рекомендации. **Это инструкция.**

Обратимся к мини-анализу текста «*Инструкция по медицинскому применению препарата АНТИГРИППИН-АНВИ*». Медицинские инструкции, несмотря на прямое указание типа речи в названии, содержат, как правило, описание и собственно инструкцию. Работа с текстами такого типа облегчается тем, что они хорошо структурированы и заголовки рубрик соотносятся с типами речи (*Описание. Фармакологические свойства. Противопоказания. Способ применения и дозы* и др.). Однако даже в рамках одной рубрики, например, *Фармакологические свойства*, могут сочетаться разные типы речи. Приведем пример.

Инструкция
по медицинскому применению препарата
АНТИГРИППИН-АНВИ (фрагмент)

Комбинированный препарат. Ацетилсалициловая кислота **обладает** обезболивающим, жаропонижающим и противовоспалительным действием, **тормозит** агрегацию тромбоцитов.

Аскорбиновая кислота **играет важную роль** в регуляции окислительно-восстановительных процессов, углеводного обмена, свертываемости крови, регенерации тканей, **способствует** повышению сопротивляемости организма.

Для лечения аллергических заболеваний или осложнений **рекомендуется** его совместное применение с антигистаминными препаратами. <...>.

Первые два абзаца фрагмента инструкции можно отнести к описанию, т.к. ключевыми словами являются глаголы не совершенного вида. Они обозначают свойства, присущие входящим в лекарство веществам, форма настоящего времени указывает на вневременное значение. В последнем абзаце предикат выражен пассивным глаголом со значением желательности, рекомендации. Лексико-семантические и грамматические особенности выражения предиката переводят текст из описательного в инструктивный регистр.

Очевидно, что предложенный алгоритм определения типа речи имеет ряд существенных ограничений в использовании. Как и всякий алгоритм, данная инструкция работает только в идеальных условиях одно-однозначных отношений между означаемым и означающим, в текстах так называемого жесткого типа, т.е. прежде всего в текстах официально-делового и научного стилей (собственно научного и научно-учебного подстилей). Однако в публицистике, научно-популярном подстиле научного стиля и особенно в художественных текстах, направленных на выполнение призывной или выразительной функций, предложенный алгоритм должен быть применен более тонко, ибо ключевые языковые средства будут использоваться здесь преимущественно не в своих прямых значениях. Переносное употребление глагольных форм, видовых пар должно быть

оценено в таком случае не прямолинейно, а с позиции интенции автора, выражаемого им смысла, в том числе с учетом вида информации, подтекстовой прежде всего, и выполняемой функции.

Кроме того, алгоритм может иметь и иную форму, ибо зависит от типа мышления его автора. Таким образом, использование алгоритмов в учебной деятельности позволяет преподавателю не только автоматизировать действия студентов в той или иной учебно-коммуникативной ситуации, но и, напротив, направлять их творческую активность на осознание и выработку собственной последовательности действий, выполнение которых необходимо для достижения конкретной цели.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Белевская В.И., Крашенкина Н.А.* Читаем тексты по медицине. Изд. 2-е, исправ. и доп. — М., 1989.
- [2] *Валгина Н.С.* Теория текста: Учебное пособие. — М., 2003.
- [3] *Золотова Г.А.* Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. — М., 1982.
- [4] *Казарцева О.М.* Культура речевого общения: теория и практика обучения: Учебное пособие. — М., 1998.
- [5] *Ковалева Г.В.* PISA-2003: результаты международного исследования // Школьные технологии. — 2005. — № 1—3.
- [6] *Кожин А.Н., Крылова О.А., Одинцов В.В.* Функциональные типы русской речи: Учеб. пособие. — М., 1982.
- [7] *Крылова О.А.* Лингвистическая стилистика. В 2 кн. Кн. 1. Теория: Учебное пособие. — М., 2006.
- [8] *Одинцов В.В.* Стилистика текста. — М., 1980.
- [9] Федеральный компонент государственного стандарта общего образования. Часть I, II / Министерство образования Российской Федерации. — М., 2004.

TO THE QUESTION ON DIFFERENTIATION OF FUNCTIONAL-SEMANTIC TYPES OF SPEECH

M.A. Bulavina

Russian Language Department of Medical Faculty
Peoples' Friendship University of Russia
6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russia, 117198

Article is devoted to revealing some linguistic-didactic aspects of differentiation of functional-semantic types of speech. The various points of view for research were analyzed, problem zones came to light. The algorithm of definition of functional-semantic type of speech for texts is offered. The trainee can take in advantage during his speech activity in academy sphere.

ДИФФЕРЕНЦИРОВАННЫЙ ПОДХОД К ОБУЧЕНИЮ РУССКОМУ ЯЗЫКУ

Ю.Н. Гостева

Лаборатория обучения русскому (родному) языку
Центр филологического образования ИСМО РАО
Ул. Погодинская, 8, Москва, Россия

В статье подчеркивается актуальность дифференцированного подхода к обучению. Идея дифференцированного обучения отражает необходимость повышения эффективности учебного процесса, качества образования вследствие использования в процессе обучения современных методов и форм обучения, учитывающих особенности развития личности.

Современная гуманистическая парадигма образования определяет приоритет задачи становления личности, удовлетворения образовательных потребностей. Одним из эффективных дидактических средств ориентации обучения на удовлетворение образовательных потребностей учащихся является дифференциация.

Проблема дифференцированного подхода к обучению исследуется давно, в психологии, педагогике и методике ей всегда уделялось значительное внимание. Однако выдвижение и развитие за последние годы новых концептуальных идей, в частности идеи планирования обязательных результатов обучения русскому языку, приводит к постепенной перестройке всей методической системы, в том числе позволяет по-новому взглянуть на проблему дифференцированного обучения русскому языку.

Термин *уровневая дифференциация* вошел в педагогический глоссарий недавно, взамен термина *внутренняя дифференциация*, что обусловлено некоторыми особенностями нового подхода. Традиционно дифференцированный подход основывался на психолого-педагогических различиях обучаемых, при этом конечные цели обучения остаются едиными для всех обучаемых, а для многих — заведомо непосильными. Сущность дифференциации состояла в поиске способов и приемов обучения, которые индивидуальными путями вели бы всех обучаемых к одинаковому овладению программой. Необходимо отметить отсутствие адекватных механизмов дифференцированного подхода в традиционном его понимании, которые позволяли бы объективно формировать группы обучаемых в зависимости от особенностей их развития и психики. Поэтому оценка индивидуальных возможностей учащихся во многом зависит от субъективного мнения преподавателя, что часто ведет к методическим ошибкам и снижает эффективность дифференцированной работы. Поскольку уровневая дифференциация — это технология обучения в одном классе людей с разными способностями, исследователи подчеркивают мысль о необходимости изучения особенностей мысли-

тельной деятельности разных групп учащихся, разработки инструментария оценки уровня их развития. В исследованиях ученых-психологов и методистов описаны, например, основные когнитивные типы учащихся, их проявление в процессе обучения, методы обучения, соответствующие этим когнитивным типам [2; 4; 5; 3. С. 11—14].

Принципиальное отличие нового подхода состоит в том, что уровневая дифференциация основывается на планировании результатов обучения: явном выделении уровня обязательной подготовки и формировании на этой основе повышенных уровней овладения материалом. Сообразуясь с ними и учитывая свои способности, интересы, потребности, учащийся получает возможность выбирать объем и глубину усвоения учебного материала, варьировать свою нагрузку при обучении.

При таком подходе достижение обязательных результатов обучения становится тем объективным критерием, на основе которого может видоизменяться ближайшая цель в обучении каждого учащегося, что связано с изменением содержания его работы: или его усилия направляются на овладение материалом на более высоких уровнях, или продолжается работа по формированию важнейших базовых знаний, навыков и умений. Этот подход приводит к тому, что дифференцированная работа приобретает реальный, осязаемый и для преподавателя, и для учащегося смысл. Резко увеличиваются возможности работы с хорошо подготовленными, одаренными учащимися, отпадает необходимость снижать общий уровень требований, оглядываясь на менее подготовленных.

Выявлен ряд *важных условий*, выполнение которых необходимо для успешного и эффективного осуществления уровневой дифференциации.

Первое условие состоит в том, что выделенные уровни усвоения материала и — в первую очередь — обязательные результаты обучения должны быть открытыми для учащихся. Знание конкретных целей при условии их посильности, возможность выполнять требования преподавателя активизируют познавательные способности. Открытость уровневой подготовки является механизмом формирования положительных мотивов учения, сознательного отношения учащихся к учебной деятельности.

Второе условие осуществления уровневой дифференциации заключается в том, что, предлагая учащимся одинаковый объем материала, мы устанавливаем различные уровни требований к его усвоению.

Третье условие, дополняющее предыдущее, состоит в том, что в обучении должна быть обеспечена последовательность в продвижении учащихся по уровням. Необходимо, чтобы трудности в учебной работе были посильными, соответствующими индивидуальному темпу овладения материалом на каждом этапе обучения. В то же время, если для одних необходимо продлить этап отработки основных, опорных знаний и умений, то других не следует необоснованно задерживать на этом этапе.

И, наконец, *четвертое условие*, реализация которого существенно усиливает эффективность дифференцированного обучения, — это добровольность

в выборе уровня усвоения и отчетности. В соответствии с ним каждый имеет право добровольно и сознательно решать для себя, на каком уровне ему усваивать материал. Именно такой подход позволяет формировать у учащихся познавательную потребность, навыки самооценки, планирования и регулирования своей деятельности.

При предъявлении предметного содержания выделяется определенная иерархия: а) ядро, основные опорные сведения этот уровень формирует у учащихся целостное представление о данной теме; б) дополнительные сведения, расширяющие материал первого уровня; развивающие сведения, которые существенно углубляют материал, позволяют ученику проявить себя в дополнительной и самостоятельной работе.

Такое предъявление предметного содержания существенно дифференцирует необходимые для выполнения заданий умения: выполнение задания по образцу, выполнение задания с применением ряда опор, выполнение заданий самостоятельно, выполнение творческого задания. Итоговый контроль должен предусматривать проверку достижения всеми учащимися обязательных результатов обучения.

Уровневую дифференциацию можно организовать в разнообразных формах [1], которые существенно зависят от индивидуальных способов и приемов работы преподавателя, от возраста учащихся и т.д. В качестве основного пути осуществления дифференциации обучения предлагается формирование мобильных групп. Деление на уровни (группы) осуществляется, прежде всего, на основе критерия достижения уровня обязательной подготовки. Работа этих групп может проходить в рамках обычных занятий.

Предлагаемый нами дифференцированный подход имеет целый ряд преимуществ перед традиционным методом обучения. Он дает преподавателю четкие ориентиры для отбора содержания дифференцированной работы и позволяет сделать ее целенаправленной.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Материалы Московского Центра Интернет-образования — <http://ito.edu.ru>
- [2] *Виноградова Л.В.* Развитие мышления учащихся при обучении математике. — Петрозаводск: Карелия, 1989.
- [3] *Капинос А.Н.* Уровневая дифференциация при обучении математике в 5—9 классах // Математика в школе. — 1990. — № 5.
- [4] *Орлова Т.В.* Технология развития школы: теория и практика: Учеб. пособие. В 3 кн. Кн. 2. Основы технологии реализации модели целостного и поуровневого развития школы (для системы доп. проф. пед. образования) / Т.В. Орлова. Мин. образования РФ. — М.: Прометей, 2005.
- [5] *Половникова Н.А.* О теоретических основах воспитания познавательной самостоятельности в обучении. — Казань, 1986.

DIFFERENTIAL APPROACH TO TEACHING RUSSIAN LANGUAGE

J.N. Gosteva

Teaching Russian Language Laboratory
Philological Education Center CMTI RAE
8, Pogodinskaya str., Moscow, Russia

In the article a new interpretation of differential approach to teaching Russian language is suggested. The idea of this approach reflects the necessity of optimization of educational process, improvement of quality of teaching and learning due to involvement into the educational process modern methods and forms of teaching, attention to peculiarities of the development of personality.

ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ-НЕФИЛОЛОГОВ ТЕЗИРОВАНИЮ

В.Б. Куриленко, Т.А. Смолдырева

Кафедра русского языка медицинского факультета
Российский университет дружбы народов
Ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В статье обосновывается роль обучения тезированию в системе формирования профессионально-коммуникативной компетенции иностранных студентов-нефилологов, анализируются основные стратегии составления тезисов в зависимости от классов микротекстов, рассматриваются типы трансформаций языковых единиц.

Обучение составлению тезисов — **тезированию** — важная составляющая процесса формирования профессионально-коммуникативной компетенции иностранных студентов-нефилологов. Под **тезисами** в современной науке понимается «вид письменного сообщения, кратко сформулированные основные положения доклада, лекции, сообщения и т.п.» [1. С. 351—352]. По справедливому замечанию Э.Г. Азимова и А.Н. Щукина, «как учебная письменная работа тезисы способствуют формированию у учащихся краткой лаконичной речи, умения схватывать и формулировать главное» [Там же].

Умение выразить информацию в краткой, логически четкой и строгой форме (в форме тезисов) необходимо иностранным студентам-нефилологам во время обучения в российском вузе: при подготовке сообщений на коллоквиумах, семинарах, экзаменах, при написании курсовых, дипломных работ и т.п. Не менее важно умение кратко излагать информацию и в их будущей деятельности: как научной (при написании аннотаций, резюме и т.д.), так и профессиональной. Например, врачам такие умения необходимы при подготовке выступлений на ежедневных врачебных конференциях, при оформлении медицинской документации (краткая формулировка жалоб больного в истории болезни и т.п.); юристам нужно уметь кратко изложить клиенту суть вопроса и пути его решения, сформулировать основные положения законодательных актов и т.д.

Преподавателю русского языка как иностранного (РКИ) работа над составлением тезисов дает возможность совершенствовать умения производить смысловый анализ текстов, навыки и умения суппрессии («устранение малосущественной информации») и компрессии («сокращение текста без потери информации»), формировать и развивать у студентов лексические и грамматические навыки в целом. Обучение тезированию — важный этап в овладении умениями реферативной обработки информации, которые необходимы для продукции более сложных вторичных учебно-научных текстов: аннотации и реферата.

Предлагаемая стратегия обучения тезированию базируется на принципах функционально-коммуникативной лингвистики, согласно которым текст, микротекст и предложение-высказывание анализируются с точки зрения их семан-

тики, функции и формы — наиболее важных категорий коммуникативных единиц. Под **микротекстом** авторы понимают конститутивную единицу текстового произведения, в которой раскрывается одна из его **микротем**.

Для того чтобы выразить информацию текста-источника в форме тезисов, необходимо последовательно проделать ряд достаточно сложных действий и операций. В этой деятельности можно условно выделить **три основных этапа**: анализ макротекста-источника, смысловой анализ микротекстов, формулирование и языковое оформление тезисов.

На **первом этапе** проводится анализ целостного текста-источника, выделяются микротексты, в которых изложена основная информация источника, и исключаются из анализа микротексты, содержащие дополнительную, несущественную информацию (примеры, иллюстрации и т.п.). **Второй этап** — смысловой анализ выделенных микротекстов с целью извлечения основной информации. **Третий этап** — формулирование и оформление тезиса в виде простого или сложного повествовательного предложения, т.е. в том виде, который принят научным сообществом в качестве нормативного. Так как наибольшие трудности вызывают второй и третий этапы этой работы, рассмотрим их более подробно.

Существует ли единая, универсальная стратегия, позволяющая проанализировать абсолютно любой микротекст, который студент встретит в тексте учебника или в научной статье? Для того чтобы ответить на этот вопрос, рассмотрим примеры микротекстов, наиболее частотных для учебно-научного и научного дискурса:

МИКРОТЕКСТ 1

Скелет участвует в обмене веществ. Особенно велика его роль в минеральном обмене: скелет является депо минеральных солей — фосфора, кальция, железа и др. Кроме того, скелет выполняет кроветворную функцию. При этом кость не просто является резервуаром для костного мозга, костный мозг — это ее органическая часть. Поэтому мы можем сделать вывод, что костная система выполняет в организме биологические функции.

МИКРОТЕКСТ 2

Защитные саногенетические механизмы способствуют локализации, разрушению или выведению из организма патогенного агента. Так, например, антитела, которые вырабатываются в результате проникновения в организм микроба, могут его уничтожить или нейтрализовать, воспалительный процесс, создавая вокруг патогенного фактора мощный барьер, препятствует распространению этого агента.

МИКРОТЕКСТ 3

Лоратадин — антигистаминный препарат II поколения. Этот препарат имеет большую продолжительность действия. Благодаря трициклической структуре молекулы он избирательно блокирует периферические H₁-гистаминовые рецепторы. Он не вызывает развития нежелательных реакций. Лоратадин оказывает противоаллергическое, противозудное, антиэкссудативное действие. Он снижает проницаемость ка-

пилляров, предупреждает развитие отека тканей, устраняет спазм гладких мышц. Этот препарат назначают детям начиная с 2 лет.

МИКРОТЕКСТ 4

Механизм действия кортикостероидов довольно сложен. Проникая в ядра эпидермальных клеток, они усиливают синтез липокортинов, что ведет к снижению синтеза медиаторов воспаления из фосфолипидов. Одновременно уменьшается количество антигенпрезентирующих и тучных клеток. Далее снижается активность гиалуронидазы и лизосомальных ферментов, что ведет к уменьшению отека и сосудистой проницаемости. В результате активации гистаминазы снижается уровень гистамина в очаге воспаления.

МИКРОТЕКСТ 5

Под митозом понимается сложное деление ядра клетки, биологическое значение которого заключается в том, что дочерние хромосомы идентично распределяются между ядрами дочерних клеток.

Даже самый поверхностный анализ этих микротекстов показывает, что основная информация распределена в них по-разному. Основная информация микротекста 1 сосредоточена в последнем предложении, 1—4 предложения этого микротекста — аргументы в пользу верности изложенного в нем утверждения, которое в первую очередь и хотел донести до читателя автор. В микротексте 2 основная информация сконцентрирована в первом предложении. Для краткости изложения (важнейшее требование при составлении тезисов) можно пренебречь приведенным далее примером. А в микротексте 3 мы не найдем предложения, в котором сосредоточена основная информация: читателю одинаково важно знать, и каково фармакологическое действие препарата, и кому его можно назначать, и к какой группе препаратов его относят фармацевты. Иными словами, основная информация распределена по всему микротексту 3. В микротексте 4 описывается механизм действия кортикостероидов. В каждом предложении этого микротекста речь идет об одном из этапов процесса, поэтому все предложения одинаково важны, и ни одно из них не может быть исключено из анализа. Из микротекста 5 тоже нельзя изъять ни одну информационную единицу, т.к. он представляет собой определение — совокупность существенных признаков объекта.

Проведенный нами анализ позволяет сделать следующее заключение. Микротексты имеют различную структуру, основная и дополнительная информация представлена в них по-разному: в одних микротекстах она сосредоточена в одном предложении, в других — распределена по всему текстовому фрагменту. Поэтому произвести смысловой анализ всех микротекстов с опорой на какую-то одну универсальную стратегию невозможно. Изучение учебно-научных и научных текстов позволило нам установить основные классы микротекстов и определить стратегии смыслового анализа каждого из них.

В учебно-научных и научных текстах, с которыми работают студенты-нефилологи, наиболее частотны пять классов микротекстов. Каждый из этих классов представляет речемыслительные процедуры, типичные для научного зна-

ния: **доказательство** (микротекст 1), **объяснение** (микротекст 2), **описание** (микротекст 3), **повествование** (микротексты 4), **определение понятия/дефиниция** (микротекст 5).

Определить тип микротекста иностранному студенту намного легче, если он знает типовые схемы логико-смысловой организации, композиционного оформления, а также специфические языковые средства, характерные для каждого из классов. Последние могут служить опорами, вербальными маркерами при идентификации класса микротекста. Например, **доказательства, объяснения, повествования** содержат специфичные средства связи между предложениями. Для **описания** типичны предикаты со значением свойства, качества, а для **повествования** — предикаты со значением действия, процесса. В то же время опора на типы предикатов неэффективна при идентификации и смысловом анализе **доказательства** и **объяснения**, т.к. в этих микротекстах предикаты предложений относятся к различным логико-семантическим классам. **Определения**, как известно, строятся по специфическим содержательным и формальным моделям, которые и помогают находить их в тексте учебника и научной статьи. Приводим вербальные маркеры классов микротекстов в таблице 1.

Таблица 1

Классы микротекстов	Вербальные маркеры
Объяснение	Типовые средства связи между предложениями: Так, ... / (Так), например, ... / К примеру, ... Можно привести следующие примеры... Примером чего? служит что? Поясним что? примерами ...; Это значит (обозначает), что... Другими (иными) словами, ... / Иначе говоря, ...
Доказательство	Типовые средства связи между предложениями: Поэтому / на основании этого можно прийти к выводу / заключению, что... Можно сделать следующее заключение / следующий вывод. Следовательно, ... Это подтверждается (подтверждено) чем? / тем, что.... Это подтверждает что? / то, что.... Аргументами в пользу этого служит что? / то, что...
Повествование	а) предикаты со значением действия, процесса (в приведенном нами примере — уменьшается, снижается и т.п.) б) типовые средства связи между предложениями: затем, потом, далее, после этого и т.п.
Описание	Предикаты со значением качества, свойства, признака.
Дефиниция	Специальные модели предложений: Под чем? понимается / подразумевается что? Что? носит название чего? и т.п.

После того как студенты научились определять класс микротекста, целесообразно ознакомить их с типовыми логико-смысловыми и композиционными схемами микротекстов каждого из этих классов.

Первый класс микротекстов — **доказательство**. Как отмечает Е.И. Мотина, посредством доказательства «подтверждается (или отрицается) истинность знаний человека о мире, носивших характер гипотез, или не проверенных прак-

тикой суждений» [4. С. 44]. Основные типовые компоненты микротекста-доказательства: **тезис** и **аргументы**. Наиболее частотными являются две композиционные разновидности доказательства, назовем их **доказательство 1** и **доказательство 2**.

В **доказательстве 1** автор вначале формулирует утверждение, затем приводит аргументы, подтверждающие правомерность его точки зрения. Для этой композиционной схемы типичны такие средства связи между тезисом и аргументами: *Это подтверждается (подтверждено) чем? / тем, что ... Аргументами в пользу правильности этого утверждения служит что? / то, что ...* и т.п.

Композиционная схема **доказательства 2** такова: вначале приводятся аргументы, затем следует тезис. Аргументы и тезис в **доказательстве 2** могут быть связаны с помощью следующих языковых средств: *(Поэтому / на основании этого) можно прийти к выводу / заключению, что... Можно сделать следующее заключение / следующий вывод. Следовательно, ...* и т.п.

Второй распространенный класс микротекстов — **объяснения**. Функция таких микротекстов — конкретизация, детализация, уточнение информации, представленной в каком-либо утверждении. Типовые смысловые компоненты микротекстов этого класса: **тезис** — утверждение, которое нужно разъяснить, и **поясняющая часть** — собственно пояснение. В научной литературе используются термины, точно отражающие функционально-смысловой статус компонентов объяснения: **эксплананс** и **экспланандум**. Однако в практических целях мы считаем возможным употреблять в данном случае термины **тезис** и **поясняющая часть**. Средства связи, типичные для таких микротекстов: *Это значит (обозначает), что... Другими (иными) словами, ... Иначе говоря, ...*

В микротекстах этого класса фиксируются различные варианты логико-смысловых схем. В текстах учебников и научных статей наибольшее распространение получила такая композиционная схема микротекста-объяснения (**объяснение 1**): вначале приводится утверждение, которое нуждается в детализации или конкретизации (тезис), затем следует поясняющая часть.

Иногда вместо поясняющей части авторы текстов часто приводят примеры, иллюстрации (**объяснение 2**). Типовые средства связи в этом случае: *Так, ... (Так), например, ... К примеру, ... Можно привести следующие примеры... Примером чего? служит что? Поясним что? примерами ...* и т.п.

Научить студентов находить основную информацию в микротекстах-доказательствах и объяснениях достаточно просто. Необходимо объяснить студентам, что главная мысль автора выражена в тезисе. Аргументы в доказательстве, равно как и поясняющая часть, примеры, иллюстрации в объяснении, играют вспомогательную роль. Это можно обосновать тем, что в этих компонентах микротекстов нет новой информации: например, в поясняющей части объяснения информация тезиса дублируется и нередко выражается синонимами. Опора на средства связи, выполняющие функцию вербальных маркеров, позволяет быстро находить в этих микротекстах тезис и исключать из анализа остальные компоненты. Как показывает практика, студенты достаточно легко осваивают эти операции.

Процедуры смыслового анализа **определения, описания и повествования** несколько сложнее. В этих микротекстах основная информация распределена по всему, часто весьма объемному микротексту. Поэтому стратегии смыслового анализа, применимые к доказательству или объяснению, здесь «не работают».

Рассмотрим стратегию анализа микротекста-описания. По определению Е.И. Мотиной, описание — «характеристика предметов, явлений (их частей) в статическом состоянии, осуществляемая путем перечисления их индивидуальных или видовых качеств, количественных признаков, структурных или функциональных особенностей, создающих цельное представление об этих предметах или явлениях» [4. С. 20].

Если мы внимательно проанализируем **микротекст-описание**, то увидим, что все предложения содержательно связаны одним общим компонентом — семантическим субъектом. И.К. Гапочка называет такой общий субъект микротекста «текстовым субъектом». Текстовый субъект вербально обозначен в предложениях микротекста по-разному: именами существительными, местоимениями и др. Но после небольшой тренировки студенты начинают безошибочно его определять, отвечая на вопрос: **О чем (о каком объекте) идет речь в микротексте?** Текстовый субъект в подобных микротекстах является и субъектом тезиса. С целью определения предикатов тезиса необходимо научить студентов находить ответ на вопрос: **Что говорится об этом объекте?** После этого производятся необходимые трансформации, и микротекст приобретает форму простого повествовательного предложения, т.е. форму тезиса.

Повествование представляет собой «краткое или развернутое описание процессов, имеющее своей целью строгую, последовательную регистрацию отдельных стадий (этапов, ступеней) развертывания процесса во временных границах его протекания» [4. С. 28]. Стратегия смыслового анализа **микротекста-повествования** такова. Текстовый субъект такого микротекста — название какого-либо процесса. Субъект будущего тезиса определен. Трансформация предложений об этапах протекания процесса в номинативные словосочетания дает нам предикаты тезиса.

Под **определением** в науке понимается «логическая операция, посредством которой 1) раскрывается содержание некоторого понятия, 2) описывается значение некоторого слова или словосочетания (термина), 3) дается такая характеристика некоего объекта, которая позволяет отличить его от других объектов. Определением называют не только описанный выше прием, но и его результат — текстовую конструкцию (*микротекст — В.К. и Т.С.*), возникшую как следствие данного приема» [5. С. 154—155].

В текстах учебников и научных статей наиболее частотны две разновидности **микротекстов-дефиниций**. Первая разновидность — **неявные контекстуальные определения**:

При повышении физиологической нагрузки наблюдается увеличение органа. Подобное увеличение органа получило название компенсаторной гипертрофии.

Идентифицировать подобный текстовый фрагмент как дефиницию неподготовленному читателю достаточно трудно. В качестве опор в данном случае вы-

ступают типовые модели определения: *Что? носит название чего? Что? называют / называется чем? Что? получило название чего?* и т.п. Из программы 1 курса студентам уже известно, что нормативная модель логико-смысловой организации дефиниции трехкомпонентна: термин — родовой (таксономический) признак — признак видового отличия (дифференциальный).

В нашем случае термин — *компенсаторная гипертрофия*, родовой признак представлен словосочетанием *увеличение органа*, признак видового отличия выражен словосочетанием *наблюдается при повышении физиологической нагрузки*. Произведя необходимые трансформации языковых единиц, мы получаем такой тезис:

Компенсаторная гипертрофия — увеличение органа при повышении физиологической нагрузки.

Вторую разновидность микротекста-дефиниции — **явное определение** — достаточно легко найти в тексте, так как она имеет нормативную, признанную и принятую научным сообществом форму:

Под саногенезом ученые подразумевают комплекс защитно-приспособительных механизмов, развивающийся в результате того, что на организм воздействует патогенный раздражитель.

Как мы отмечали, в определении фиксируются существенные признаки объекта, необходимые для отнесения его к определенному классу объектов (родовой признак) и отграничения от объектов того же класса (видовое отличие). Оба признака несут одинаково важную функциональную нагрузку, поэтому ни одна информационная единица, зафиксированная в дефиниции, из анализа исключена быть не может. Вместе с тем и в подобных микротекстах можно произвести определенные сокращения, выбрав из нескольких синонимичных языковых средств наиболее краткие и емкие, наиболее «экономичные».

(1) Под воспалением в настоящее время подразумевается защитно-приспособительная реакция организма, которая направлена на то, чтобы локализовать, уничтожить или удалить из организма патогенный агент.

(2) Фагоцитоз — процесс захватывания и переваривания инородных частиц клеткой.

Основа третьего этапа работы над составлением тезисов (формулирование и языковое оформление тезиса) — знание синтаксической синонимии, навыки и умения выбора семантически эквивалентных, но формально более простых языковых средств, трансформации языковых единиц «без семантических потерь». Можно выделить следующие основные типы трансформаций языковых единиц, которые производятся на этом этапе.

I. Трансформации словосочетаний со словами реляционной семантики. В известном исследовании М.В. Всеволодовой впервые был подробно описан особый класс слов, «конкретного денотата не имеющих, ... несущих в языке строевую, служебную функцию, называющих отношения, ... устанавливаемые логически, на сигнификативном уровне. Особенность этих слов в том, что они

в высказывании часто факультативны» [2. С. 40—47]. Анализ показывает, что такие слова весьма частотны в текстах учебников и научных статей:

(1) **Формирование** интеллектуальных способностей у детей происходит в несколько стадий. (2) **Процесс обмена веществ** непрерывно происходит во всех органах и тканях. (3) **Свойство раздражимости** присуще большинству живых организмов.

Обобщив собственные наблюдения и опираясь на исследования Ш. Балли, Н.Д. Арутюновой, Т.В. Шмелевой, М.В. Всеволодова выделяет три класса слов реляционной семантики, два из которых наиболее типичны для текстов учебников и научных статей.

1. **Экспликаторы** — глаголы и существительные, называющие отношения между субъектом и его признаком [2. С. 40]. Глагольные экспликаторы входят в состав словосочетаний, в которых являются формальным сказуемым: *проявлять интерес = интересоваться; совершать вращение = вращаться; проводить исследование = исследовать* и т.п. Экспликаторы-существительные образуют сочетания с прилагательными, выступая в роли опорного слова: *красного цвета = красный; квадратной формы = квадратный; большого размера = большой* и т.п.

2. **Классификаторы** — существительные, называющие класс явлений действительности [2. С. 46]. В учебно-научных и научных текстах классификаторы очень частотны: *процесс метаболизма = метаболизм; свойство раздражимости = раздражимость; в состоянии покоя = в покое; месяц март = март* и т.п.

Использование экспликаторов и классификаторов в текстах учебников вполне объяснимо. Главная функция учебно-научного дискурса — обучающая, в нем все подчинено единой цели — разъяснить, растолковать основы научного знания читателю (студенту или школьнику), который только приступил к изучению учебного предмета. Поэтому авторы текстов учебников, стараясь как можно более четко и подробно изложить информацию, указывают принадлежность описываемых ими явлений к определенному классу. Но при написании тезисов такая детальность изложения не нужна, поэтому целесообразно обучить студентов находить словосочетания с семантически избыточными компонентами и исключать классификаторы и экспликаторы.

II. Трансформации сложных предложений. Анализируя одну из коммуникативно-прагматических категорий предложения-высказывания — категорию важности, И.М. Кобозева описывает интересную концепцию Бергельсона-Кибрика: «говорящий, считая тот или иной аспект ситуации более или менее важным, решает, как будет выражен соответствующий пропозитивный компонент семантической структуры. Приоритетность психологически более важных аспектов по сравнению с менее важными отражается в том, что для них избираются более «престижные» средства выражения. При этом иерархия «престижности» средств выражения некоторой смысловой единицы пропозитивного характера может быть представлена следующим образом: независимое предложение → придаточное предложение → оборот → копредикат → определитель → именная группа → служебное слово → грамматическая категория →

часть лексического значения слова → 0 (отсутствие формального выражения)» [З. С. 257].

Эти наблюдения ученых могут иметь такое значение для обучения тезированию: если логико-смысловое отношение, выраженное в тексте-источнике в виде отдельного и самостоятельного предложения, не является главным, центральным, в тезисе оно может быть представлено придаточным предложением, причастным или деепричастным оборотом, предложно-падежной формой. Приведем примеры.

1. Трансформация сложных предложений с отношениями цели. Предложение заменяется предложно-падежной конструкцией:

Для того чтобы жидкость перемещалась, необходимо специальное устройство — насос. — Для перемещения жидкости необходимо специальное устройство — насос.

2. Трансформация сложных предложений с отношениями условия. Условие, выраженное в источнике отдельным предложением, в тезисе может заменяться предложно-падежной конструкцией или деепричастным оборотом. Замена деепричастным оборотом возможна только при наличии единого семантического субъекта:

(В том случае) если ребенок постоянно общается с родителями, (то) он быстрее и успешнее учится говорить. — При постоянном общении с родителями ребенок быстрее и успешнее учится говорить. / Постоянно общаясь с родителями, ребенок быстрее и успешнее учится говорить.

3. Трансформация сложных предложений с причинно-следственными отношениями. Если в предложении единый семантический субъект, то его заменяют деепричастным оборотом (А), если в предложении два семантических субъекта, то его заменяют предложно-падежной конструкцией (Б):

(А) Пастер опроверг идею о самопроизвольном зарождении живого, потому что он выяснил природу брожения. — Пастер опроверг идею о самопроизвольном зарождении живого, выяснив природу брожения.

(Б) Врачи научились лечить это опасное заболевание, благодаря тому что был создан новый лекарственный препарат. — Врачи научились лечить это опасное заболевание благодаря созданию нового лекарственного препарата.

III. Трансформация предложений с вводными конструкциями. Студентов необходимо не только обучить трансформациям языковых средств, но и показать, что некоторые слова и словосочетания могут быть просто изъяты из источника без потери смысла. Это, прежде всего, вводные слова и предложения; компоненты, которые не несут значимой смысловой нагрузки (*современной наукой установлено, в настоящее время считается, в ряде случаев* и т.п.).

Система упражнений по обучению составлению тезисов, разработанная с опорой на предлагаемую стратегию, достаточно органично встраивается в учебники и учебные пособия, цель которых — формирование профессионально-коммуникативной компетенции иностранных студентов-нефилологов. Данная система в течение 5 лет проходила апробацию на кафедре русского языка медицинского факультета РУДН.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Азимов Э.Г., Щукин А.Н.* Словарь методических терминов (теория и практика преподавания языков). — СПб.: Златоуст, 1999.
- [2] *Всеволодова М.В.* Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка: Учебник. — М.: Изд-во МГУ, 2000.
- [3] *Кобозева И.М.* Лингвистическая семантика: Учебное пособие. — М.: Эдиториал УРСС, 2000.
- [4] *Мотина Е.И.* Язык специальность: лингвометодические основы обучения русскому языку студентов-нефилологов. — М.: Русский язык, 1988.
- [5] *Свицков В.И.* Логика. — М., 1987.
- [6] Требования по русскому языку как иностранному. Второй уровень владения русским языком в учебной и социально-профессиональной макросферах. Для учащихся естественнонаучного, медико-биологического и инженерно-технического профилей / Авт. кол.: Гапочка И.К., Куриленко В.Б., Титова Л.А. — М.: Изд-во РУДН, 2005.

TEACHING FOREIGN STUDENTS OF NON-PHILOLOGIC SPECIALITIES THESIS WRITING

V.B. Kurilenko, T.A. Smoldyрева

Russian Language Department of Medical Faculty
Peoples' Friendship University of Russia
6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russia, 117198

In the article the role of theses writing in the process of formation of communicative and professional competence of foreign students is determined, main strategies of theses writing depending upon types of mikrottexts, transformations of language units are also analysed.

НАУЧНЫЙ СТИЛЬ РЕЧИ: КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД К ОБУЧЕНИЮ НА БАЗОВОМ ЭТАПЕ

Т.В. Шустикова

Кафедра русского языка № 2 ФРЯ и ОД
Российский университет дружбы народов
Ул. Миклухо-Макля, 6, Москва, Россия, 117198

В статье рассматриваются следующие вопросы: комплексность и аспектность в преподавании аспекта «научный стиль речи» студентам медико-биологического профиля на довузовском этапе обучения: место функциональной грамматики, текстовый корпус, обучение произношению и использование новых информационных технологий в современном учебном комплексе на этапе вводно-предметного курса.

Целью обучения на довузовском этапе является качественная подготовка иностранных студентов по русскому языку (РКИ) для совершения учебной деятельности в соответствии с их будущей специальностью, вследствие чего проблемы взаимосвязанного формирования видов речевой деятельности (РД) на материале научного стиля речи (НСР) имеют важное значение.

Достижение данной цели требует модернизации существующей практики обучения иностранных студентов.

Происходящие в конце XX и начале XXI вв. существенные изменения характера образования (его направленности, целей, содержания) все более явно, согласно ст. 2 Закона РФ «Об образовании», ориентируют его на «свободное развитие человека», на творческую инициативу, самостоятельность, конкурентоспособность, мобильность будущего специалиста, что подчеркнута в Концепции модернизации российского образования на период до 2010 года. Эти накапливающиеся изменения означают *процесс смены образовательной парадигмы*, что отмечается многими исследователями [1].

При широкой трактовке понятия «парадигма» правомерно говорить не только о парадигме образования как целостного явления, но и парадигмах его составляющих, таких как цели, содержание, результат. Как отмечается в литературе, существующая долгие годы парадигма образования — «З (знания) У (умения) Н (навыки) — парадигма результата» включает теоретическое обоснование, определение номенклатуры, иерархии умений и навыков, методик формирования, контроля и оценки. Эта парадигма и в настоящее время принимается многими теоретиками-методистами и преподавателями-практиками РКИ. Но вследствие происходящих глобальных изменений в мире в последние годы происходит формирование новой парадигмы результата образования, базирующейся на понятиях «компетенция / компетентность», а сам подход определяется как *компетентностный*.

Известно, что в 1996 году на симпозиуме в Берне по программе Совета Европы был поставлен вопрос о том, что для реформ образования существенным

является определение *ключевых компетенций (key competencies)*, которые должны приобрести обучающиеся как для успешной работы, так и для дальнейшего высшего образования. Было отмечено, что само понятие *компетенция*, входя в ряд таких понятий, как умения, компетентность, способность, мастерство, содержательно *до сих пор точно не определено*. Тем не менее, все исследователи соглашались с тем, что понятие «компетенция» ближе к понятийному полю «*знаю, как*», чем к полю «*знаю, что*». Иными словами, подчеркивается, «что употребление есть компетенция в действии».

В настоящее время исследователи, как во всем мире, так и в России, для разного рода деятельности выделяют различные виды компетентности. Например, для языковой компетенции / компетентности Совет Европы выделяет стратегическую, социальную, социолингвистическую, языковую и учебную.

Одним из базовых понятий современной методики обучения иностранным языкам, и РКИ в частности, является коммуникативная (или коммуникативно-речевая) компетенция, которая понимается как способность человека осуществлять речевое общение. Исследователи сходятся во мнении об интегративном характере коммуникативной компетенции, но ее составляющие определяются по-разному. Чаще всего в коммуникативно-речевой компетенции выделяют следующие частные компетенции: лингвистическую (языковую), социолингвистическую, социокультурную, дискурсивную, стратегическую, предметную [6].

На базовом этапе обучения НСР во время вводно-предметного курса закладываются основы указанных компетенций, но на первый план выступает работа по формированию *лингвистической (языковой), коммуникативно-речевой и предметной компетенции и компетентности иностранного учащегося*.

В статье представляется инновационный учебно-методический комплекс (УМК) по научному стилю речи, использующийся в период вводно-предметного курса (пропедевтического курса по научному стилю речи) «Русский язык — будущему специалисту. Для студентов медико-биологического профиля», который создается в рамках Национального инновационного образовательного проекта на кафедре русского языка № 2 факультета русского языка и общепедagogических дисциплин РУДН.

УМК в полной мере соответствует существующим в настоящее время нормативным для преподавания РКИ документам: «Государственным стандартам» и «Образовательной программе по русскому языку как иностранному. Элементарный уровень. Базовый уровень. Первый сертификационный уровень».

Лингвистическая (языковая) компетенция учащихся формируется в процессе грамматически ориентированного преподавания русского языка на основе функционально-семантического принципа, при котором учебный материал по НСР отбирается, организуется и активизируется с учетом актуального для учащихся предметного и тематико-ситуативного содержания и коммуникативных потребностей учащихся на данном этапе обучения.

Так как для современной методики базовым является положение о том, что обучение общему владению русским языком проводится в самой тесной взаи-

мосвязи системных аспектов языка — фонетики, лексики и грамматики, освоение языка будущей специальности требует **взаимосвязанной работы** по указанным аспектам на уроках по НСР, начиная с вводно-предметного курса, т.е. с третьей недели обучения.

Остановимся несколько подробнее на аспекте обучения произношению, так как вопросам формирования слухо-произносительных навыков в последние годы не уделяется необходимого внимания.

Фонетические, акцентно-ритмические и интонационные ошибки в речи иностранца, овладевающего новым языком, слабо развитая способность понимать звучащую речь затрудняют общение, являются препятствием адекватной коммуникации. Без сформированных слухо-произносительных навыков в русском языке нереально формирование коммуникативно-речевой компетентности иностранного учащегося. Вследствие этого систематической и системной работе **по обучению русскому произношению** требуется уделять внимание не только на занятиях по общему владению языком, но и на уроках по языку специальности с первых дней на подготовительном факультете [5].

При постановке русского произношения на материале НСР принципиально важным является положение об уровневой организации фонетической системы русского языка. Учащиеся комплексно осваивают его звуковые, акцентно-ритмические и интонационные особенности.

На звуковом уровне в систему работы по автоматизации слухо-произносительных навыков на материале НСР включаются те же самые темы, что при обучении общему владению языком [7]. Например, в области вокализма: 1) гласные переднего ряда среднего и верхнего подъема ([э—и], *расте́ние — растíтельный*), 2) гласные верхнего подъема переднего, среднего и заднего рядов ([и—ы—у] *атом ли́тия — моле́кула желе́за — атом рту́ти*), 3) гласные заднего ряда верхнего и среднего подъема ([о—у] *йод — ртуть*). В области консонантизма: 1) глухость — звонкость, оглушение — озвончение согласных (*се́ра — азот, входит в состав*); 2) твердость — мягкость согласных и свободный переход от твердых согласных к мягким и наоборот (*тело амёбы, выделительная*); 3) однофокусные — двухфокусные согласные (*сера — шесть, простейшее, желе́зы — жизнь*), 4) щелевые — аффрикаты (*тысяча, сера — цифра, свет — цвет, синий свет, синий цвет*), 5) аффрикаты — смычные (*цитоплазма — тело, свинец — ртуть, процент*), 6) твердый и мягкий шипящий (*шесть — вещество*), 7) мягкий смычный — аффриката (*тело — четыре, тело парамеции*), 8) заднеязычные смычные и щелевые (*кислород — хлор, хлорная кислота*). При этом важное значение имеет свободный переход от одних согласных к другим в пределах указанных оппозиций и их сочетание в пределах одного слова и в потоке речи.

В области акцентно-ритмической организации слов и словосочетаний отрабатываются двусложные, трёхсложные и многосложные модели, имеющие разное место ударения. Приведем ряд примеров:

таТА: *вода́*, ТАта: *се́ра*, ТАта ТАта: *ско́рость те́ла*, ТАта таТА: *а́том свинца́*;

ТАтата: *фíзика*, таТАта: *амёба*, татаТА: *кислорóд*;

ТАта ТАтата: *áтом мáгния*, ТАта таТАта: *áтом желéза*, ТАта татаТА: *мáсса веществá*, таТА ТАтата: *закóн фíзики* и т.д.

Считаем необходимым подчеркнуть, что акцентно-ритмические модели наполняются лексикой, соответствующей предметному содержанию реального урока. Так, если во время вводно-предметного курса изучаются первые уроки по биологии, то будут представлены модели:

таТА: *белóк*, *белкí*, ТАта: *клéтка*, *клéтки*, ТАта ТАта: *фóрма клéтки*;

таТАтата таТАтата: *простéйшее живóтное* и т.д.

В основе понимания звучащей речи лежат навыки восприятия ее интонационного оформления. В данной области должна проводиться большая работа по синтагматическому членению. Формируются как навыки членения письменного текста на синтагмы, слитного произношения синтагм увеличивающейся степени распространенности, так и навыки адекватного восприятия синтагматического членения звучащей речи. Учащиеся постепенно по мере прохождения грамматического материала знакомятся с разными типами синтагм и возможными вариантами их лексико-морфологического строения. Усваиваются следующие типы синтагм: субъекта, предиката, объекта, определения, обстоятельства и различные виды смешанных синтагм. Например, синтагмы субъекта или предиката, состоящие из одного слова: *Амеба / — животное*. Далее дается синтагма из двух слов: *Амеба / — простейшее животное*. После этого вводится синтагма с существительным в Р. п.: *тело амебы, тело эвглены, органелла движения* и т.д., с прилагательным в Р. п.: *тело простейшего животного*. Проводится анализ синтагматического членения фразы и ее интонационного оформления. Особое внимание обращается на взаимодействие синтаксического строения и интонационного оформления фразы: взаимодействие синтаксической и интонационной завершенности / незавершенности синтагм и возникновение в результате этого смысловой (коммуникативной) завершенности / незавершенности [4]. В центре внимания преподавателя находится работа над слитным произношением синтагм разной степени распространенности и различного лексико-грамматического состава при обучении разным видам речевой деятельности — при чтении вслух нового текста (в качестве подготовки к таким жанрам устной речи, как представление сообщения или доклада на семинаре), при записи со слуха фрагментов текста (как подготовка к аудированию лекций и слушанию звучащей речи в диалогической форме, например, на практических занятиях и семинарах).

В основе обучения русскому произношению на материале НСР лежит одно из основных положений современной методики преподавания РКИ — текстоцентризм. В настоящее время в преподавании РКИ единицей обучения в практических целях признается речевое действие, объектом и продуктом которого является текст, а в состав коммуникативно-речевой компетенции включается дискурсивная компетенция, т.е. знание правил построения связного устного или письменного сообщения — дискурса, умение строить такое сообщение из от-

дельных предложений и умение понимать такие сообщения в чужой речи. Так как интонация играет важную роль в построении дискурса (как речевого события), ей должно отводиться соответствующее место в системе тренировочных и коммуникативно-речевых упражнений, имеющих в своей основе целый связный текст.

Таким образом, при работе над материалом НСР слухо-произносительные навыки должны формироваться и затем реализоваться в тексте, который может восприниматься на слух, читаться или произноситься без зрительной опоры, записываться в полной или сокращенной форме и т.д. Вследствие вышеизложенного вопросы об адекватности предлагаемых текстов учебным задачам, их предназначенности для развития навыков в разных видах РД, о системе упражнений для реализации этих задач приобретают неоспоримую значимость. Взаимосвязанное обучение видам РД предполагает их параллельное формирование в определенной временной последовательности на общем языковом материале.

Необходимо подчеркнуть, что методическая модель усвоения русского произношения иностранными студентами — в том числе и на материале НСР — должна обеспечивать непрерывность учебного процесса: от системного развития слухо-произносительных навыков в тренировочных упражнениях до осуществления речевой деятельности на русском языке, т.е. достижения коммуникативно-речевой компетенции учащегося в области учебно-профессиональной деятельности.

При развитии лингвистической компетенции иностранных студентов на материале НСР должна быть установка на *осознанное усвоение* русской грамматики (т.е. лексики, морфологии, синтаксиса, словообразования), которая, *при системном представлении*, служит базой для развития всех видов *речевой деятельности*. Знание основ русской грамматики позволит иностранцу в дальнейшем самостоятельно повышать уровень своей подготовки по языку и, следовательно, облегчит освоение специальных учебных дисциплин. Системное представление грамматического материала соответствует закономерностям осознанного усвоения информации взрослыми учащимися, так как позволяет видеть каждое отдельное грамматическое явление во взаимосвязи с другими, и, вследствие этого, быстрее и надежнее усваивается вся система функциональной грамматики.

Для автоматизации навыков грамматически корректного оформления высказывания требуется большое количество упражнений, причем важно строго соблюдать принцип повторения пройденных лексико-грамматических тем. В упражнениях и заданиях используются приемы моделирования контекстов, требующих употребления изучаемого грамматического материала в новых ситуациях речевого общения в соответствии с реальными коммуникативными потребностями учащихся во всех видах речевой деятельности.

Предметная компетенция учащегося формируется в тесной связи с лексико-грамматической темой, и наоборот: лексико-грамматическая тема усваивается в полном соответствии с учебным планом по общеобразовательным дисциплинам.

линам — математике, химии, физике и биологии. В пропедевтический курс по НСР включаются такие темы, как «Состав вещества», «Строение тела животного», «Функции органов».

В условиях раннего введения общеобразовательных предметов (на пятой неделе обучения РКИ) на занятиях общелитературным языком студенты имеют представление только о формах основных моделей имен существительных и прилагательных ед.ч. в И. п., В. п., Р. п. и П. п. Именно поэтому приходится избегать использования конструкций, характерных для научного стиля речи, но в которых встретятся другие падежи, еще не изучающиеся на занятиях общелитературным языком. Так, например, при определении понятий даются только структуры с И. п.: *что? И. п. — что? И. п.* и *что? И. п. — это что? И. п.* В тех случаях, когда не удастся избежать использования незнакомых грамматических форм из-за некорректно упрощенного представления учебного материала по общеобразовательным предметам, возможно представление новых грамматических форм в таблицах для запоминания.

На базовом этапе, закладывая основы лингвистической компетенции как прочной базы для профессионально-коммуникативной компетенции иностранных учащихся, целесообразно использовать сознательно-практический подход к обучению, что проявляется как в презентации нового учебного материала, так и при его тренировке. Развитию когнитивно-коммуникативных навыков, в частности, развитию навыков языковой догадки, способствует работа по словообразованию, материал для которой представлен в специальном разделе пособия «Словообразование».

Коммуникативно-речевая компетенция на материале НСР формируется в результате взаимосвязанного обучения всем видам речевой деятельности. Постоянное чтение вслух слов, словосочетаний, предложений и текста не только развивает механизмы чтения, технику чтения, необходимые для данного вида речевой деятельности, но и создает прочные звукобуквенные связи, на основе которых развиваются навыки аудирования. В представляемом учебно-методическом комплексе имеются упражнения на обучение краткой записи звучащего текста и восстановление в письменной и устной форме полного текста по краткой записи.

Для развития дискурсивной компетенции как одной из составляющих коммуникативно-речевой компетенции учащимся предлагаются специальные упражнения на восстановление целого текста из разрозненных фраз, на использование необходимых лексических и синтаксических средств, обеспечивающих связность текста. С теми же целями предлагаются задания на восстановление недостающих реплик диалога. Интегрирующий характер, например, носят упражнения с формулировкой задания: «Выскажите свое мнение и аргументируйте его». Студент должен сказать: *«Амеба — простейшее животное. Амеба — простейшее животное, так как ее тело состоит из одной клетки»*. В курс вносятся элементы ролевой игры. Например: «Вы не были на уроке, где студенты изучали новую тему. Расспросите товарища, что студенты делали на уроке» и т.д.

Повышение качества языковой подготовки иностранных студентов на базовом этапе может достигаться с помощью комплексного использования традиционных и инновационных средств обучения — информационно-компьютерных технологий.

Мультимедийный курс как обязательный компонент данного инновационного учебно-методического вводно-предметного комплекса по научному стилю речи способствует индивидуализации обучения. В нем преподавателю предлагается материал для проведения групповых занятий, который обеспечивает аудиторные формы работы с цифровыми образовательными ресурсами.

В мультимедийном компоненте учебного комплекса предлагаются новейшие средства контроля знаний и умений студента при проведении групповых занятий.

Одной из задач мультимедийного компонента является обеспечение рациональной самостоятельной работы со всем объемом учебного материала по пропедевтике НСР и всех основных этапов работы с ним (презентация, закрепление, обобщение, тренировка, контроль).

Сочетание традиционных и современных технологий обучения, начиная с вводно-предметного и пропедевтического курса по НСР, позволит вести обучение языку в русле когнитивно-коммуникативного подхода [2], развивать широкий спектр познавательных и профессионально ориентированных интересов иностранных учащихся, ключевых компетенций, обеспечивающих успешность в будущей профессии.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Зимняя И.А.* Ключевые компетенции — новая парадигма результата образования // Высшее образование сегодня. — 2003. — № 5.
- [2] *Митрофанова О.Д.* Научный поиск — педагогическая реальность — лингводидактические технологии // Мир русского слова и русское слово в мире. XI Конгресс МАПРЯЛ. — Том 6(1) — София: Heron Press. — 2007.
- [3] *Шустикова Т.В., Терехина В.Г., Стрелковская В.П., Полухина В.П., Розанова С.П., Сурканова И.М.* Практическая фонетика русского языка для студентов-африканцев, говорящих по-английски — М.: УДН, 1970.
- [4] *Шустикова Т.В.* Соотношение синтаксической, интонационной и смысловой завершенности/ незавершенности в русском языке (семантико-грамматический анализ) // Синтаксис простого и сложного предложения: Сб. статей. — М.: Изд-во Московского университета, 1973.
- [5] *Шустикова Т.В.* Фонетический аспект в обучении научному стилю речи (довузовский этап) // Мир русского слова и русское слово в мире. XI Конгресс МАПРЯЛ. — Том 6(1). — София: Heron Press, 2007.
- [6] *Юрков Е.Е., Московкин Л.В.* Коммуникативная компетенция: структура, соотношение компонентов, проблемы формирования // Профессионально-педагогические традиции в преподавании русского языка как иностранного. Язык — речь — специальность. Часть 1. Материалы Международной научно-практической конференции «Мотинские чтения». — М.: Изд-во РУДН, 2005.

- [7] Образовательная программа по русскому языку как иностранному. Элементарный уровень. Базовый уровень. Первый сертификационный уровень. — М., 2001.
- [8] Государственный образовательный стандарт по русскому языку как иностранному. Первый сертификационный уровень. Общее владение. — М.-СПб., 1999.

SCIENTIFIC STYLE: COMPETENCE APPROACH TO TEACHING AT BASIC LEVEL

T.V. Shoustikova

Chair of Russian Language for Foreigners
Peoples' Friendship University of Russia
6, Miklucho-Maklaya str., Moscow, Russia, 117198

The article focuses on such topics as combination of aspects in teaching LSP (Language for Special Purposes) at the elementary level for students who further plan to obtain degree in Medicine and Biology. The role of functional grammar, text corpus, training pronunciation skills, using IT technologies in modern didactic complex at the stage of introductory subject-oriented course are discussed.

ОБУЧЕНИЕ КУЛЬТУРЕ РЕЧЕВОГО ОБЩЕНИЯ

СТИЛИСТИКА И РИТОРИКА. ОСНОВЫ СУДЕБНОГО КРАСНОРЕЧИЯ

М.Л. Новикова, Н.В. Балкина

Кафедра русского языка юридического факультета
Российский университет дружбы народов
Ул. Миклухо-Маклая 6, Москва, Россия, 117198

Статья посвящена судебному красноречию — одной из важнейших составляющих профессии юриста, стилистике и риторике и их роли в профессиональном образовании правоведа. Формируя набор определенных знаний, они вырабатывают и своеобразную гуманитарную культуру мышления.

Язык и речь занимают особое место в профессиональной деятельности юриста. Ораторская речь находится на «перекрестке путей культуры и литературы» [1. С. 188]. Степень воздействия ораторской речи во многом обуславливается ее организацией. Оратор достигает убедительности речи в тесном взаимодействии ее рационального и эмоционального аспектов. В рациональной составляющей ораторской речи доминируют логические формы и принципы разработки материала в его композиционном развертывании, в эмоциональном — структурные принципы художественной речи.

Эти аспекты в их взаимосвязи и взаимообусловленности и порождают два основных понимания риторики. Первое связано с риторикой как наукой об убеждении, о формах и методах ее речевого воздействия на аудиторию [5]. Второе понимание опирается на риторику как искусство красноречия: красота выражения становится высшим мериллом, а позднее и самоцелью риторической практики [3]. Различные разделы риторики имеют несомненную связь как с эффективной реализацией общего замысла произведения, так и с проблемой выбора языковых единиц его реализации. *Inventio* — творческий процесс создания, нахождения материала, т.е. риторика содержания; *dispositio* — состав и порядок следования основных композиционных частей, т.е. риторика композиции; *elocutio* — лексическое и синтаксическое выражение материала, проблемы выбора единиц для выражения общего замысла и отдельных положений, риторика выражения.

Традиционно риторика относилась к числу наук философского цикла и была тесно связана с иными науками — логикой, теорией аргументации, искусст-

вом слова. Но с течением времени риторика «переместилась» в цикл наук лингвистических. Такое перемещение, точнее, смещение акцентов, представляется не совсем исторически справедливым. И если риторика перестала носить ярко выраженный философский характер, то справедливее не относить ее полностью к лингвистическим, но, скорее, к наукам культурологическим в широком смысле слова.

С этой точки зрения изучение студентами риторики более чем целесообразно. Формируя набор определенных знаний, риторика формирует и своеобразную гуманитарную культуру мышления. Но одновременно изучение риторики направлено и на формирование набора умений и навыков как устного, так и письменного «озвучивания» интеллектуального процесса.

Особенно это важно для студентов-юристов, профессия которых тесно связана со словом — началом всех начал. Юрист — и прокурор, и адвокат — всегда стоит перед выбором, перед необходимостью найти нужное слово, которое точно передало бы мысль, полно и ярко выразило, заинтересовало, убедило. «Между положением прокурора и защитника — громадная разница, — писал известный адвокат Ф.Н. Плевако. — За прокурором стоит молчаливый, холодный, незыблемый закон, а за спиной защитника — живые люди. Они полагаются на своих защитников, взбираются к ним на плечи, и <...> страшно поскользнуться с такою ношей!» [4].

Юрист должен прекрасно аргументировать свою речь, не теряться в споре с оппонентом. Именно поэтому интерес к проблемам выразительной, действенной речи чрезвычайно высок. В частности, это отражается и в изменении образовательной парадигмы: в самых разных учебных заведениях все большую роль начинают играть коммуникативные дисциплины, такие, как, например, стилистика и риторика. Провозглашенный принцип обучения на коммуникативной основе доказал свою высокую эффективность, а понятие коммуникативной компетенции стало одним из главенствующих в теоретическом осмыслении и практическом их использовании.

Процессуальной роли прокурора и адвоката в судебном процессе должно соответствовать и их речевое поведение. Следует помнить, что оно определяется официальной обстановкой общения в судебных прениях, официальным характером взаимоотношений общающихся. Общество вырабатывает формы речевого поведения и требует от носителей языка соблюдения этих правил, соблюдения *этики речевого поведения*, которая представляет собой собрание *моделей корректного речевого поведения*. Судебный оратор должен производить сложную операцию отбора в речевой акт того, что является наиболее уместным для данной обстановки общения.

Ораторы пользуются всеми возможными средствами из богатого полемического арсенала: *намекы, ирония, сарказм*, многозначительные *умолчания*, *категоричность оценочных суждений, антитеза, сравнения, ремарки, рельефность*, «картинность» речи, пословицы, поговорки и другие классические ораторские приемы и средства, связанные с речевым контрпланом. Убедительность полемического выступления во многом зависит от тех аргументов, с по-

мощью которых обосновывается истинность основной идеи, а также от степени использования в качестве доказательства фактов и положений, не требующих обоснования, сделанных ранее обобщений, точных цитат и высказываний.

Благодаря полемичности усиливается аналитическая сторона речи, ее информативная значимость и проявляется комментаторская позиция оратора. Полемический характер выступления связан с рядом обстоятельств: в аудитории всегда находятся люди, которые имеют противоположную точку зрения или скептически относятся к идеям автора, и этих людей следует убедить; истины, выраженные в такой форме, легче усваиваются аудиторией, активизируют у слушателей мыслительные процессы; такая форма позволяет сопоставить и оценить различные теории и тем самым проверить подлинность суждения.

Ораторская речь по своему составу неоднородна, поскольку в процессе мышления человеку свойственно отражать различные объективно существующие связи между явлениями действительности, между объектами, событиями, отдельными суждениями, что, в свою очередь, находит выражение в *различных функционально-смысловых типах речи: описании, повествовании, рассуждении (размышлении)*. Монологические типы речи строятся на основе отражения мыслительных диахронических, синхронических, причинно-следственных процессов.

Ораторская речь в связи с этим представляет собой *монологическое повествование* — информацию о развивающихся действиях, *монологическое описание* — информацию об одновременных признаках объекта, монологическое рассуждение — о причинно-следственных отношениях. Смысловые типы присутствуют в речи в зависимости от ее вида, цели и от концептуального замысла оратора, чем обусловлено включение или невключение того или иного смыслового типа в общую ткань ораторской речи. Смена этих типов вызвана стремлением оратора полнее выразить свою мысль, отразить свою позицию, помочь слушателям воспринять выступление и наиболее эффективно повлиять на аудиторию, а также придать речи динамический характер. При этом в различных видах ораторской речи будет разное соотношение указанных типов, потому что в реальности все они смешиваются, взаимодействуют, и вычленение их весьма условно.

Известный судебный оратор П. Сергеич (П. Пороховщиков) в книге «Искусство речи на суде» подчеркивал, как важно юристу правильное, единственное в каждом конкретном случае слово, чтобы точно выразить свою мысль. Судебное красноречие — одна из важнейших составляющих профессии будущего юриста. Учебные материалы для студентов ставят своей целью, прежде всего, активное профессиональное развитие, становление и совершенствование речевых навыков будущих специалистов, не умаляя при этом важности задачи их ознакомления с основными особенностями русского языка, его использованием в профессиональной сфере, в будущей профессии.

Обратимся к конкретным примерам, в частности, стилистическим особенностям судебного красноречия Ф.Н. Плевако, в котором сквозь внешнее обличие защитника выступал трибун, который, однако, идеально владел тройким призванием защиты: «убедить, растрогать, умиловить». Он был мастером красивых

образов, каскадов громких фраз, ловких адвокатских трюков, остроумных выходов, неожиданно приходивших ему в голову и нередко спасавших клиентов от грозившей кары» [6]. Насколько выразительно и убедительно было ораторское искусство Плевако, видно из двух его выступлений, о которых в свое время ходили легенды: в защиту священника, отрешенного от сана за воровство, и старушки, укравшей жестяной чайник. Священник сам признался в содеянном, все свидетели выступали против него. Ф.Н. Плевако, заключивший пари с фабрикантом-меценатом С.Т. Морозовым (при свидетеле В.И. Немировичем-Данченко) о том, что он закончит свою защитительную речь в одну минуту и священника оправдают, промолчал все судебное следствие, не задал никому из свидетелей ни одного вопроса. Когда же наступила его минута, он только и сказал, обратясь к присяжным с характерной для него задушевностью: «Господа присяжные заседатели! Более двадцати лет мой подзащитный отпускал вам грехи ваши. Один раз отпустите вы ему, люди русские!». Присяжные оправдали священника.

В деле о старушке, укравшей чайник, прокурор, желая заранее парализовать эффект защитительной речи Ф.Н. Плевако, сам высказал все возможное в пользу обвиняемой (сама она бедная, кража пустяковая, жалко старушку), но подчеркнул, что собственность священна, нельзя посягать на нее, потому что на ней держится все благоустройство страны, «и если позволить людям не считаться с ней, страна погибнет». Плевако сказал следующее: «Много бед, много испытаний пришлось претерпеть России за ее больше чем тысячелетнее существование. Печенеги терзали ее, половцы, татары, поляки. Двенадцать языков обрушились на нее, взяли Москву. Все вытерпела, все преодолела Россия, только крепла и росла от испытаний. Но теперь, теперь... Старушка украла жестяной чайник ценою в 30 копеек. Этого Россия уж, конечно, не выдержит, от этого она погибнет» [3]. Такие особенности речи адвоката, как ирония, сарказм, гротеск удачно использованные в профессиональной речи юриста, привели к оправдательному приговору в этом деле.

Особенности судебного красноречия обуславливаются и тем, что юрист может излагать свою позицию, во-первых, *как участник событий*, во-вторых, *излагать события со слов третьего лица*, в-третьих, *моделировать событийный ряд, не указывая на источник информации*. Он передает события, которые совершаются как бы на глазах слушателей или вводит воспоминания о событиях, развивающихся в прошлом, что находит отражение в специфических стилистических особенностях судебной речи. Повествование (поскольку в нем показаны развивающиеся, динамические события) перемежается элементами описания, потому что даются статические картины, сопровождающие это повествование. Все изложение делится на отдельные четкие кадры разных временных планов, что помогает быстрее воспринять речь.

Повествование включает в себя *динамически отражающиеся ситуации внешнего мира*, и специфика такого типа высказывания определяет его положение в речи. К нему прибегают в том случае, если требуется подтвердить высказанные оратором положения конкретными примерами или при анализе различных ситуаций. Задача оратора — изобразить последовательность событий,

с необходимой точностью передать эту последовательность. Таким образом, передается содержательно-фактуальная информация, причем она облекается в разные формы.

Необходимо отметить, что как прокурорская, так и адвокатская речь носит оценочный характер и отличается *нравственной направленностью*. Она должна быть построена на психологическом анализе человеческих отношений. Успех выступления судебного оратора определяется целенаправленным, настойчивым стремлением совершенствовать себя, учиться искусно владеть словом, так как речевая культура является обязательным элементом культуры судебного процесса.

Коммуникативные качества судебной речи: ясность (доступность, простота), точность, убедительность, логичность, эмоциональность и экспрессивность позволяют судебному оратору сделать речь по-настоящему доказательной. Эти качества судебной речи находятся в тесной взаимосвязи и в диалектическом единстве. Основу целостности судебного выступления составляют предметно-структурное содержание и логическая структура.

Описание — это констатирующая речь, как правило, дающая статическую картину, представление о характере, составе, структуре, свойствах, качествах объекта путем перечисления как существенных, так и несущественных его признаков в данный момент. Описание может быть двух видов: *статическое и динамическое*. Первое дает объект в статике, указанные в речи признаки объекта могут обозначать его временные или постоянные свойства, качества и состояния. Например, описание места действия в судебной речи или описание объекта в политической речи. Реже встречается описание второго вида: например, какой-либо опыт или судебный эксперимент в научной речи обычно предстает в развитии, динамике.

Описания весьма разнообразны и по содержанию, и по форме. Они могут быть, к примеру, *образными*. Оратор, стремясь сообщить слушателям необходимое количество информации, дает не только подробное описание объекта, но и его *характеристику, оценку*, воссоздавая определенную картину, что *сближает речь с описанием в художественной литературе*. Яркие краски, заимствованные из художественной литературы, позволяют оратору создать эмоциональную торжественность, пафос.

Совершенно очевидно, что одной из составляющих этой компетенции языковой личности является умение сделать свою речь выразительной. Между тем, если вопросы правильной речи достаточно подробно освещены в учебной литературе, толковых и иных словарях и справочниках, то этого никак нельзя сказать о проблемах выразительной речи. Сведения о выразительных средствах русского литературного языка представлены явно недостаточно и нуждаются в дальнейшей систематизации и таксономии.

Рассуждение (или размышление) — это тип речи, в котором исследуются предметы или явления, раскрываются их внутренние признаки, доказываются определенные положения. Рассуждение характеризуется особыми *логическими отношениями* между входящими в его состав суждениями, которые образуют

умозаключения или цепь умозаключений на какую-либо тему, изложенных в логически последовательной форме. Этот тип речи имеет специфическую языковую структуру, зависящую от логической основы рассуждения и от смысла высказывания, и характеризуется причинно-следственными отношениями. Он связан с передачей *содержательно-концептуальной информации*. Примером может служить фрагмент из речи о морской обороне, произнесенной П.А. Столыпиным в Государственной думе: «Господа! Область правительственной власти есть область действий. Когда полководец на поле сражения видит, что бой проигран, он должен сосредоточиться на том, чтобы собрать свои расстроенные силы, объединить их в одно целое. Точно так же и правительство после катастрофы находится несколько в ином положении, чем общество и общественное представительство... Оно должно объединить свои силы и стараться восстановить разрушение. Для этого, конечно, нужен план, нужна объединенная деятельность всех государственных органов. На этот путь и встало настоящее правительство с первых дней, когда была вручена ему власть» [6].

Точно обозначенные понятия, ясно выраженные мысли должны быть поданы логично, то есть отражать систему отношений и зависимостей между явлениями. Логичность в лингвистике определяется как выражение в смысловых связях компонентов речи связей и отношений между частями и компонентами мысли. Различается логичность предметная и понятийная. Предметная логичность состоит в соответствии смысловых связей и отношений языковых единиц связям и отношениям предметов и явлений в реальной действительности. Логичность понятийная отражает движение мысли в смысловых связях элементов языка.

Мыслить и рассуждать логично — значит мыслить точно и последовательно, доказательно и убедительно, не допускать противоречий в рассуждении. Это необходимо помнить судебным ораторам, так как их речи требуют обоснованности выводов. Логичность на уровне целого текста создается *композицией речи и рядом логических приемов*, основные из которых — *определение понятия, объяснение, описание, сравнение, анализ, синтез, абстрагирование*. Логичность на уровне отдельных частей судебной речи зависит от того, насколько ясно и правильно выражена связь отдельных высказываний и композиционных частей.

Стремление убедить судей и максимально воздействовать на интеллект и эмоции присутствующих в зале судебного заседания людей требует понимания содержания и функции языковых средств, которые способствовали бы четкой смысловой связности речи и выражали бы логику изложения. Важным средством выражения логических связей между композиционными частями и отдельными высказываниями являются специальные средства связи, указывающие на последовательность развития мысли (*вначале, прежде всего, затем, значит, повторяю, следовательно, итак* и др.), противоречивые отношения (*как уже было сказано, как было отмечено, поэтому, благодаря этому, наоборот, следовательно* и др.), итог, вывод (*итак, таким образом, значит, в заключение скажем, все сказанное позволяет сделать вывод, подводя итог, сле-*

дует сказать и др.). В качестве средств связи могут использоваться местоимения, прилагательные и причастия (*данные, этот, такой, названные, указанные* и др.).

Возможность реализации коммуникативного, общеобразовательного и воспитательного потенциала использования различных стилистических приемов в судебном красноречии велика. В частности, это помогает активизировать и понимание, и эмоциональное восприятие судебной речи как явления духовной истории и культуры народа и представляет языковую картину мира и исследование способов ее отражения средствами разных уровней русского языка. Существенно, что это обусловлено взаимодействием картины мира и духовной культуры русского народа, представляющих языковую картину в зеркале образительных средств русского языка.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Виноградов В.В.* О художественной прозе. — М.—Л.: Наука, 1930.
- [2] *Вересаев В.В.* Невыдуманные рассказы. — М.: Искусство, 1968.
- [3] *Дюбуа Ж.* и др. Общая риторика. — Благовещенск: Благовещенский гуманитарный колледж, 1998.
- [4] *Плевако Ф.Н.* Избранные речи / Сост. Р.А. Маркович. Отв. ред. и автор предисловия Г.М. Резник. — М.: Юридическая литература, 1993.
- [5] *Цицерон М.Т.* Три трактата об ораторском искусстве. — М.: Наука, 1972.
- [6] *Утевский Б.С.* Воспоминания юриста. — М.: Юридическая литература, 1989.

STYLISTICS AND RHETORIC. THE BASICS OF JUDICIAL ORATORY

M.L. Novikova, N.V. Balkina

Russian Language Department of Faculty of Law
Peoples' Friendship University of Russia
6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russia, 117198

The article is dedicated to the judicial oratory — one of the most important parts of the jurist's profession, to the stylistics and rhetoric and to their role in professional education. While forming a set of knowledge, a humanitarian way of thinking is elaborated.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ И ОБУЧЕНИЯ

О ФОРМИРОВАНИИ ОНОМАСТИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ЧИТАТЕЛЯ (на материале романа А.И. Солженицына «В круге первом»)

И.Б. Маслова

Кафедра русского языка медицинского факультета
Российский университет дружбы народов
Ул. Миклухо-Макля, 6, Москва, Россия, 117198

В статье анализируются функциональные возможности и прагмастилистический потенциал литературных имен собственных, определяется их роль в процессе интерпретации содержательно-смыслового пространства художественного текста, выделяются 3 уровня восприятия ономапоэтических единиц, связанные с понятием ономастической компетенции читателя, анализируется специфика функционирования литературных имен собственных в произведении А.И. Солженицына.

Ономастическая единица в художественном тексте (ХТ) — это всегда знак-символ, ключ к пониманию текста. Поэтому декодирование читателем, в том числе — не являющимся носителем русского языка, экстралингвистической информации, заложенной в то или иное имя собственное (ИС) создателем текста, часто способствует адекватному пониманию ХТ в целом.

Диалог читателя с автором начинается на этапе чтения текста. Чтение на иностранном языке требует от читателя творческой активности как на уровне подсознания (восприятия языковых знаков), так и на уровне актуального осознания (переработки информации) [4. С. 194]. Это особенно важно, когда речь идет о таких сложных языковых знаках, каковыми (в силу широты охвата языкового материала) являются ИС. Являясь концентрированным выражением культурологических реалий, литературные имена собственные участвуют в диалоге автора с читателем, а также со всей современной и предшествующей культурой. Емкие и информативные, они часто оказываются знаками аллюзий, цитат и других включений.

Например, ИС-заглавие — одна из первых ономастических единиц, с которой начинается работа над художественным текстом. Заглавие романа

А.И. Солженицына «В круге первом» включает читателя в диалог эпох: оно напоминает о кругах ада в знаменитой поэме Данте «Божественная комедия» (XIV в.), называемой «поэтической энциклопедией средних веков». «Кругом первым», как известно, итальянский поэт обозначил самый легкий круг ада, куда он поместил мудрецов древности, не удостоенных, однако, безгрешного загробного существования. Описанная в романе «В круге первом» «шарашка» (именно так назвал свой роман А.И. Солженицын сначала) — это тот же ад, но его лучший и высший круг — первый, это почти рай для тех, кто прошел все остальные круги ада сталинских лагерей.

ИС-заглавие, таким образом, служит «началом для герменевтического круга понимания ХТ» [2], являясь важным средством интерпретации.

Однако восприятие лингвистического и экстралингвистического содержания имени собственного (ИС) читателем — сложный процесс. Его результативность зависит от ономастической компетенции реципиента, а также от следующих факторов: возраста, профессии, социального положения, языковой интуиции, уровня сформированности тезауруса, степени эрудиции воспринимающего и т.д. Уровень ономастической компетенции языковой личности, как правило, основывается на лингвострановедческой информации, прагматических коннотациях, единых для языковой общности в тот или иной период ее развития [7. С. 58]. Постепенное овладение иностранным языком приводит к естественному росту знаний прецедентных текстов культуры изучаемого языка, маркерами которых часто и являются ИС, а значит — к постепенному формированию ономастической компетенции реципиента-иностранца.

На разных этапах обучения русскому языку как иностранному уровень ономастической компетенции иностранного читателя различен. На этом основании можно выделить *уровни восприятия и интерпретации ономапоэтических единиц*:

- уровень «наивного» (обыденного) восприятия ИС (1 уровень);
- общеобразовательный уровень восприятия ономастической единицы как маркера экстралингвистической (национально-специфической и культурно-исторической) информации (2 уровень);
- филологический уровень восприятия — исследовательская интерпретация литературного ИС (3 уровень). Исследовательская интерпретация должна быть более глубокой, чем читательская, «от нее требуется исторический подход: она прослеживает историю духа и историю идей» [1. С. 7].

Так, в романе А.И. Солженицына «В круге первом» используются среди прочих микротопонимы г. Москвы, известные нам сегодня, но не употребляемые в условиях той действительности (1948—1949 гг.), которую воссоздает автор в своем произведении.

«...Полузамкнутым двориком министерства пройдя мимо памятника Воровскому, Иннокентий поднял глаза и вздрогнул. Новый смысл представился ему в новом здании *Большой Лубянки*, выходящем на *Фуркасовский*. <...> Он повернул направо, к *Кузнецкому*. От тротуара собиралось отъехать такси, Иннокентий захватил его, погнав его вниз, там велел налево, под перевозаженных

фонари *Петровки*. <...> Перед светофором в *Охотном ряду* его пальцы нащупали и вытянули сразу две пятнадцатикопеечных монеты. <...> Совсем не задумываясь Иннокентий — а ехал по *Моховой* как раз мимо посольства. Значит, судьба... Минули *Университет*, взлетели к *Арбату*. <...> Арбат был уже весь в огнях. Перед «Художественным» густо стояли в очереди на «Любовь балерины». Красное «М» над метро («*Сокольники*») чуть затягивало сизоватым туманцем...» [6. С. 8—10].

Исторические годонимы (названия линейных внутригородских объектов: улиц, переулков, площадей, бульваров [5]) *Большая лубянка* (ул. *Дзержинского* — в конце 40-х гг.), *Кузнецкий* (*Вишняковский* — в конце 40-х гг.) *переулок*, *Охотный ряд* (*проспект Маркса* — в конце 40-х гг.) и др. [см.: 3], употребляемые автором, характеризуются богатым прагмастилистическим потенциалом: они являются символами России без тоталитаризма, о которой тоскует автор, — символами той исторической эпохи, которая, по представлению создателя текста, уже безвозвратно утеряна — эпохи, в которой совесть была мерой достоинства личности.

Понимание значения этих сложных ономастических единиц непосредственно зависит от креативной деятельности читателя и его ономастической компетенции.

На 1 уровне читатели воспринимают адресность топонимов — линейных объектов г. Москвы (читатель воспринимает эти ИС как прямое указание на место событий романа).

На 2 уровне читатель распознает в них исторические ИС — микротопонимы, официально не употребляемые в реальности описываемого времени. Автор использует такие ИС намеренно, заменяя реальные именованные той эпохи (*проспект Маркса* — *Охотный ряд*, ул. *Дзержинского* — *Большая Лубянка*) историческими.

На 3 уровне реципиент воспринимает не только формальную (адресную) информативность ИС и их исторические характеристики, но и восстанавливает замысел автора, декодируя глубинную, имплицитную содержательность ИС. Так, намеренное использование (вместо официальных) исторических, устаревших, запрещенных в то время микротопонимов г. Москвы свидетельствует о негативном отношении автора к существующей власти, тоталитарному Советскому государству 30—50-х годов, выражает протест автора и его героев против порядков коммунистического общества.

Таким образом, функциональные возможности ИС в пространстве художественного текста требуют тщательного изучения. Культурологическая информативность этих единиц делает их предельно значимыми: с одной стороны, они эксплицируют концептуальную основу (идею произведения), авторские установки и интенции; с другой — ограничивают читательское интерпретационное поле, направляя креативную читательскую деятельность субъекта интерпретации.

Адекватное восприятие литературных ИС и текста в целом может свидетельствовать о высоком уровне сформированности ономастической компетенции.

ции читателя, в том числе — изучающего русский язык как иностранный. Анализ ономастических ресурсов при изучении русской художественной литературы является важной составляющей процесса обучения русскому языку как носителей языка, так и иностранных читателей.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Арнольд И.В.* Читательское восприятие интертекстуальности и герменевтика // Интертекстуальные связи в художественном тексте. — СПб.: Образование, 1993.
- [2] *Богин Г.И.* Филологическая герменевтика. — Калинин: Изд-во Калининск. гос. ун-та, 1982.
- [3] Имена московских улиц. — 2-е изд. — М.: Московский рабочий, 1975.
- [4] *Пассов Е.И.* Основы коммуникативной методики обучения иноязычному общению. — М.: Русский язык, 1989.
- [5] *Подольская Н.В.* Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Наука, 1988.
- [6] *Солженицын А.И.* В круге первом. — М.: Книжная палата, 1990.
- [7] *Супрун В.И.* Ономастическая компетенция как параметр языковой личности // Проблемы формирования языковой личности учителя-русиста / Отв. ред. Н.Ф. Алефиренко. — Волгоград: Перемена, 1993.

ON THE FORMATION OF ONOMASTYC COMPETENCE OF A READER

I.B. Maslova

Russian Language Department of Medical Faculty
Peoples' Friendship University of Russia
6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russia, 117198

In the article functional, pragmatic and linguistic potential of names is under analyses, their role in the process of interpretation of semantic aspect of literary text is also revealed, three levels of reception of onomastyc and poetic unites connected with the concept of onomastyc competence of a reader are defined, specificity of functioning of literary names in A.I. Solzhenitsin's works is investigated.

О ТВОРЧЕСКОМ МЕТОДЕ СОДРУЖЕСТВА ПИСАТЕЛЕЙ РЕВОЛЮЦИИ «ПЕРЕВАЛ»

А.Ю. Овчаренко

Кафедра русского языка юридического факультета
Российский университет дружбы народов
Ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В статье по-новому анализируются дискуссии второй половины 1920-х годов о творческом методе, переосмысляются традиционные представления о роли «Перевала» в создании единого творческого метода русской литературы метрополии.

Одной из основных проблем современного российского литературоведения все еще является отсутствие единой точки зрения на литературный процесс 1920—1930-х гг. Разнообразные гипотезы, появляющиеся с конца 1980-х гг., пока не дают цельного представления о литературном процессе: как обо всей совокупности фактов и явлений литературы, взятых в их хронологической последовательности и художественной преемственности, с одной стороны, так и о явлении, основным законом которого является взаимодействие между имманентными законами создания художественного текста и объективными тенденциями времени [1].

Хотя исследователи единодушны в оценке драматических событий 1917 г. в России, одним из результатов которых стала смена художественно-эстетических парадигм («взрыв» (Ю.М. Лотман), «сломяку культуры» (Г.А. Белая), «раскол» (М.М. Голубков), литературный ряд того времени как система художественных ценностей еще не выстроен, отсутствует многомерное, собственно историческое осмысление литературного развития 1920—1930-х гг. [2]. Должного внимания не уделяется и одной из важнейших составляющих любой художественной (литературной) системы — художественному (или, как его стали называть в начале 1930 гг. в СССР, — творческому методу). Использование в качестве характеристики литературы понятия «творческий метод» — этой своеобразной эстетико-художественной категории, связующей искусство и реальность, — позволяет более полно говорить о самой литературе как о средстве познания социальной жизни.

Во многих работах, посвященных литературной борьбе 1920—1930-х гг., умалчивается и роль литературных групп в литературном процессе, в их взаимодействии и взаимовлиянии (хотя М.М. Бахтин и предостерегал от сведения литературы того или иного периода к «поверхностной борьбе литературных направлений», справедливо считая, что наиболее важные аспекты литературы при этом остаются вне внимания исследователя) [3]. Но это была не просто борьба за литературное положение, проявлявшаяся в различных дискуссиях (о культурном наследии, о «социальном заказе», о «живом человеке» и др.), а борьба и взаимодействие альтернативных художественных систем, борьба разных мо-

делей революционной культуры: казарменной (РАПП и ЛЕФ) и романтической («Перевал»), и, шире — художественных мифологем мира и человека.

Одной из определяющих в этой борьбе была дискуссия второй половины 1920-х гг. и осени 1931 г. о методе новой художественной литературы. Дискуссия была вызвана не только самим процессом развития литературы: первое послеоктябрьское десятилетие воспринималось как внутренне завершённый период — его итоги подводились в многочисленных журнальных статьях и книгах. Подчеркивалось, что за десять лет проза завершила некий цикл своего развития, пройдя путь от кризиса до возрождения реалистических традиций, что в ней — отметим это особо — обнаруживается «тяготение к «классикам» как к исходной точке» [4].

Проблема реализма стала центральной во второй половине 1920-х гг., хотя споры о ней начались еще в полемике А. Воронского, А. Лежнева, близкого им С. Клычкова и др. с ЛЕФом и «формалистами», отрицавшими саму возможность творческого использования реалистических традиций русской литературы XIX в. «Формалисты», как впоследствии и ЛЕФ, считали, что искусство прошлого — лишь набор приемов. Лефовцы противопоставляли «новым» реалистическим романам («Разгром», «Вор», «Тихий Дон») документальную литературу, отрицали право реализма на существование в новую эпоху, были против реалистической разработки характера в художественном произведении и психологизма в литературе [5]. В этих условиях актуально прозвучал знаменитый призыв А. Воронского: «Вперед к классикам!».

Споры шли не только о том, как обновляется реализм в новых условиях, шел и поиск определения, которое могло бы закрепить его новое качество: «монументальный реализм» (А.Н. Толстой), «социальный реализм» (А. Луначарский), «неореализм» (А. Воронский), «диалектический реализм» (А. Лежнев), «романтический реализм» (В. Полонский), «синтетический реализм» (Д. Горбов) и т.д. Но в праве на существование именно реализма сомнений почти не было. Перевальцы, как и большинство их современников-писателей, были убеждены, что будущее искусство должно быть реалистическим. Это убеждение было типично и для революционной элиты в целом: реализм всегда был для нее наиболее приемлемым, «проверенным» методом.

В последнее время реализм, развивавшийся во второй половине 1920-х годов, иногда рассматривается только как реализм социалистический, приобретает черты безжизненной, застывшей, жестко канонической системы (Вик. Ерофеев, Е. Добренко, К. Кларк и др.). Историков литературы больше привлекают модернистские творческие системы, не только как противостоявшие социалистическому реализму, но и как более плодотворные. Внимание (и вполне справедливо) уделяется ранее малоизученным М. Кузмину, поэтам ОБЭРИУ, К. Вагинову, Л. Добычину, С. Кржижановскому, М. Козыреву и др. Но при этом порой упускается из виду, что реализм 1920—1930-х гг. развивали такие разные художники, как М. Горький, Андрей Платонов, М. Булгаков, Андрей Белый, М. Пришвин, Е. Замятин, А.Фадеев, С. Клычков, Ю. Олеша и др. Поэтому нам ближе точка зрения М. Голубкова и В. Заманской, видевших в русской литера-

туре 1920—1930-х гг. наряду с другими эстетическими системами и нереализованные возможности развития реализма [6].

Если РАПП (ВАПП) и ЛЕФ оставляли вне внимания вопросы эстетики художественного творчества, видя в литературе лишь средство идеологического воздействия, то перевальцы постоянно подчеркивали специфичность искусства как основу своей творческой программы. Эстетическая платформа «Перевала» базировалась на признании *специфичности искусства* (курсив везде наш — А.О.) как особого способа познания действительности и особого вида деятельности. Эта специфическая форма деятельности предполагает, во-первых, *овладение всей культурой прошлого* и, во-вторых, невозможна без *свободы творчества и свободы личности художника* — без этого искусство не может быть полноценным.

Одним из важнейших принципов «Перевала» была органичность творчества. А залогом *органичности творчества*, кроме «нутряного согласия» художника с действительностью, является органическое же сочетание коммунистических идей с художественной индивидуальностью каждого писателя. «Органическое творчество» предполагает *искренность*, понимаемую как страсть художника к выражению истины; *«движничество»*, подразумевающее изображение эпохи и человека в развитии; *трагедийность*, предполагающую не только показ основных конфликтов эпохи, но и внутренних конфликтов личности, а также путей их разрешения. Все это дает возможность изображать человека не как винтик огромной машины, а как *личность во всей ее цельности и полноте* проявлений. Именно в отношении к личности как к абсолютной ценности и заключается *гуманизм* художественной философии «Перевала», определяющий ее социальный пафос и являющийся, по словам А. Лежнева, «ключом к перевальскому творчеству», — *«творческий пафос социализма»*.

Совокупность этих художественных принципов обуславливала основной творческий принцип «Перевала» — *«моцартианство»*, которое предполагает наличие большой культуры (в том числе и эстетической), видение мира, возведенное в степень искусства, и целостный охват жизни. Это, по словам И. Катаева, есть самые необходимые условия творчества, направленного на создание «синтетического культурного идеала» того времени [7].

Воплощение этих творческих принципов определяет своеобразие художественной прозы перевальцев как реалистической.

К определению специфики художественного творчества в конце 1926-го — начале 1927 гг. обратились и вапповцы. На пленуме ВАПП 1926 г. в докладе Ю. Либединского реализм и реалистическая школа были признаны основным путем пролетарской литературы, курс на реализм был определен как очередная задача ВАПП. Переориентация художественной политики ВАПП была вызвана общим крайне низким уровнем пролетарской литературы. Но для ВАПП обращение к реализму было лишь этапом на пути создания «диалектико-материалистического метода», о котором они заговорили в 1929 г. Л. Авербах говорил вначале о том, что надо реализм и романтизм «переварить в котле пролетарско-

го содержания», ставя своей задачей создание новой пролетарской формы и нового пролетарского стиля. Реализм воспринимался многими как материализм, а романтизм — как идеалистическое «романтическое приукрашивание». Затем Л. Авербах выступал уже за «*воинствующий* диалектический материализм на литературном фронте» [8]. А. Фадеев говорил, что новый метод будет развиваться «не по линии романтики и не по линии наивного реализма», а будет призван не объяснять мир, а сознательно служить делу изменения мира» [9].

Не случайно, что содержание и значение понятий *метод и стиль* у вапповцев, в отличие от перевальцев, менялись в зависимости от конкретных общественно-литературных задач дня. ВАПП не только считала только себя первооткрывателем нового метода, но и создавала его *для себя*. «Знаменитый» лозунг «учебы у классиков» ВАПП превращала в простое заимствование приемов, фактически повторяя при этом ЛЕФ: ведь русская литература XIX в. была для них даже не «учебником жизни», а лишь «строительным» материалом. Так, у Л. Толстого вапповцы, следуя точке зрения В.И. Ленина, воспринимали лишь обличительный пафос его борьбы с царизмом.

Перевальцы справедливо называли эту учебу «школьной идейкой», понимаемой так, что «у классиков надо списывать целые страницы и потом под списанным ставить свою фамилию...». Перевальцы и А. Воронский тогда еще могли бороться с этими попытками ВАПП навязать литературе единственный марксистско-ленинский метод, строго последовательную единообразную систему. Они справедливо полагали, что искусство революции должно суметь органически слить реализм Толстого с романтикой Гоголя и Достоевского: «соединить реализм с хорошей, со *здоровой революционной романтикой* ... Обычно романтизм противопоставляется реализму. Но почему бы не преодолеть такое противоречие, почему бы не разрешить этого противоречия в творческом опыте?» [10]. (Такое сочетание «быта с фантастикой» А. Воронский, а вслед за ним и В. Полонский, видели в «Конармии» И. Бабеля). Интересно, что А. Воронский, хотя и призывал к решению литературных задач средствами литературы, все же вполне утилитарно (если не сказать — догматически) оценивал романтику (и брал у Гоголя и Достоевского только ее) с точки зрения полезности (здоровая) / неполезности для революции (оценивая «Цемент» Ф. Гладкова, А. Воронский подчеркивал «крепкий, здоровый романтизм» романа).

В поисках «главной метафоры» писателя А. Воронский противопоставлял иллюстративности, бытописательству как поверхностному соприкосновению с реальностью органический метод «внутреннего реализма», способность художника проникать во внутренний мир героя, «снимать покровы». (В своей книге «Искусство видеть мир» он анализировал творчество М. Пруста и А. Белого, расширивших, по его мнению, классический реализм).

В этом А. Воронский видел основную задачу «нового реализма», разработку которого после революции А. Воронский («На перевале», 1923) и Е. Замятин («О синтетизме», 1922 и «О литературе, революции, энтропии и прочем», 1923) начали почти одновременно.

В середине 1920-х гг. А. Воронский, перевальцы и В. Полонский вступали в дискуссии друг с другом, борясь за литературное положение, не желая видеть, что их литературные позиции во многом совпадают: они выступали под общим лозунгом борьбы с «теми течениями в современном искусстве, которые склонны процесс творчества заменять ремесленничеством, совесть и правду художника — торгашеством и «злободневностью» [11]. Разрабатываемые ими порознь идеи о «полнокровном и окрыленном» реализме (В. Полонский), об истолковании действительности посредством художественного образа, о необходимости создания художником собственной картины мира могли бы стать альтернативой единой идеологической и формальной художественной программе, предлагаемой ВАПП и всеми, кто пытался заменить «органическое» развитие литературы «административным командованием».

Однако перевальцы односторонне оценивали литературную борьбу середины 1920-х — начала 1930-х гг., считая основным ее содержанием борьбу между двумя тенденциями — позициями реализма и позициями левовцев. Перевальцы считали, что их роль в создании пролетарской литературы (так, как они понимали ее) заключается в развитии и углублении традиционного реализма XIX века. В то время это было положительное для литературы стремление, особенно на общем безрадостном фоне бездарных произведений пролетарских и крестьянских писателей середины 1920-х — начала 1930-х гг. Но А. Воронский, перевальцы и близкие им писатели не признавали за другими творческими методами роли в развитии литературы, с недоверием относились к экспериментам в области метода: известно отрицательное отношение А. Воронского к роману «Мы», общеперевальское неприятие сатиры М. Зощенко и т.п. Вне внимания перевальских идеологов осталось и творчество Л. Добычина, К. Вагинова, ОБЭРИУ. Типичным для тех лет было и полное неприятие литературной эмиграции. Фактически же перевальцы, всегда выступавшие за свободное творческое соревнование, пытались развивать только реализм, причем в рамках коммунистической идеологии (в истинности которой никто из них не сомневался).

От перевальцев отошли прежние союзники: В. Полонский убеждал их, что «всякая литературная борьба есть борьба политическая», что необходимо бороться с теми художественными образами, которые «заострены против пролетарской революции» [12].

«Перевал» был разгромлен во время дискуссии 1930 г., но плодами его творческой мысли воспользовались его литературные и политические противники при формулировке определения социалистического реализма как единого и единственного творческого метода, против существования которого выступали перевальцы. Точка зрения А. Воронского была вульгаризирована в эклектичном Проекте декларативных положений ВОПП «Кузница», где искусство пролетариата представало в виде невнятных «реалистического динамизма» и «пролетарского реализма-романтизма». Затем «крепкий, здоровый» романтизм А. Воронского превратился уже в «красный революционный романтизм»; перевальский принцип «движничества» — в изображение действительности; гуманизм И. Катаева и А. Лежнева стал «воинствующим активным»; призыв

И. Катаева обращаться к народному творчеству как к источнику вдохновения преобразовался в идею народности и национального достоинства (в конечном счете, это привело к трагическим последствиям: на дискуссии о формализме в 1936 г., за несколько месяцев до появления известной статьи «Сумбур вместо музыки», И. Катаев говорил уже о справедливости противопоставления народной литературы формализму, о «здоровом народном реалистическом искусстве», о «живом, всегда реалистическом, неподкупном, критическом большевистском духе» [13]. Художественность окончательно перестала быть одним из главных критериев литературы, ее основными задачами стали задачи политические и идеологические.

Предвосхищая известную формулу социалистического реализма, в одной из своих ранних статей А. Лежнев писал: «Знамя художественного реализма, как и знамя науки, переходит в руки пролетариата... Он должен создать *диалектический* реализм, искусство, которое сумеет воспроизводить жизнь в ее непрерывном развитии, в становлении, которое в действительности сегодняшнего дня сумеет показать ростки завтрашнего, зерна грядущего, которое сможет передать жизнь в непрерывном обновлении ее форм» [14].

В литературной науке сложилось представление о «Перевале» как об утраченной альтернативе социалистическому реализму (Г. Белая), но не следует ли скорректировать эту точку зрения? Трагический парадокс творческой судьбы Содружества «Перевал» заключался в том, что перевальцы, очевидно, сами не желая того, способствовали окончательному превращению реализма в реализм социалистический, в «нормативизм» (М. Голубков), часть общей идеологии тоталитарного государства.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Лейдерман Н.Л.* Траектории «экспериментирующей эпохи» // Русская литература XX века: закономерности исторического развития. Книга 1. Новые художественные стратегии. — Екатеринбург: УрО РАН, УрО РАО, 2005.
- [2] *Чудакова М.О.* Без гнева и пристрастия. Формы и деформации в литературном процессе 20—30-х годов // Литература советского прошлого. — М.: Языки русской культуры, 2001.
- [3] *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. — М.: Искусство, 1979.
- [4] *Лежнев А.* Художественная литература // Печать и революция. — 1927. — № 7.
- [5] *Третьяков С.* Биография вещи // Литература факта. — М.: Захаров, 2000; *Чужак Н.* Вместо заключительного слова // Новый ЛЕФ. — 1928. — № 4.
- [6] *Заманская В.В.* Русская литература первой трети XX века: проблемы экзистенциального сознания. — Екатеринбург-Магнитогорск: Изд-во Урал. ун-та, 1996; *Голубков М.М.* Русская литература XX в. После раскола. — М.: Аспект Пресс, 2002.
- [7] Советская литература на новом этапе. Стенограмма Первого пленума оргкомитета Союза советских писателей (29 октября — 3 ноября 1932). — М.: Советская литература, 1933.
- [8] Литературная газета. — 1929. — 7 октября.
- [9] Литературная газета. — 1929. — 28 октября.
- [10] *Воронский А.К.* Мистер Бритлинг пьет чашу до дна. — М.: Круг, 1927.

- [11] Вместо предисловия // Перевальцы. Антология. Содружество писателей революции «Перевал». — М.: Федерация, 1930.
- [12] Новый мир. — 1931. — № 10.
- [13] *Катаев И.* Искусство социалистического народа // Наши достижения. — 1936. — № 5.
- [14] Красная Новь // 1924. — № 3.

ON THE CREATIVE METHOD OF THE WRITERS OF REVOLUTION COMMUNITY «PEREVAL»

A.Y. Ovtcharenko

Russian Language Department of Faculty of Law
Peoples' Friendship University of Russia
6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russia, 117198

The article reveals a new angle of analysis of literary discussions about the creative method of the second half of 1920's. The traditional interpretation of the role of «Pereval» in the process of formation of common creative method of Russian literature is changed.

МИФОПОЭТИКА РУССКОЙ ЭПИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ 30—50-Х ГОДОВ XX ВЕКА: ПРОБЛЕМА НАЦИОНАЛЬНОГО МИРОСОЗНАНИЯ

Я.В. Солдаткина

Филологический факультет
Московский государственный педагогический университет
Ул. Малая Пироговская, 1, Москва, Россия, 119992

В статье рассматриваются особенности мифопоэтики русского романа 30—50-х годов прошлого столетия, подчеркивается влияние на мифопоэтическую структуру эпической прозы стремления воссоздать эволюцию национального мирознания, приводящего к сотворению специфического авторского неомифа.

Изучение мифопоэтического аспекта литературного произведения, мифопоэтических аллюзий и мотивов в последние десятилетия является одним из актуальных направлений литературоведения. Мифопоэтика русской романной прозы 30—50-х годов XX века складывается в период создания послереволюционного государства, мыслившегося его творцами как мощная советская империя и требовавшего соответствующего художественного мифа — то есть такой художественной системы, которая аккумулировала бы в себе комплекс представлений о стране и гражданах, несла бы информацию об этическо-нравственных нормах общества, о его целях и устремлениях, вписывала бы «национальный космос» в исторический и мировой контекст. На рубеже 30-х годов XX века А.Ф. Лосев посвящает мифу фундаментальное философское исследование «Диалектика мифа», в котором доказывает: «Миф — необходимейшая — прямо нужно сказать, трансцендентально-необходимая — категория мысли и жизни» [1. С. 10]. Жить вне мифа, то есть вне сформированной системы представлений об окружающем мире и собственном месте в нем, по Лосеву, невозможно.

Процесс постепенного складывания советской мифологии, расхожий набор советских мифов, отразившихся в «литературе социалистического выбора», подробно проанализирован Е.Б. Скороспеловой [2], подчеркивающей во многом добровольный, творческий характер советского мифотворчества, его стремление подменить собой прежние представления о мире, используя, однако, известные и продуктивные мифологические схемы и мотивы (напр., агиографические приемы в поэтике «Евангелия от Николая» «Как закалялась сталь» Н.А. Островского).

Помимо собственно соцреалистических произведений, направленных на тиражирование «социалистического космоса» (термин Е.Б. Скороспеловой), в 30—50-е годы возникают эпические произведения, не столько искусственно культивирующие новую мифологию, сколько работающие со сферой национального мирознания, исследующие изменения, произошедшие в революци-

онный и постреволюционный период в национальном мировидении, воссоздающие национальный мифологический космос и на его основе выстраивающие собственные авторские неомифы (и тем самым преобразующие литературные приемы эпохи рубежа веков). Ключевой для мифопоэтики эпической прозы 30—50-х становится проблема развития национального мировоззрения, претерпеваемые им трансформации, которые пытаются предугадать, творчески предсказать авторы, захваченные, с одной стороны, общим направлением эпохи — мифологизацией художественного пространства, но, с другой, апеллирующие к национальным корням, к классическим нравственным ценностям, к традиции. Тем самым они вступают в противоречие с мифологическими канонами литературы соцреализма, претендующей на полное и безраздельное господство в народном сознании, на конечную, недialeктическую истину о мире. Авторы ряда эпических произведений находятся либо в диалогических (поскольку принадлежат общей эпохе, общему социокультурному контексту), либо в конфронтационных отношениях с официальной культурой, делая упор не на «пропаганду» нового, но на изучение меняющейся ситуации в сфере национального мифа, и художественными средствами отражая данные перемены.

Для эпической прозы XX века мифопоэтика из средства, скорее, вспомогательного, каковым она являлась в классическом русском романе XIX века, становится важным компонентом художественной структуры произведения, связывающим уровень поэтики с проблемным уровнем, то есть некоей внутренней подсистемой, объединяющей различные элементы произведения в единое художественное целое. Это в первую очередь относится к мифопоэтике эпической прозы 30—50-х годов, поскольку глобальные процессы, потрясающие мирознание нации, наиболее адекватным и показательным художественным образом передаются именно с помощью мифопоэтического.

Предвосхищает творческие и идеологические поиски 30—50-х годов роман А.П. Платонова «Чевенгур» (1928 г.) Платоновская эпика с ее нереалистической поэтикой является, образно говоря, прелюдией к расцвету эпической, тяготеющей к эпическому охвату событий, прозы 30—50-х. Назвать платоновский роман «модернистской эпопеей» было бы слишком смело и терминологически необоснованно, но отдельные черты романа предугадывают дальнейшие художественные открытия в области подлинной эпики. Для «Чевенгура» свойствен практически эпический горизонт, в нем так или иначе представлены все слои тогдашней жизни, причем хронотоп путешествия, используемый в романе, позволяет автору и героям-странникам создать полифоническую панораму после революционной страны. Исследуя причины революции, Платонов видит их не в социально-классовых противоречиях, а в неспособности прежнего мифа обеспечить человеческую жизнедеятельность: картины засухи, неплодоносящей земли, убиваемых матерями детей доказывают исчерпанность того, что называется «крестьянским космосом», свидетельствует о мировой дисгармонии, о крахе патриархального мирознания. На протяжении повествования герои романа пытаются найти новые формы существования в мире (технократическая утопия,

коммуна, заповедник Пашинцева, чевенгурское братство), создать тот новый миф, который обеспечил бы гармонию, а в идеале — отменил бы смерть, разобщенность, сиротство. Автор не дает прямой оценки успешности усилий, но, в противовес чевенгурской утопии, создает собственный мифопоэтический проект обретения гармонии. Основу платоновского неомифа, с наибольшей яркостью проявляющегося в финале романа, составляет мифопоэтический синтез патриархальных и христианских мотивов с семантикой умирания / возрождения, когда падение Чевенгура не отменяет необходимости новых поисков, а уход Дванова в озеро, к отцу, не означает его уничтожения, а в общей мифопоэтической тональности финала рождает надежду на будущее возрождение, на новую встречу, на построение коммунизма не в его социальном, а в его метафизическом, религиозном смысле. Вообще фигура Дванова, сочетающая в себе целый комплекс мифопоэтических мотивов и христианского, и языческого (божество плодородия) генезиса, сама по себе, при всей своей нетипичности («большевистский интеллигент — редкий тип») [3. С. 106], становится для автора художественным воплощением возможности непротиворечивого примирения старого и нового миров, образом того «нового света», нового мифа, который мог бы стать основой для общенационального развития. В платоновском повествовании, посвященном анализу (и мифопоэтическому в том числе) причин и последствий свершившейся революции, находится место и описанию перемен, претерпеваемых национальным мирознанием, и поискам нового мифа, и собственному авторскому синтетическому неомифу, альтернативному по отношению к официальному. Данные черты, на наш взгляд, присущи и эпической прозе 30—50-х в целом.

Самым ярким образцом эпики 30—50-х становится шолоховская эпопея «Тихий Дон» (1927—1940 гг.), в которой национальное патриархальное мирознание, национальный крестьянский космос воплощается с наибольшей полнотой. Как и для Платонова, для Шолохова революция оказывается обусловленной всем строем предшествующей жизни, поскольку шолоховское любование народным космосом не отменяет невозможности для героя существовать в жестких рамках этого космоса. Два основных закона жизни, два свойства национального характера: приверженность дому, семье, очагу и нравственный максимализм, бунтарство, свободолюбие, — изначально антагонистичны, что вносит в патриархальный уклад жизни разлад и разрушение. Эта изначальная нестабильность казацкого (и — шире — всего крестьянского мира) подчеркнута и эпиграфами к роману, и образом Тихого Дона — не только как фольклорного обозначения места действия, как яркого оксюморона, но и как своего рода символа чаемой гармонии, того райского состояния, когда Дон (и река, и Область войска Донского) воистину станет тихим. В этом отношении мечта о Тихом Доне родственна национальным утопическим идеям обретения справедливого царства на земле, особенно актуализированным в революционный период.

Подчиняясь художественному мышлению эпохи, Шолохов характеризует дореволюционный национальный космос с помощью языческих мифопоэтиче-

ских приемов и тем, тогда как для изображения революционного мировоззрения он прибегает к «христианской художественной сокровищнице», заимствуя евангельские мотивы слепоты прежнего мира, мученической жертвы за новый мир (в эпизоде гибели подтелковского отряда) и др. Но уже в третьем томе, посвященном описанию вешенского восстания, мифопоэтическая картина романа меняется. Автора перестает удовлетворять жесткая оппозиция старого и нового, патриархального и революционного. Постепенно в образе Григория Мелехова объединяются мифопоэтические мотивы и черты различного генеза (солнечного всадника, Св. Георгия-защитника земли-любущки, Св. Николая — народного заступника), выполняющие функцию выделения, возвышения героя, подтверждающие его статус национального характера, олицетворяющего народную, а не личную, трагедию. По сути, знаменитые мелеховские метания есть воплощение свойственного нации нравственного максимализма, который не может себе позволить согласиться с новым миропорядком, если этот миропорядок не отвечает критерию истинности и нравственности. То, чего ищет Григорий для себя и для всего Дона, не укладывается в рамки социального порядка, это именно — новый образ мира, новый миф, в котором Тихий Дон станет возможным. И, мифопоэтически отмечая Мелехова, Шолохов тем самым утверждает его человеческую правоту, оставляет за ним право выбора и суда.

В создаваемой параллельно третьему тому «Тихого Дона» первой книге «Поднятой целины» Шолохов даже пытается набросать утопический проект такого нового мифа. По верному замечанию М.М. Голубкова, в этом романе «Шолохов поставил перед собой и выполнил задачу, которая оказалась не по плечу, пожалуй, никому: он сумел показать то, чего не было в действительности: принятие крестьянами коллективизации. <...> Шолохов сумел найти такие грани крестьянского сознания, которые действительно могли бы принять этот процесс...» [4. С. 62—63]. Но при этом Шолохов, ставший свидетелем ужасов коллективизации на Дону, все-таки не решается закончить «Тихий Дон» — народную эпопею — безоговорочным принятием революции и всего послереволюционного устройства, не делает Григория большевиком. Подобная концовка не только существенно обеднила бы роман, лишила бы его трагического ореола, но и означала бы полное замещение одного мировоззрения другим, победу новой идеологии, которой в действительности не было. Наоборот, Шолохов создает финал, в гораздо большей степени отвечающий национальному мирознанию и одновременно моделирующий авторский неомиф, передающий авторскую надежду на национальное возрождение.

В этом финале соединены по авторской воле языческие (весенний переход по льду из мира мертвых в мир живых) и христианские (переосмысленная притча о блудном сыне) жизнеутверждающие символы, патриархальная культура (встреча отца и сына, восстановление череды поколений) и христианские покаянные жесты (Григорий, прежде всего, опускается на колени и целует холодные ручонки сына). Шолохов сознательно выводит своего героя за рамки социальной системы (не случайно Григорий отказывается дожидаться амни-

стии), перестает оценивать на соответствие идеалу сложившееся на Дону мироустройство (и в этом умолчании авторская позиция проявляется, тем не менее, достаточно явно). Он рисует подчеркнуто внеполитическую — гуманистическую, мифопоэтическую картину примирения человека и мироздания (весна совпадает с нравственным пробуждением Григория, а над ним и сыном снова светит солнце), нравственного возрождения героя и его готовности принять окружающий мир. Тем самым в шолоховской эпопее складывается неомиф о народной судьбе, о неуничтожимости бытия, о раскаянии и способности к продолжению жизни. Финальный образ эпопеи: нравственно воскресший Григорий с сыном у ворот родного дома — становится эмблемой этого неомифа, в котором Шолохов стремится разрешить неразрешимые конфликты своего времени, противопоставить официальной мифологии, мыслящей бинарными оппозициями, идею прощения, примирения, непротиворечивого соединения старого и нового, дающего в итоге такой «народный миф», который действительно мог бы стать основой нового национального космоса.

В эпопее Шолохова, пользующегося языческой и христианской символикой и поэтикой, но не становящегося при этом ни язычником, ни христианином, предвосхищается последующее возрастание роли христианской поэтики, христианских гуманистических ценностей в мифопоэтическом и идеологическом поле русской эпики. Отметим, что практически одновременно с началом написания Шолоховым «Тихого Дона» в русском зарубежье И.С. Шмелев задумывает одно из самых ярких мифопоэтических произведений, отражающих патриархальное православное мирознание дореволюционной России — «Лето Господне» (1927—1948). Этот факт подтверждает общность тенденций, влияющих на отечественный литературный процесс, вне зависимости от убеждений авторов, от их принадлежности к официальной, потаенной или же зарубежной ветви единой русской литературы XX века.

Значимость для мирознания нации отвергнутого в революционный период христианского космоса осознается и авторами, живущими в Советском Союзе. Во втором романе А.П. Платонова «Счастливая Москва» (1933—1934 гг.) наравне с трансформированными популярными мифами эпохи 30-х (миф о покорении воздуха, о метростроевцах, о научном преодолении смерти) звучит и античный миф об Амуре и Психее, и идеи русской религиозной философии. Все произведение может быть прочитано как платоновская вариация истории поисков душой своего истинного предназначения, которым оказывается в итоге христианская любовь-агапэ (сострадание, по о. П.А. Флоренскому — высшая ипостась любви). Так, растворяющийся в поистине христианском самопожертвовании инженер Сарториус, наблюдающий в финале романа за своей спящей сварливой женой, несет в себе частицу психеи / души, обретающей своего Небесного Жениха (поскольку античная легенда имеет и позднее аллегорическое христианское толкование). Платонов расширяет мифопоэтические возможности эпики, обогащая ее христианской образностью и идеологией, что потенциально включает в себе возможность рассмотреть национальное мирознание во всей его полноте и многополярности.

Творческие поиски и находки Платонова останутся безвестными, поскольку, как и «Чевенгур», «Счастливая Москва» в 30-е напечатана не будет. Но Платонов, как и в случае с «Чевенгуром», в силу своей творческой чуткости оказывается неуслышанным пророком, предвидящим дальнейший путь развития эпической советской прозы эпохи. Обращение к христианскому мировоззрению, причем взятому в специфической трактовке деятелей русской религиозной философии (С.Н. Трубецкого, Н.А. Бердяева, П.А. Флоренского и др.), стремление воссоздать национальный космос во всем его многообразии: от классической русской литературы и интеллигентской культуры рубежа веков до народных песен и городских куплетов, осмыслить историю нации за более чем сорок лет, включивших в себя несколько революций и войн, — все вышесказанное присутствует в «лирической эпопее» (М.Л. Гаспаров) Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго».

С одной стороны, этот роман можно отнести к явлениям постсимволизма, творчески преобразовывающим опыт культуры серебряного века, с другой, он поводит некую смысловую черту под эпохой 30—50-х, суммируя в себе ее художественные достижения, в частности, в плане воссоздания национального мирознания и попыток сотворения нового мифа. Мифопоэтическая система романа такова, что в ней реальные исторические события, фигуры писателей и поэтов подвергаются мифологизации (А.С. Пушкин, А.А. Блок), выполняя роль культурного символа, а главный герой мифопоэтизируется, сочетая в себе разнообразные мифологические черты (типологически, подобно Александру Дванову или Григорию Мелехову, Живаго — отщепенец, интеллигент, подчеркнуто негероический персонаж, оказывается мифопоэтическим воплощением национального духа, мистическим врачом / женихом России, раскрывающейся в романе в различных женских ипостасях).

Пастернак строит свое повествование как «лирический эпос» о болезни, кризисе, переживаемом Россией. В основе этого «эпоса» лежит идея личности в ее христианском понимании, но при этом «личность» существует в пространстве национальной истории и — шире — в общемировой христианской мистике. То есть Пастернак одновременно и создает мифопоэтический образ России, ее бытия, ее культуры (подчеркнем многоаспектность, многополярность, всеобъемлющую полноту этого образа), и — вписывает происходящее в глобальный общечеловеческий контекст, преодолевая тем самым рамки замкнутого / национального.

Перспективы развития национального мирознания, отказавшегося в революционный период от своих корней, от прежнего мифа (и в культурном / интеллигентском, и в патриархальном / крестьянском его вариантах), Пастернак связывает с идеей национального примирения, вышедшей на первый план во время Великой Отечественной войны, с обретением исторической памяти (которая, в соответствии с идеями русской религиозной философии, сама по себе есть прообраз бессмертия), с творчеством, преодолевающим границы земной жизни и уходящим в вечность. Так, в прозаическом финале романа нашедшаяся

дочка Живаго и Лары беспризорица Таня символизирует собой восстановление непрерывной череды поколений, «живого тока крови» (и эта идея близка финалам и «Чевенгура», и «Тихого Дона»), а читающие стихи Живаго его друзья совершают подлинное воскресение героя. В стихотворном же финале российская драма воспринимается как один из актов всемирной истории, движущейся по реке жизни к своего эсхатологическому итогу: Божьему суду. Мифопоэтическая система романа, призванная передать авторское восприятие истории России, авторский миф о России, разворачивается в универсальный миф о бытии. И в этом контексте можно утверждать, что созданный Пастернаком миф оставляет у читателя надежду и на пробуждение и воскресение страны.

На протяжении 30—50-х годов XX века русская эпическая проза стремилась художественными средствами воссоздать национальное мировидение, тот «образ мира», который подвергся коренному пересмотру в революционную эпоху. Если для Шолохова и отчасти Платонова этот миф — прежде всего крестьянский, патриархальный, то для Пастернака этот миф включает в себя все совокупность российского бытия, все пласты общества. При этом отечественная эпика не могла не рассуждать о путях развития народного космоса в новых условиях, не творить свой собственный «новый мир», альтернативный «советскому космосу» литературы соцреалистического выбора. В своих неомифах авторы эпических произведений прежде всего подчеркивали необходимость гармонического синтеза прежнего и нового, отказ от насильственной переделки сознания, идею примирения с прошлым, актуализировали гуманистические общечеловеческие ценности (в противовес коммунистической нравственности). На художественном уровне неомиф эпика 30—50-х годов представлял собой закономерное развитие мифопоэтических приемов и находок предшествующего литературного этапа, тем самым доказывая поступательность и эволюционность литературного процесса. Отметим, что развитие мифопоэтики эпической прозы было типологически сходным как в подцензурных произведениях, так в потаенной литературе и литературе русского зарубежья. И в плане творческих приемов мифопоэтизация эпика давала типологически близкие образцы, используя символику умирания / возрождения, встречи отцов и детей, непрерывности жизни. Открытость финалов, свойственная рассмотренным выше романам, также способствовала восприятию повествования как универсального, открытого, обобщающего мифа о пути человеческой души к идеалу и высшей истине.

Впоследствии идеи и творческие открытия эпика 30—50-х в мифопоэтической сфере будут востребованы и переосмыслены в произведениях «малого эпоса» конца 50-х — начала 60-х годов, когда «большая проза» постепенно теряет свою актуальность, а проблемы национального мирознания начинают рассматриваться на «локальном» материале, на примере частной судьбы, символизирующей при этом судьбу страны («Судьба человека» (1956 г.) М.А. Шолохова, «Evgenia Ivanovna» (окончательная редакция 1963 г.) Л.М. Леонова, «Один день Ивана Денисовича» (1959 г.) и «Матренин двор» (1960 г.) А.И. Сол-

женицына). Отголоски мифопоэтики эпической прозы 30—50-х будут слышаться в «деревенской прозе» 60—70-х годов, пронизанной болью за гибель того национального космоса, революционному преобразованию которого посвящали свои страницы А.П. Платонов, М.А. Шолохов, Б.Л. Пастернак.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Лосев А.Ф.* Диалектика мифа // Он же. Миф — Число — Сущность. — М., 1994.
- [2] *Скорospelова Е.Б.* Русская проза советской эпохи (1920—1950-е годы). — М., 2002.
- [3] *Платонов А.П.* Чевенгур. — М., 1991.
- [4] *Голубков М.М.* Утраченные альтернативы: Формирование монистической концепции советской литературы. 20—30-е годы. — М., 1992.

THE MYTHOPOETICS OF THE RUSSIAN EPICAL PROSE 1930TH—1950TH: THE QUESTION OF NATIONAL CONSCIOUSNESS

Y.V. Soldatkina

The Department of Philology
Moscow State Pedagogical University
1, Malaya Pirogovskaya str., Moscow, Russia, 119992

The article reveals the mythopoetical characteristics of the Russian prose of the 1930th and 1950th. The author underscores the influence of the attempt to recreate the evolution of the national consciousness on the mythopoetical structure of the epical prose, which leads to the creation of a specific neomyth.

ДОМ И ДОРОГА КАК СИМВОЛЫ ЖИЗНИ В МИРОВОСПРИЯТИИ А.Т. ТВАРДОВСКОГО

С.Р. Туманова

Кафедра русского языка медицинского факультета
Российский университет дружбы народов
Ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Статья посвящена анализу мотивов дома и дороги в творчестве А.Т. Твардовского, их роли в раскрытии одного из важнейших философских понятий — жизни.

Образы дома и дороги — центральные для многих художественных миров. Но расшифровываются они по-разному, в зависимости от наполнения идеями и настроениями художников слова.

Дом и дорога — ключевые мотивы творчества Твардовского. Конкретные, земные понятия, вбирая в себя все смыслы, стоящие за ними, приобретают у Твардовского философскую окраску, становятся символами жизни. Спряжение дома и дороги было творческим открытием Твардовского, давало ему возможность расширить их значение.

Дом Твардовского — это и отчий дом на хуторе Загорье, и вся «мать-земля». Дорога — это и лесная тропинка, без которой не жить и не петь поэту, и дорога «в три тысячи верст шириной» — символ строительства новой жизни. Дорога вела поэта из дома в большую жизнь и обратно домой, к своим корням.

Дом для поэта означал ту основу основ бытия, без которой невозможна жизнь. Не случайно первое опубликованное стихотворение «Новая изба» было о доме. Сквозь конкретность, зримость деталей проступает обобщенно-философское значение: дом — исток жизни, новый дом — новая жизнь. Через много лет он напишет: «Я счастлив тем, что я оттуда, // Из той земли, из той избы, // И счастлив тем, что я не чудо // Особой, избранной судьбы» [1. Т. 3. С. 234], где изба-дом — образ родины.

Утрата дома вызывает у поэта горестное размышление о смысле жизни, становится символом несостоявшейся судьбы: «Ни внуков, ни своей избы, // Сиди в землянке, как в колодце. // И старость...» [1. Т. 1. С. 38]. Вызывающим неприятие и даже ужасным становится для Твардовского такое явление, как бродяжничество. И не только в прямом его значении. Впервые это слово в кавычках появляется в записи 31 января 1955 года после прочтения романа Д. Олдриджа «Охотник»: «Охотник» Д. Олдриджа — хорошо, душевно и ново (развенчание «бродяжничества»)» [2. С. 155]. Твардовский сложно переживает первое снятие с редакторского поста, когда не идет работа, когда «относит и относит тебя куда-то в мерзость бездеятельного мысле- и словоблудия, в «бродяжничество», за которым только конец — и конец постыдный, мучительный, разрушающий тебя еще заранее своей неизбежностью, своим ужасом» [2. С. 155].

В раннем творчестве Твардовского почти в каждом стихотворении есть и дом, и дорога. Герои его стихотворений все время в движении: они идут, едут, летят. Дом — стабильность, а дорога — поиск, как в «Стране Муравии», поиск лучшей жизни. Продолжая традиции русской литературы от сказочных путешествий былинных героев до странствия некрасовских персонажей из поэмы «Кому на Руси жить хорошо», Твардовский вносит свое видение темы. «Путешествие Моргунка к мнимой стране счастья, — размышляет А.В. Макадонов, — это и путешествие его к подлинным критериям и *путям счастья*, и вместе с тем *путешествие к правде*, к выбору между иллюзией и действительностью, к обоснованию и оценке мечты» [3. С. 180]. Может быть, такой мечтой о путешествии к правде была и его, кажущаяся странной для Твардовского, мечта о кругосветном путешествии. Дважды в «Рабочих тетрадях» он упоминает об этом. Первый раз в 1966 году в декабрьские дни, когда он, как обычно, планировал работу на следующий год, записывает, используя толстовское «е.б.ж.» и придумывая свое е.б.х.: «А потом «е.б.ж.» и е.б.х. (если все будет хорошо) совершу кругосветное путешествие по воде и запишу все по-манновски со всякими отвлечениями и т.п.» [4. С. 150]. «По-манновски» — это значит с философскими отступлениями, размышлениями о жизни. Второй раз в 1968 году, в октябре, также в размышлениях о работе и планах появляются слова: «Потом все же кругосветное путешествие?» [5. С. 138].

«Я иду и радуюсь» — восклицает герой ранней лирики Твардовского. В этот период мотив дороги соединяется с мотивом памяти. А память — это продление прошлой жизни в настоящем и дальше — в будущем. «Дорога и память у Твардовского, — пишет В.М. Акаткин, — не противостоят, они всегда дополняют и продолжают друг друга и в этом своем единстве восстанавливают равновесие бытия, гармонию прошлого, настоящего и будущего» [6. С. 4]. Показательно в этом смысле стихотворение «Поездка в Загорье», в котором малое перемещение в пространстве сопрягается с воспоминанием и образ времени философски осмысливается: «Время, время, как ветер, // Шапку рвет с головы» [1. Т. 1. С. 209].

Мотивы дома и дороги в период войны приобретают новые смысловые оттенки. Война со всей своей жестокостью обрушивается на дом, потеря которого страшна особенно для хозяина, она равна потере жизни. С этим связана антинomia «свое — чужое» — еще один постоянный мотив творчества Твардовского. Для бойца, защитника своей земли, дом — надежная опора: «Он — у себя, он, русский, — дома, // А дома лучше, чем в «гостях» [1. Т. 2. С. 47]. Образ врага — «гостя» в доме, куда его не звали, повторяется, варьируется, развивается в военных стихах Твардовского. Он «гость недолгий», «бродяга полумира», «вор, ограбивший дом». Дом, который оказался в плену, дом, который служит врагу, потому что враг его «заставил», это все-таки дом, он часть родины.

Дом — это и родная Смоленщина, и вся русская земля. Образы дома и дороги в этот период сливаются, замещают друг друга. Дом оказывается у дороги и в дороге, а дорога становится домом. Дом, разрушенный войной, оказывается

символом борьбы, помогая бойцу в его битве с врагом: «Стой и гляди! И ты пойдешь // Еще быстрее вперед. // Вперед, за каждый дом родной» [1. Т. 2. С. 65]. Дорога отступления трудна, потому что «горько по земле родной идти, в ночи таясь». Дорога в наступление — «веселый труд», Поэтому она — «в три тысячи верст шириной». И не случайно здесь использовано исконно русское слово «верста». Этим утверждается, что русский — дома. Поэт призывает сопротивляться врагу и дома: «Бей, семья деревенская, вора в честном дому», и на дороге: «Чтоб дорога трясинаю // Пузырилась под ним» [1. Т. 2. С. 69]. Для наших войск, изгоняющих врага, дорога может быть и «прямой», и «кружной», и «трудной», но это «честная» дорога, потому поэт уверен: «Дойдем до места». Проспект, проселок, тропа, стезка — все эти определения дороги, данные Твардовским в одном только стихотворении «В Смоленске», не просто названия, все они, кроме первого, исконно русские. Они служат поэту для усиления чувства глубокого презрения к фашистам и столь же глубокой нежной любви к Родине, к своему дому: «Мне каждой жаль тропы и стезки, // Где проходил он по земле» [1. Т. 2. С. 108].

Иногда дом оказывается в противоречии с дорогой. Дорога уводит от дома, нарушает привычное течение жизни, становится разлучницей: «Когда пройдешь таким путем // Не день, не два, солдат, // Еще поймешь, // Как дорог дом, // Как отчий угол свят» [1. Т. 2. С. 91]. Поэт противопоставляет дом и дорогу, используя выражение «идти по миру» в прямом и переносном значении. В своей походной жизни солдат действительно идет по миру, уходя все дальше от родного дома, воспоминание о котором лишь ранит, и, казалось бы, лучше не вспоминать о нем, но солдат-освободитель, потеряв многое на дорогах войны, должен верить: «Живем, не по миру идем, // Есть что хранить, любить, // Есть где-то, есть иль был наш дом, // А нет — так должен быть!» [1. Т. 2. С. 110]. Храня в сердце дом, солдат охраняет саму жизнь.

Во время войны память о доме помогает выжить. И даже страдания, потери близких не умаляют стремления человека иметь свой дом. В мотиве дома появляется новое значение: дом — это содружество людей, объединенных общей бедой и общим делом: «Возьму, возьму, мой мальчик, // Уедешь ты со мной // На фронт, где я воюю, // В наш полк, в наш дом родной» [1. Т. 2. С. 119]. В диалоге матери, пристроившейся на обочине фронтовой дороги, и солдата, лицом похожего «на мужика — солдата всех войн и всех времен», раскрывается суть мировоззрения Твардовского: у человека в любых обстоятельствах память о доме вызывает чувство ответственности за другого и тем самым помогает выжить. Здесь слово «дом» становится синонимом слова семья. В этом же значении выступает слово «дом» и в поэме «Дом у дороги»: «Среди такой большой земли родной, заветный угол». Дом в поэме обретает так много значений, обрачивается столькими гранями, что становится символом самой жизни.

Мотив дома у дороги раскрывается и в стихотворении «Дом по дороге фронтовой». Полуироническая, полушутливая первая его часть контрастирует с трагической ситуацией поэмы «Дом у дороги» и с драматическим напряжени-

ем второй части стихотворения. Кажется, что поэт словами «дом у дороги. Поворот с утихшей магистрали» прерывает усмешку, напоминает о трагедии потерь на войне и тем самым выводит стихотворение на уровень обобщений: каждый должен помнить, что его ждут дома, и в любом случае память о нем будет жить.

Не обошел Твардовский мотивы дома и дороги и в военной прозе, в записках «Родина и чужбина». Открывая для себя жанр дорожного дневника, идея которого потом разовьется в поэме «За далью — даль», поэт говорит о необходимости выразить многослойность впечатлений.

Поэма «Василий Теркин», вобравшая в себя все мотивы поэзии Твардовского периода войны, включает и мотивы дома и дороги. И хотя у самого главного героя нет семьи, исподволь, на протяжении всей поэмы звучит и тоска по дому, необходимость дома как основы жизни: «Я покинул дом когда-то, // Позвала дорога вдаль. // Не мала была утрата, // Но светла была печаль» [1. Т. 2. С. 242]. В.М. Акаткин в своей новой книге «Александр Твардовский и время. Служение и противостояние» утверждает: «Все происходящее в поэме — это сражение народа за право на жизнь, на дом и личное самостоянье, за высокую честь называться великим народом, за свое место под солнцем, за свободу в обстоятельствах губительной несвободы» [7. С. 14].

В послевоенном творчестве Твардовского мотивы дома и дороги продолжают развиваться. Акцент вновь перемещается с дома на дорогу. Теперь дорога поэта — жизнь, дом — родина, включающая в себя и Смоленщину, и Москву, и саму дорогу. «По всему Советскому Союзу, // Только б та задача по плечу, // Я мою уживчивую Музу // Прописать на жительство хочу» [1. Т. 3. С. 59]. Сам поэт всегда в дороге, и Москва, его новый дом — «мать приемная» — с ним в пути. «Где мы, там и Москва», — говорят молодожены из поэмы «За далью — даль».

Образ дороги все чаще приобретает символическое значение жизненного пути. Дорога поэта — не проторенная дорожка, а «нехоженный путь», она всегда на подъеме, «за бегущим днем, как за огненным валом». Поэт не может быть «от многолюдных дорог в стороне», но для него важна и тропинка, где он оставляет «сегодняшний след». Не случайно в его «Рабочих тетрадях» в 1955 году появляется среди других цитата из А. Блока: «Первым и главным признаком того, что данный писатель не есть величина случайная и временная, — является чувство пути» [4. С. 164]. Дорога в поэме «За далью — даль» — и конкретная транссибирская магистраль, и символическая дорога во времени: «Я еду. Малый дом со мною, // Что каждый в путь с собой берет» [1. Т. 3. С. 211]. Дом в поэме из «малого» превращается в тот общий дом, который «люди строят на века».

Мотивы дома и дороги неразделимы в творчестве Твардовского, они, в понимании поэта, олицетворяют саму жизнь. И он только мечтает о том, чтобы слово могло сравниться с дорогой: «А где мое слово, что было бы подлинным, // Тем самым, которое временем спросится?..» [1. Т. 3. С. 131], с дорогой строи-

тельства новой жизни: «Но только бы даль в нем была богатырская, // Как русское это раздолье сибирское; // Как эта моя, осененная кранами, // Дорога дорог меж двумя океанами» [1. Т. 3. С. 131]. Мотивы дома и дороги, таким образом, проходят через все творчество Твардовского, обогащаясь множеством значений. Их развитие определяет становление поэтической системы Твардовского в русле развития лирического начала от поэтических зарисовок до философских размышлений.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Твардовский А.Т.* Собр. соч.: в 6-ти тт. — М.: Худож. лит., 1976—1983.
- [2] *Твардовский А.Т.* Рабочие тетради // Знамя. — 1989. — № 7.
- [3] *Македонов А.В.* Творческий путь Твардовского. Дома и дороги. — М.: Худож. лит., 1981.
- [4] *Твардовский А.Т.* Рабочие тетради // Знамя. — 2002. — № 5.
- [5] *Твардовский А.Т.* Рабочие тетради // Знамя. — 2003. — № 10.
- [6] *Акаткин В.М.* Дорога и память. О Твардовском. — Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 1989.
- [7] *Акаткин В.М.* Александр Твардовский и время. Служение и противостояние: Статьи. — Воронеж: Изд-во ВГУ, 2006.

HOME AND ROAD AS SYMBOLS OF LIFE IN A.T. TVARDOVSKY'S INTERPRETATION OF WORLD

S.R. Tumanova

Russian Language Department of Medical Faculty
Peoples' Friendship University of Russia
6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russia, 117198

This research is devoted to the analysis of such motives as home and road in the Tvardovsky's works and to the role they play in understanding of life — one of the most important philosophical concepts.